ОЧЕРКИ,

ЗАМѢТКИ и ДОКУМЕНТЫ

по

ИСТОРІИ МАЛОРОССІИ.

Ал. Лазаревскаго.

IV.

Съ рисункомъ.

Кіевъ, типографія Императорскаго Универ[illegible] [illegible]адиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. у[illegible] [illegible]
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. По поводу ста лѣтъ отъ дня смерти графа П. А. Румянцова.

---

8 декабря 1796 года, въ деревенской тиши и въ одиночествѣ, умеръ одинъ изъ главныхъ Екатерининскихъ полководцевъ и администраторовъ—гр. П. А. Румянцовъ, получившій за свои побѣды надъ турками прозваніе Задунайскаго. Но въ Малороссіи гр. Румянцовъ памятенъ не военными отличіями, а своею административною дѣятельностью: онъ поставленъ былъ во главѣ этого края въ к. 1764 года, когда было упразднено „гетманское правленіе", и правилъ имъ 25 лѣтъ. Въ его управленіе Малороссія окончила свою автономную жизнь и была сравнена по управленію съ другими областями имперіи.

Въ настоящій моментъ, въ столѣтіе со времени смерти гр. Румянцова, умѣстно было бы помянуть его болѣе или менѣе обстоятельнымъ жизнеописаніемъ, но мы говорили раньше[1]) о полной бѣдности матеріаловъ для такого труда. Не повторяя уже сказаннаго по этому предмету, мы здѣсь приведемъ лишь нѣкоторыя черты изъ той дѣятельности гр. Румянцова, которая касалась Малороссіи.

Гр. П. А. Румянцовъ родился въ глухомъ молдавскомъ селѣ Строенцахъ, въ 1725 г. „Это случилось (говоритъ со словъ самого Румянцова его бывшій адъютантъ Ясновскій) тогда, когда мать его, Румянцова, выѣзжала встрѣчать мужа, бывшаго тогда посломъ въ Константинополѣ"[2]). Родился Р—въ, повидимому, въ самомъ началѣ января, такъ какъ мать его уже 8 января,

---

[1]) „Кіев. Стар." 1895 г., мартъ, 385.

[2]) Т. ж., 399.

1725 года писала къ императрицѣ Екатеринѣ I, прося ее быть воспріемницею „новорожденнаго сына Петра" [1]). Въ 1738 году отецъ этого сына, извѣстный любимецъ Петра В., А. И. Румянцовъ, былъ назначенъ правителемъ Малороссіи и оставался на этомъ мѣстѣ болѣе двухъ лѣтъ. Съ отцомъ жилъ въ Малороссіи и его сынъ. По возрасту въ это время молодому Румянцову нужно было учиться. Онъ и учился, при чемъ учителемъ для него былъ выбранъ мѣстный педагогъ Тимофей Михайловичъ Сенютовичъ. Это былъ сынъ одного изъ трехъ братьевъ ученыхъ монаховъ Сенютовичей (изъ нихъ Іоанникій—извѣстный печерскій архимандритъ), проходившій курсъ сначала въ Черниговскомъ „коллегіумѣ", а потомъ изучавшій „въ иностранныхъ земляхъ разные языки" [2]). Возвратившись на родину, Сенютовичъ занялся обученіемъ „дѣтей въ школѣ". Въ это время онъ и былъ приглашенъ „быть учителемъ" молодого Румянцова. Ученіе шло повидимому успѣшно; по крайней мѣрѣ, Сенютовичъ настолько угодилъ отцу ученика, что не смотря на то, что учитель былъ „посполитаго званія человѣкъ", въ 1739 г. его поставили Черниговскимъ полковымъ судьею.

Нѣтъ сомнѣнія, что впечатлительные отроческіе годы оставили въ молодомъ Румянцовѣ слѣды его пребыванія въ Малороссіи на всю жизнь. Любовь къ мѣстному языку, о чемъ имѣются свѣдѣнія (см. ниже), должна была получить свое начало въ эти же отроческіе годы.

Первую извѣстность молодой Румянцовъ пріобрѣлъ въ семилѣтнюю войну. Военные таланты его настолько уже обозначились въ эту войну, что, по преданію, Фридрихъ II тогда же говорилъ своимъ генераламъ: „остерегайтесь сколь можно этого собаки Румянцова! прочіе (русскіе генералы) для насъ не опасны". Румянцову въ это время было съ небольшимъ тридцать лѣтъ.

Подъ вліяніемъ Тепловскихъ свѣдѣній о происходящихъ въ Малороссіи „непорядкахъ управленія", Екатерина II рѣшила уничтожить гетманство. На мѣсто отставляемаго гетмана нужно

---

[1]) Исторія Россіи Соловьева, изд. т-ва „Общ. Польза", IV, 940.

[2]) См. „Кіев. Стар." 1889 г., январь, 222.

было выбрать человѣка, который съумѣлъ бы тихо и спокойно ввести въ этомъ краѣ общерусскіе порядки. Умѣніе Екатерины выбирать людей по мѣсту—обнаружилось и въ этотъ случаѣ: выбранъ былъ сорокалѣтній Румянцовъ, которому и поручена была Малороссія въ управленіе съ обширными полномочіями.

Указомъ 10 ноября 1764 года учреждена была, вмѣсто гетманскаго правленія, Малороссійская коллегія, и президентомъ ея назначенъ гр. П. А. Румянцовъ. Послѣдній получилъ при этомъ отъ императрицы обширную инструкцію относительно управленія краемъ, требовавшимъ, по мнѣнію правительства, кореннаго переустройства. Въ инструкціи читаемъ: „Извѣстны каждому пространной Малороссіи обширности, многолюдство живущаго въ ней народа, великое ея плодородіе и по добротѣ климата различныя предъ многими имперіи нашей мѣстами преимущества, но, напротивъ того, не менѣе извѣстно всѣмъ и то, что Россія при всемъ томъ весьма малую, а во время послѣдняго гетманскаго правленія почти и никакой отъ того народа пользы и доходовъ понынѣ не имѣла. Сверхъ того, вкоренившіеся тамъ многіе непорядки, неустройства, несообразное смѣшеніе правленія воинскаго съ гражданскимъ; отъ неясности различныхъ чужихъ законовъ и правъ происхожденія; въ судѣ и расправѣ безконечныя волокиты и притѣсненія; самопроизвольное нѣкоторыхъ мнимыхъ привелегій и вольностей узаконеніе, а въ настоящихъ частое и великое во зло употребленіе; весьма вредные, какъ владѣльцамъ, такъ и самимъ посполитымъ людямъ, съ мѣста на мѣсто переходы; закоснѣлая почти во всемъ народѣ къ земледѣлію и другимъ полезнымъ трудамъ лѣность, и такая же примѣчаемая въ немъ внутренняя противъ Великороссійскаго ненависть, представляютъ вамъ весьма пространную значительнаго наблюденія и старанія вашего матерію".—Затѣмъ, Румянцову поручалось обратить особое вниманіе на прекращеніе „переходовъ земледѣльцевъ съ мѣста на мѣсто" и вмѣстѣ съ тѣмъ представить на утвержденіе планъ—„какимъ образомъ новую во всей Малороссіи ревизію учредить". Въ заключеніе инструкція указывала главную задачу новому правителю края—сглаженіе того антагонизма, который существуетъ между двумя народно-

стями.—„Осталось еще упомянуть объ одномъ пунктѣ, который особливо при учрежденіи нынѣшняго въ Малороссіи новаго правленія заслуживаетъ нѣкотораго политическаго примѣчанія. Состоитъ оный въ упомянутой сокровенной ненависти тамошняго народа противъ здѣшняго, который опять, съ своей стороны, пріобыкъ оказывать не неприметное къ малороссіянамъ презрѣніе. И какъ та ненависть особливо примѣчается въ старшинахъ тамошнихъ, кои опасаясь видѣть когда нибудь предѣлы беззаконному и корыстолюбивому ихъ своевольству, болѣе вперяютъ оную въ простой народъ, стращая его сперва нечувствительною, а современемъ и совершенною утратою правъ и вольности, то нѣтъ сомнѣнія, чтобъ они, при настоящей правленія ихъ перемѣнѣ, тѣмъ паче не усугубили тайно коварство свое, что пресѣченіе прежнихъ безпорядковъ и установленіе лучшихъ учрежденій не будетъ согласоваться съ ихъ прихотями и собственною корыстію. Въ семъ разсужденіи не оставите вы наблюдать прилежно, но безъ явнаго виду и огласки, поведеніе тамошнихъ старшинъ, особливо же тѣхъ, кои хотя мало подозрительными себя окажутъ, дабы иногда умышляемое зло заблаговременно свѣдано и предупреждено быть могло. И хотя время само собою откроетъ глаза народу и докажетъ, сколь много онъ облегченъ и благоденствовать будетъ, когда устроеніемъ лучшихъ во всемъ порядковъ, увидитъ себя избавленнымъ отъ мучившихъ его вдругъ многихъ маленькихъ тирановъ, однако жъ и въ нынѣшнее время разные способы поспѣшествовать вамъ могутъ праводушіемъ, безкорыстливостью, снисхожденіемъ и ласкою употребить неосновательныя его опасенія и пріобрѣсть къ себѣ любовь его и довѣренность".

Приведенные отрывки изъ инструкціи указываютъ, что правительство рекомендовало Румянцову главнымъ образомъ заботиться о томъ, чтобы народъ „увидѣлъ себя избавленнымъ отъ мучившихъ его маленькихъ тарановъ", т. е. защитить народъ отъ произвола старшины [1]). На сколько же Румянцовъ исполнилъ эту задачу?—Полный отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ заклю-

[1]) Вспомнимъ, что ту же задачу давалъ и Петръ В., въ 1722 г., Вельяминову при учрежденіи тогдашней Малороссійской коллегіи.

чаться въ подообномъ обозрѣніи его дѣятельности по управленію Малороссіи. Но для такого обозрѣнія матеріалы далеко еще не собраны. Одно можно сказать, что выборъ Румянцова былъ очень удаченъ въ томъ отношеніи, что новый правитель былъ уже достаточно знакомъ съ тѣмъ краемъ, правителемъ котораго его назначили.

Въ званіи „главнаго малороссійскаго командира", Румянцовъ прибылъ въ Глуховъ 7 апрѣля 1765 года и былъ здѣсь встрѣченъ пушечными выстрѣлами въ знакъ той большой власти, которая въ немъ совмѣщалась.—Въ то же лѣто Румянцовъ отправился объѣзжать Малороссію для личнаго знакомства съ краемъ, и употребилъ на этотъ объѣздъ два мѣсяца. Вернувшись въ Глуховъ 30 іюля, Румянцовъ уже въ началѣ сентября предложилъ Малороссійской коллегіи—произвести „произвести генеральную опись" Малороссіи. Опись эта хорошо извѣстна людямъ, занимающимся исторіей Малороссіи. Между прочимъ, это была первая подробная перепись *всего податного* народонаселенія, при чемъ, кромѣ того, показано было и его имущество: движимое—въ скотѣ и недвижимое. Главный результатъ этой переписки заключался въ томъ, что она полнѣе прежнихъ ревизій закрѣпила принадлежность лицъ къ тому или другому сословію и послужила на долгіе затѣмъ годы справочнымъ документомъ для „исканія вольности"—неправильно закрѣпленнымъ козакамъ. Другихъ результатовъ эта перепись не имѣла, да и имѣть не могла, потому что правительство, производя эту „новую ревизію", никакой задачей при этомъ, повидимому, не задавалось.

Обозрѣвая дальнѣйшую дѣятельность Румянцова въ Малороссіи, мы видимъ, что она распадается на два періода: первый, до введенія здѣсь общаго учрежденія губерній въ 1782 году, и другой,—послѣ открытія намѣстничествъ. Въ первомъ періодѣ Румянцовъ представлялъ собою, такъ сказать, того же гетмана, а Малороссійская коллегія—ту же генеральную канцелярію. Формы новаго управленія были очень похожи на прежнія. Но Румянцову указаны были задачи, къ рѣшенію которыхъ онъ долженъ былъ немедленно приступить: облегчить народный бытъ и улучшить судъ. Относительно облегченія народныхъ тяжестей Ру-

мянцовъ немедленно же сдѣлалъ попытку переложенія натуральной повинности по продовольствію квартировавшаго въ Малороссіи войска, установивъ „квартальный“ денежный сборъ (по 1 р. 2 к. съ хаты). Авторъ „Исторіи Русовъ“ говоритъ, что этимъ распоряженіемъ Румянцовъ *„усмирилъ разорявшія народъ воинскія команды, прохожія и квартировавшія“*. Для сбора „квартальныхъ“ денегъ учреждены были особые коммиссары, на обязанность которыхъ возложенъ былъ сборъ этихъ денегъ и кромѣ того имъ поручалось „провожденіе войскъ переходящихъ и защищеніе жителей отъ обидъ“. Относительно суда—Румянцовъ измѣнилъ личный составъ генер. суда: вмѣсто погодно засѣдавшихъ въ немъ (въ помощь генер. судьямъ) выборныхъ отъ полковъ членовъ [1]), Румянцовъ въ 1767 г. назначилъ „непремѣнныхъ членовъ“ въ генер. судъ, при чемъ такими членами были назначены: Григорій Фридрикевичъ, Александръ Безбородко, Петръ Симоновскій и Сергѣй Дергунъ.—Всѣ эти лица, можно сказать, были лучшіе тогдашніе дѣльцы въ Малороссіи, при чемъ и репутація ихъ (покрайней мѣрѣ—первыхъ трехъ) была, повидимому, безупречна... Слѣдуетъ добавить, что этимъ новымъ членамъ Румянцовъ назначалъ жалованье, чего прежде не бывало. Генеральнымъ судьею Румянцовъ засталъ Илью Журмана, быть можетъ единственнаго изъ генеральн. судей XVIII в., не имѣвшаго пятенъ... При такомъ составѣ суда правосудіе въ немъ должно было быть, хотя до нѣкоторой степени, обезпечено... [2]).

---

[1]) По распоряженію Разумовскаго 17 ноября 1760 года.

[2]) Но и этотъ составъ суда не всегда удовлетворялъ Румянцова, какъ видно изъ слѣд. его „ордера“, вызваннаго неизвѣстнымъ впрочемъ намъ случаемъ. „Ордеръ. Господамъ членамъ суда генеральнаго. Господина коллежскаго совѣтника и Малороссійской коллегіи прокурора Семенова посылаю при семъ поданное мнѣ представленіе. Да изволитъ всякъ изъ васъ мнѣ подать объясненіе въ обстоятельствѣ его касающемся. Когда правда и законъ, хранитель оныя, должны одни управлять совѣстью судей и ихъ дѣлами, то отъ чего между васъ сіи несогласія и разность мыслей, которые описываетъ г. прокуроръ въ своемъ докладѣ? Прежде нежели еще я вижу, что вы скажете за свои поступки, одинъ только видъ возбуждаетъ во мнѣ сожалѣніе. Не вообразите! колико будетъ моей тогда чувствительности, естьли испытаніе собственное меня удостовѣритъ, что вы не тѣмъ путемъ слѣдуете, который пролагаетъ безпристрастіе, лучшая надежда и довѣренность къ вамъ. Генер. Г. Румянцовъ. Въ Глуховѣ. 1768 года, 1-го іюля“. (*Съ подлинника*).

Несомнѣнно, что эти двѣ мѣры Румянцова принесли народу немедленно благіе результаты и современникъ (не оптимистъ) имѣлъ полное основаніе сказать, что Румянцовская коллегія „вошла въ правленіе, яко роса на пажить и яко иней на руно...“. Одною изъ общихъ мѣръ первыхъ лѣтъ управленія Румянцова было запрещеніе въ 1767 г. выборовъ козаками сотенной старшины. Дѣло въ томъ, что по „рѣшительнымъ пунктамъ“ Апостола было постановлено „въ сотники выбирать въ каждой сотнѣ всѣмъ козакамъ общимъ совѣтомъ“. Это постановленіе верховнаго тайнаго совѣта 1728 г. генеральная канцелярія очень часто не исполняла, замѣщая сотничьи вакансіи своими канцеляристами. Но Румянцовъ, повидимому, желалъ, чтобы существовавшее распоряженіе исполнялось точно, и когда въ 1767 г. въ Карабутовской сотнѣ открылась сотничья вакансія, то коллегія предписала Прилуцкой полк. к-ріи—при замѣщеніи этой вакансіи—исполнить правило 1728 года.—Выборы были произведены и два кандидата были представлены на утвержденіе въ Глуховъ, какъ и слѣдовало по „рѣшительнымъ пунктамъ“. Но вмѣстѣ съ представленіемъ полк. канцеляріи, Румянцовъ получилъ подробное описаніе той обстановки, при которой производились выборы въ Карабутовѣ сотника: оказалось, что при выборѣ перваго кандидата—вознаго Федоровскаго—главная часть выборщиковъ почти цѣлый день у него—„могорычъ пила“. Случилось такъ, что въ это время Румянцовъ выѣзжалъ на Бѣловежскую степь осматривать поселявшихся тамъ колонистовъ. Тутъ онъ услыхалъ еще больше подробностей о Карабутовскихъ выборахъ. Всѣ эти свѣдѣнія заставили его сдѣлать распоряженіе о „недозволеніи нигдѣ сотенныхъ старшинъ выбирать самимъ сельскимъ козакамъ, какъ до сего чинилось“, по тому основанію, что „они дѣлаютъ изъ сего обычая столь вредное злоупотребленіе...“[1]). Взамѣнъ прежняго порядка, Румянцовъ распорядился, чтобы кандидатовъ въ сотенную стар-

[1]) Приводимъ здѣсь полный текстъ этого распоряженія.—„Познавши изъ многихъ примѣровъ предъосудительный обычай, который въ нынѣшнее время ведется при выборѣ въ сотнахъ сотенныхъ старшинъ, что ищущіе быть оными, стараются преклонять голоси козаковъ, употребляя къ тому средство угожденія: множество вина, которымъ напоеваютъ даже до потеренія всякаго чувства собирающихся при

шину избирала полковая старшина вмѣстѣ съ сотниками и затѣмъ представляла бы ихъ на утвержденіе ему, Румянцову. Трудно сказать—который порядокъ былъ лучше, но во всякомъ случаѣ „питье могорычей“ при выборахъ доходило до крайностей и такіе порядки требовали уничтоженія.

Мы не знаемъ ни одного частнаго случая гдѣ бы Румянцовъ проявилъ свою власть въ защитѣ народа отъ „маленькихъ тирановъ“, хотя нужда въ такой защитѣ, повидимому, и настоятельно встрѣчалась, хотя бы, напр., при порабощеніи козаковъ с. Клищинецъ, генер. писаремъ Туманскимъ[1]). Можетъ быть, невсегда удобно было защищать народъ отъ этихъ „маленькихъ тирановъ“ уже и потому, что нѣкоторые изъ нихъ занимали мѣста ближайшихъ помощниковъ Румянцова по должности членовъ коллегія...[2]). Изъ восьми членовъ послѣдней, четыре были назначены изъ мѣстной

томъ козаковъ. Злоупотребленіе сіе столь уже общимъ здѣсь пріемлется, что во время моихъ проѣздовъ въ Малороссіи, не устыдилисъ и ко мнѣ самому, на разныхъ мѣстахъ, являтся толпи пьяныхъ козаковъ съ просьбами, чтобъ я имъ опредѣлилъ сотника, въ такомъ видѣ ими одобреннаго. Съ крайнимъ негодованіемъ, смотря на сіи неблагопристойности, снисходилъ однакожъ до сего времени полуневѣжеству, но въ последнюю бытность мою на Бѣловежской стони подани мнѣ уже и формальныя о томъ просьби, что при настоящей въ сотнѣ Корибутовской сотничьей вакансіи, возный Ѳедоровскій, ища быть на тотъ чинъ кандидатомъ, прельстилъ по обыкновенію также козаковъ опимъ пьянствомъ, отвлекая отъ стороны войсковаго канцеляриста Соколовскаго, согласовавшихъ на его избраніе и, словомъ, они одинъ другого, какъ и сверхъ того сильхадъ, старались превзойтить присовокупленіемъ за себя одобрителей, покупая ихъ усердіе достаткомъ вина.—Въ такомъ состояніи дѣлъ, гдѣ столь подлая страсть превозмогаетъ надъ всѣмъ, не видно ли каждому, коль терпитъ правда, честность и заслуги лучшихъ людей, которыхъ достоинства всегда останутся безъ награжденія, если оставить власть произвожденія на произволеніе невѣжеству, которые ради всегда командира имѣть себѣ подобнаго. Неустройство сіе потребно удержать съ сего жъ времени и отмѣнить обичай поводамъ до сего бывшій къ возвышенію худыхъ и ко уничиженію достойныхъ людей, когда степени здѣшнихъ чиновъ кои принадлежатъ однимъ только достойнымъ, можно иному получить за цѣну пьянства... „Записки Черниг. Стат. Ком.“, II, 246.

[1]) См. „Чтенія въ Общ. Нестора лѣтоп.“, XI, отд. 2, стр. 158 и слѣд. Въ этомъ случаѣ коллегія въ ноя. 1766 г. постановила рѣшеніе явно незаконное и, повидимому, пристрастное въ пользу генер. писаря и *члена коллегіи* Туманскаго.

[2]) Причемъ, при доступности Румянцова, отношенія эти переходили въ особую пріязнь съ этими помощниками, какъ указываютъ приводимыя ниже письма Румянцова къ тому самому Туманскому, который несомнѣнно былъ однимъ изъ „маленькихъ тирановъ“...

старшины, при чемъ первенствующимъ значеніемъ межъ ними пользовался генер. писарь Туманскій. Остальные четыре члена, назначенные изъ великорусскихъ чиновниковъ, будучи мало знакомы съ порядками края, повидимому, не имѣли особаго значенія въ дѣятельности коллегіи.

Вообще, отношенія Румянцова, какъ правителя края, къ крестьянскому населенію послѣдняго, пока представляются неясными. Извѣстно, что Румянцевъ очень скоро, вслѣдъ за своимъ назначеніемъ, явился обладателемъ громадныхъ имѣній въ Малороссіи. Уже въ 1767 году онъ пріобрѣлъ около Кролевца—с. Вишенки и ревностно занялся устройствомъ этого имѣнія, при чемъ усерднѣйшимъ помощникомъ въ его хозяйствѣ явился членъ коллегіи кн. Мещерскій[1]). Затѣмъ въ 1770 и 1775 г.г. Румянцовъ былъ пожалованъ обширными мѣніями[2]), получивъ которыя, онъ сталъ въ положеніи той же владѣльческой старшины... При этомъ мы имѣемъ авторитетное свидѣтельство, что Румянцовъ былъ „скупъ и корыстолюбивъ“[3]). Тѣмъ труднѣе, слѣдовательно, была для него роль надзирателя за „маленькими тиранами“... Скопляя земельныя богатства, Румянцовъ иногда позволялъ себѣ дѣйствія несовмѣстимыя съ его общественнымъ положеніемъ. Такъ, намъ извѣстенъ слѣдующій случай: желая округлить свои Кролевецкія имѣнія присоединеніемъ къ нимъ с. Добротова, Румянцовъ поручилъ Осипу Туманскому, (одному изъ своихъ приближенныхъ), спросить Добротовскаго владѣльца (б. тов. Матвѣя Холодовича)— не продастъ ли онъ ему эту маетность. Туманскій въ своемъ объ этомъ письмѣ къ Холодовичу, между прочимъ, добавилъ, что своимъ предложеніемъ купить Добротовъ „гр. Румянцовъ тѣмъ самымъ полагаетъ удовлетворить“ его, Холодовича, „такъ какъ

---

1) См. ниже—письмо Мещерскаго къ Румянцову.

2) При этомъ Румянцову пожалованы были—въ *Нѣжинскомъ полку*: с. Кочуровка, Литвиновичи, Райгородокъ, Царевка, Сохачи, Рожновка, Максимовка, Володькова Дѣвица съ деревнями, Вел. Кошелевка; въ *Стародубскомъ*: Топальская волость, с. с. Чопховъ, съ деревнями, Денисковичи, Синій Колодезь, Занивецъ; въ *Черниговскомъ*: с. с. Разлеты, и Бужанка. Въ *Прилуцкомъ*: Парафіевка съ деревнями и въ *Переяславскомъ*: с. с. Цибли, Бирловка, Вергуны, Чоботки, Яненки, Капустинцы... Перечень этотъ, кажется, неполонъ.

3) Кіевск. Стар. 1895 г., мартъ, 287.

надача Добротова не так утвердительна, чтобъ наслѣдники X—ча могли обнадежены быть спокойнымъ оного владѣніемъ". Приведенныя фразы переводятся такъ: „главный правитель" края, предлагая одному изъ его обывателей—продать ему маетность, тутъ же, для лучшаго воздѣйствія, добавляетъ, что тотъ универсалъ, который имѣется у владѣльца на эту маетность, недостаточно крѣпокъ, т. е. можетъ де оказаться и недѣйствительнымъ...

Съ другой стороны, ставъ въ положеніе мѣстнаго владѣльца и при томъ такихъ обширныхъ имѣній, Румянцовъ сталъ ближе къ краю и къ его интересамъ. Малороссія (лѣвобережная) стала для Румянцова не только его генералъ-губернаторствомъ, но и тѣмъ краемъ, въ которомъ были сосредоточены его имущественные интересы... Малороссія не была его родиною, но отсюда получалъ онъ тѣ блага жизни, къ которымъ, какъ говорили, былъ былъ очень прилѣпленъ... Поэтому и весь тогдашній общественный мірокъ Малороссіи былъ Румянцову близокъ, какъ мірокъ людей во многомъ тождественныхъ интересовъ... Такимъ положеніемъ Румянцова въ его генералъ-губернаторствѣ слѣдуетъ объяснить и тотъ фактъ, что подручныхъ своихъ помощниковъ онъ выбиралъ почти исключительно изъ людей мѣстныхъ, и выбиралъ, слѣдуетъ сказать, искусно. Лучшіе его секретари взяты были имъ изъ мѣстныхъ канцеляристовъ. Видно, что онъ внимательно относился къ работѣ даже и мелкихъ чиновъ. Вспомнимъ Безбородка, Завадовскаго, Чепу, Ясновскаго... Чепа, напр., взятъ былъ Румянцовымъ изъ Роменскихъ канцеляристовъ, а затѣмъ, въ началѣ текущаго столѣтія, этотъ самый Чепа отклонилъ отъ себя предложеніе Малороссійскаго генералъ-губернатора быть правителемъ его канцеляріи. Ясновскій—сынъ священника (Кролевецкаго уѣзда) взятъ былъ Румянцовымъ изъ Н. Сѣверской канцеляріи и скоро затѣмъ сдѣлалъ былъ его адъютантомъ (для чего Ясновскому данъ былъ военный чинъ) и сталъ однимъ изъ ближайшихъ людей къ Румянцову. Впослѣдствіи этотъ Ясновскій занималъ должность директора Нѣжинскаго лицея (1827—1835) и по своему уму и образованности—(учился въ Кіевской академіи)—былъ однимъ изъ лучшихъ его директоровъ [1]).

[1]) „Лицей кн. Безбородко", Гербеля изд. 2-е, стр. 206—209.

Изъ общаго характера административной дѣятельности Румянцова слѣдуетъ отмѣтить отсутствіе въ этой дѣятельности жестокости и крутыхъ мѣръ вообще въ тѣхъ случахъ, когда всякій проступокъ противъ властей вызывалъ въ тѣ времена суровыя и тяжкія наказанія. Возьмемъ для примѣра такъ называемую „Нѣжинскую исторію“ 1767 г. Въ этомъ году въ Нѣжинскомъ собраніи шляхетства—избирался въ коммиссію для составленія новаго уложенія депутатъ, которому тутъ же нужно было составить и наказъ. Депутатомъ избранъ былъ Селецкій, при чемъ Нѣжинское шляхетство, составляя для него наказъ, выразило въ послѣднемъ ходатайство и о возстановленіи въ Малороссіи гетманства [1]). Селецкій не пожелалъ быть депутатомъ съ подобнымъ полномочіемъ, а требовалъ наказа такого, какой былъ составленъ Черниговскимъ шляхетствомъ (тамъ—осуждались порядки гетманщины и требовалось уравненіе Малороссіи съ остальными частями имперіи). Нѣжинскіе избиратели признали Селецкаго для депутатства негоднымъ и выбрали другого. Въ этихъ дѣйствіяхъ Румянцовъ усмотрѣлъ „затрудненіе вышняго начальства“, заслуживавшее наказанія и при томъ очень строгаго, такъ какъ надъ виновными—согласившимися на наказъ съ ходатайствомъ о гетманствѣ и устранившими отъ депутатства Селецкаго,—былъ назначенъ въ Глуховѣ судъ: надъ лицами, имѣвшими воинскіе чины—военный, а надъ стальными—гражданскій. Военный судъ приговорилъ 33 человѣка къ „лишенію живота“, а гражданскій (т. е. уголовный) приговорилъ другихъ 18 человѣкъ къ „вѣчной ссылкѣ“. Приговоръ гражданскаго суда былъ сенатомъ отмѣненъ и виновнымъ было назначено шестинедѣльное тюремное заключеніе. Приговоръ военнаго суда тоже былъ отмѣненъ и „лишеніе живота“ было замѣнено восьмимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ съ лишеніемъ чиновъ. Все это происходило въ к. 1767 года, а въ нач. 1770

[1]) Такъ говоритъ, по живому преданію, А. М. Марковичъ въ одномъ примѣч. къ изд. имъ „Дневнымъ Запискамъ“ своего дѣда (II, 410). Попавшее въ тогдашнія бумаги извѣстіе, что будто Нѣжинское шляхетство говорило о соединеніи „Нѣжинскаго уѣзда съ Запорожскою Сѣчью“ подъ одною гетманскою властью—(Рецензія В. А. Мякотина въ XXXVII присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 80)—основано, конечно, на какой то болтовнѣ. Ср. Ист. Россіи, кн. VI, стр. 320.

года всѣ тѣ, которые судились военнымъ судомъ, были императрицею прощены, при чемъ „отобранные у нихъ чины" были имъ возвращены [1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой исходъ дѣла вполнѣ зависѣлъ отъ Румянцова [2]), который хотя и долженъ былъ сначала указать виновнымъ на строгость законовъ за такое противоправительственное заявленіе, какъ „Нѣжинская исторія", но „вѣчную ссылку", а тѣмъ болѣе „лишеніе живота"—какъ мѣры одной жестокости—Румянцовъ не могъ практиковать, обладая большимъ и спокойнымъ умомъ...

Другой случай. Въ 1768 году Румянцовъ послалъ Лубенскаго полковника Кулябку, съ отрядомъ козаковъ, усмирять „возмутившихся" жителей с. Клищинецъ. Кулябка медлилъ, не зная какъ взяться за исполненіе порученія; эта медленность да еще въ рабочее время (дѣло было въ іюлѣ) надоѣла его козакамъ и въ одно утро—77 человѣкъ изъ Кулябкиного отряда и сами „возмутились" и „не слушая приказа, запрягли возы и отъѣхали въ домы свои самовольно". Нарушеніе военной дисциплины въ этомъ случаѣ было слишкомъ разительное... „Бѣглецы" были переловлены и отосланы въ Глуховъ, гдѣ „всѣхъ таковыхъ, совершившихъ важное преступленіе противъ порядка военной службы, до дальшей о нихъ резолюціи, приказано было заключить въ острогъ и употреблять на городовую работу". Но не болѣе какъ мѣсяца черезъ два „бѣглецы" были освобождены, при чемъ въ ордепѣ Румянцова значилось, что „хотя ихъ важное преступленіе надлежало бы большему истязанію, но по единому снисхожденію къ ихъ буйству и сопряженному съ тѣмъ унынію, (сіе) рождающемусь отъ утраченнаго мужества и всякаго военнаго порядка, упущается строгость наказанія ими заслуженнаго..." [3]).

---

[1]) „Нѣжинская исторія" подробно разсказана В. А. Мякотинымъ въ указанной его рецензіи на книгу—II-й томъ Опис. Ст. Малор. Ср. Ист. Россіи, кн. VI, стр. 322.

[2]) Приговоръ военнаго суда отмѣненъ былъ, конечно, Румянцовымъ, какъ лицомъ, въ которомъ сосредоточена была вся въ краѣ военная власть. Тѣмъ болѣе, значитъ, онъ могъ имѣть вліянія на суды гражданскіе, особенно если дѣло казалось какъ здѣсь, политикой.

[3]) „Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣтоп., XI, отд. II, стр. 184.

Нельзя не видѣть и въ этомъ случаѣ явнаго намѣренія Румянцова—обойти ту строгость наказанія, примѣненіе которой едва ли было бы умѣстно къ войску, которому „порядки военной службы", повидимому, были едва знакомы. Тутъ нужны были, конечно, другія, общія мѣры.

Приведемъ еще и третій случай. Въ Глуховѣ издавна имѣлась особая рота „жолдаковъ" (т. е. солдатъ), обязанность которыхъ заключалась, сначала, въ содержаніи карауловъ „въ дворѣ гетманскомъ", а потомъ, позже, они состояли на посылкахъ у „главныхъ командировъ". Румянцовъ, видя безполезность этихъ жолдаковъ, обратилъ ихъ въ „фузелерную роту". Жолдацкіе офицеры, недовольные этою реформою, подговорили рядовыхъ жолдаковъ подать въ коллегію прошеніе—„не заннмать ихъ Россійскимъ платьемъ и регулами"... Протестъ этотъ не понравился Румянцову и онъ, разслѣдовавъ дѣло, офицеровъ лишилъ чиновъ, а рядовыхъ жолдаковъ приказалъ наказать и посадить на годъ въ тюрьму. Но черезъ нѣсколько времени послѣ заключенія жолдаки были освобождены, съ тѣмъ лишь, чтобъ они ни въ какую солдатскую и козацкую службу употребляемы не были"... Румянцовъ находилъ такое наказаніе достаточнымъ потому, что „оные жолдаки сіе учинили болѣе по ихъ невѣжеству, нежели съ точного умыслу" [1]).

Приведенные случаи указываютъ, что Румянцовъ обходилъ тѣ законныя строгости, которыя выражались въ формахъ жестокости... [2]). Хотя факты 25-тилѣтняго управленія Румянцова Малороссіей далеко еще не обслѣдованы, но изъ того что уже извѣстно, мы видимъ со стороны Румянцова—постоянно спокойное отношеніе къ дѣлу.—Исполняя главную свою миссію—введеніе въ Малороссіи общерусскихъ порядковъ—Румянцовъ съ

---

[1]) Это было въ 1766 г. См. Опис. Стар. Малороссія, II, 224.

[2]) Извѣстный „Клищевскій бунтъ" (см. „Чтенія въ Ист. Общ. Нестора, кн XI) выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Ужасное ожесточеніе „возмутившихся", вызванное рядомъ несправедливостей и насилій, по необходимости должно было вызвать особую кару. Приговоръ по этому дѣлу сенатъ представлялъ на утверждение императрицы. Кромѣ того, въ дѣлѣ Клищенцовъ Румянцову, кажется, мѣшали познакомиться съ его сущностью.

этимъ дѣломъ не спѣшилъ: учрежденіе губерній было издано въ 1775 году, а въ Малороссіи оно введено только въ 1782 году. Такимъ образомъ, болѣе 17-ти лѣтъ Румянцовъ управлялъ Малороссіей какъ бы при прежнихъ ея порядкахъ, при „несообразимомъ смѣшеніи правленія воинскаго съ гражданскимъ", какъ выразилась Екатерина II въ своей инструкціи. За это время Румянцовъ успѣлъ вполнѣ подгототовить край къ той реформѣ, которую онъ же и вводилъ—открытіемъ въ Малороссія намѣстничествъ. Главная подготовка состояла въ томъ, что за 17 лѣтъ Румянцовъ успѣлъ „маленькихъ тирановъ" приручить благами міра сего, „шляхетствомъ" и чинами, послѣ чего успѣхъ реформы былъ обезпеченъ. Это между прочимъ доказывается и тѣмъ, что при открытіи намѣстничествъ, т. е. при введеніи въ край общеимперскихъ формъ управленія, по представленію Румянцова, назначены были мѣстные люди: въ Черниговскомъ—генералъ-поручикъ А. С. Милорадовичъ и въ Н.-Сѣверскомъ—И. В. Журманъ. Особенно интересно назначеніе послѣдняго. Журманъ, начавшій службу въ генер. канцеляріи съ 1739 году, въ 1756 году назначенъ былъ генер. судьею и оставался въ этой должности до своего назначенія губернаторомъ. Слѣдовательно, это былъ человѣкъ незнакомый, по предшествовавшей своей службѣ, ни съ какими новыми порядками; но Румянцовъ 17 лѣтъ зналъ Журмана, какъ примуса въ генеральномъ судѣ, зналъ его дѣловитость и безупречную честность [1]). Выбирая при такихъ обстоятельствахъ Журмана въ губернаторы, Румянцовъ видѣлъ въ немъ опытнаго и знающаго край человѣка, который въ свою очередь, получивъ отъ правительства право стать въ ряды привилегированнаго сословія, дѣлался сторонникомъ реформы. Вообще, при открытіи намѣстничествъ многочисленныя губернскія и уѣздныя должности пополнены были преимущественно людьми мѣстными [2]), которые вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтая сословныя привиллегіи, несомнѣнно могли только обезпечивать успѣхъ реформы...

---

[1]) См. замѣчательное по безпристрастію рѣшеніе генер. суда, подъ предсѣдательствомъ Журмана, по дѣлу жителей с. Клищинецъ—въ XI-й кн. „Чтеній" Историч. Общ. Нестора.

[2]) См. Списки Черниговск. двор. 1783 г. Черниговъ. 1890.

Во второй періодъ дѣятельности Румянцова въ Малороссіи мы видимъ—уже сравнительный его покой. Онъ только надзиралъ за общимъ ходомъ административной дѣятельности всѣхъ чиновъ трехъ намѣстничествъ, зная, что главные изъ нихъ выбраны имъ лично, послѣ испытанной ихъ годности къ дѣлу. Особыхъ какихъ либо его распоряженій по управленію Малороссіей за это время мы не знаемъ.

Мало имѣемъ свѣдѣній и о частной жизни Румянцова за это время. Только по случаю путешествія императрицы Екатерины II въ Крымъ, сохранились свѣдѣнія—какъ принималъ Румянцовъ императрицу въ своемъ Вишенскомъ домѣ, 24 января 1787 года, и угощалъ ее здѣсь обѣдомъ, а въ это время—„гремѣла пушечная пальба, при вокальной и инструментальной музыкѣ, при чемъ исполнителями въ хорѣ и оркестрѣ были крѣпостные музыканты и хористы графа“ [1]).

Имѣющіяся свѣдѣнія о личномъ характерѣ Румянцова страдаютъ общими мѣстами. А. М. Марковичъ говоритъ о немъ, что это былъ человѣкъ гордый и высокомѣрный, а ближайшій къ Румянцову человѣкъ, его „питомецъ“, говоритъ, что это былъ человѣкъ всякому доступный, простой, предпочитавшій въ пути „хижину поселянина“—„каменнымъ палатамъ“ [2]). Самъ Румянцовъ въ одномъ частномъ письмѣ къ пріятелю пишетъ: „Степанъ Даниловичъ, по просьбѣ моей, одолжилъ меня кибиткою; она весьма выгодна, да только для походу тяжела по своей величинѣ; а вы, мой другъ, сами знаете, что *я не имѣю привычки ни къ чему пространному*... Итакъ, я васъ, мой всенадежный другъ, покорно прошу одолжить меня кибиткою для походу небольшой величины“ [3]).

Но мы имѣемъ несомнѣнныя данныя, что Румянцовъ по своему образованію далеко выходилъ изъ уровня современныхъ ему генераловъ. Достаточно указать на представленный имъ императрицѣ проектъ—о заведеніи въ Малороссіи, во *всѣхъ го-*

---

[1]) Кіевск. Стар., 1890 г., декабрь, 406.

[2]) Т. ж., 1895 г., мартъ, 385 и слѣд.

[3]) Письмо писано въ декабрѣ 1768 г. Архивъ в.—пох. к—ріи гр. П. А. Румянцовъ. Чтенія въ Моск. Общ. Ист., 1865 г., кн. I, стр. 166.

родахъ, а гдѣ можно, и по большимъ селамъ и деревнямъ,—школъ, объ учрежденіи въ ней двухъ высшихъ училищъ „для благороднаго юношества“ и трехъ училищъ—„къ воспитанію дѣвицъ“. (См. ниже). Подобный проектъ, конечно, могъ быть предложенъ только человѣкомъ, хорошо понимавшимъ значеніе народнаго просвѣщенія...

Въ 1811 году была напечатана книжка—„Анекдоты, объясняющіе духъ фельдмаршала графа П. А. Румянцова-Задунайскаго“. Кто былъ ея издателемъ—не извѣстно, но въ этой книжкѣ приведено, между прочимъ, слѣдующее любопытное свѣдѣніе: „Гр. Румянцовъ, возросшій въ Малороссіи, былъ столь привязанъ къ своей родинѣ, что всегда, встрѣтивъ одноземца, старался обласкать его всѣми силами, и до того прославился своею любовью къ Малороссіи, что каждый уроженецъ ея, ѣхавъ въ Петербургъ, почиталъ гр. Румянцова лучшимъ своимъ покровителемъ. Иногда, услышавъ малороссійское произношеніе, отъ коего не могъ отучиться совершенно, радовался подобно дитяти...“ Приведенная черта изъ характера Румянцова, конечно, не выдуманная, указываетъ, что въ 25-тилѣтней административной дѣятельности Румянцова въ Малороссіи—имѣла свою долю значенія и любовь его къ этому краю. Можетъ быть этимъ слѣдуетъ объяснить и планы Румянцова, неосуществившіеся, о заведеніи въ Малороссіи школъ и богадѣленъ [1]). Екатерининскіе генералъ-губернаторы

[1]) „Къ обученію юности во всѣхъ городахъ завесть подлежитъ школы для обученія читать, писать, пѣть и арифметикѣ, а гдѣ можно—и по большимъ селамъ и деревнямъ; опредѣлять учителямъ извѣстное жалованье изъ градскихъ доходовъ, умѣренное, или давъ имъ нѣкоторые чины духовные при церквахъ съ доходами... Сельскіе же школы должны быть содержаны владѣльцами и прихожанами, а обучаемы діаконами или дьячками за извѣстныя, сверхъ обыкновеннаго ихъ дохода, опредѣленныя награжденія„... Затѣмъ слѣдуетъ очень интересный проектъ Румянцова объ образованіи въ монастыряхъ Кіевскомъ Братскомъ и Черниговскомъ Елецкомъ—высшихъ училищъ, съ выводомъ оттуда монаховъ и съ порученіемъ надзора за преподаваніемъ—богословскихъ наукъ синоду, а остальныхъ „свѣтскому правительству“, при чемъ училища эти должны быть „снабжены извѣстнымъ и потребнымъ числомъ учителей для благороднаго юношества надобныхъ, какъ россійскими, въ тѣхъ наукахъ искусными, такъ и иностранными, *на содержаніи изъ доходовъ къ симъ монастырямъ съ принадлежащихъ деревень*„... Но забылъ Румянцовъ и женскаго образованія: „Къ воспитанію же дѣвицъ, а особливо неимущихъ кажутся быть способными Кіево-Фроловскій, дѣвичій Глуховскій и Черниговскій-Пятницкій“. Изъ нихъ

такихъ вопросовъ въ своей дѣятельности обыкновенно не возбуждали...

Все сказанное здѣсь о правительской дѣятельности Румянцова въ Малороссіи приводитъ насъ къ заключенію, что человѣкъ этотъ относился къ ней добросердно и потому имѣетъ право на нашу добрую о себѣ память.

Приложенія.

1. Письмо кн. Пл. Ст. Мещерскаго къ гр. П. А. Румянцову о Вишенскомъ хозяйствѣ. 1769 г., 18 іюля.

Милостивый Государь! Въ великомъ прискорбіи нахожусь, что при теперишнихъ вашего сиятельства многотруднѣйшихъ попеченияхъ репорты мои, неприносящые ко удовольствию ничево, доходятъ, а къ предуспению (sic) и расточая всѣ мои силы, не могъ ничево здѣлать.

Милостивый Государь! Возвращаясь я изъ колоніи, былъ въ Вишенкахъ, нашолъ въ Черешенкахъ работы въ нарочитомъ успѣхѣ, кромѣ подрядившагося мастера съ каменщиками дѣлать въ домѣ штукатурную подъ потолками подмазку и скотной дворъ. Онъ не знаю кѣмъ сысканъ, только сущей бездѣльникъ, вместо тридцати человѣкъ, болше не поставилъ десяти и то пяницъ такихъ, што, поработавши нѣсколко дней, разбѣжались. Изъ Вишенекъ послалъ я

Румянцовъ полагалъ монахинь также вывести, „оставя токмо для клира и обученія извѣстнаго числа дѣвицъ... „Построеніе госпиталей къ цѣленію болѣзненныхъ и къ спасенію иногда несчастливыхъ женщинъ („*спасающихъ себя отъ стыда и поношенія въ первомъ пароксизмѣ умерщвленіемъ своего плода*") весьма нужно... „Сборникъ Русск. Истор. Общ., X, 18 и 19. Хотя здѣсь и сказано, что докладъ Румянцова по этимъ вопросамъ былъ представленъ императрицѣ 18 мая 1765 г., но это явная ошибка. Мы видѣли уже, что Румянцовъ пріѣхалъ въ Глуховъ только 7 апрѣля 1765 г. и конечно за сорокъ дней онъ не могъ настолько познакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Малороссіи, чтобы написать такое всестороннее изложеніе нуждъ края. Несомнѣнно, что редакторами „Сборника" въ датѣ допущена ошибка. Упоминаемый докладъ Румянцова долженъ относиться развѣ къ концу 60-хъ годовъ, а можетъ и того позже. Краткій планъ улучшеній разныхъ учрежденій въ Малороссіи (а въ томъ числѣ училищъ и богадѣленъ) составленъ былъ Румянцовымъ только лѣтомъ 1767 г. „Чтенія въ Ист. Общ. Нестора, V, отд. 3, стр. 100—111. Въ брошюрѣ Асѣенка „Малороссія въ 1767 г." (Кіевъ. 1864.)—эта самая „записка" Румянцова помѣчена—25 мая 1765 г. Дата тоже едвали вѣрная.

въ два мѣста, и, пріѣхавши теперъ сюда, сыскиваю и какъ возможно буду старатца доставить туда людей. Земленая работа на обѣихъ плотинахъ и обдѣлка берега производитца еще, а какъ за приближившимися сѣнокосомъ и жнитвомъ чрезъ нѣсколько дней перестануть люди наниматца, то продолжитца она окончаніемъ до осени, ибо по расположенію Гиржберга невѣроятное множество къ насыпкѣ плотинъ земли надобно. Однако жъ мнѣ видитца—что не напрасно.

Домъ снаружи зачали красить и картинъ, что надъ дверми будуть, шесть уже отдѣлано, а остальные пять еще не зачинаны. Въ галлерею на стѣны рями обтянуты и пишутся; вкусъ писма сего и какъ подъ кровлею карнизъ съ подвѣсами окрашенъ—уповаю аппробацію вашего сиятелства имѣть будуть, толко жалѣю о медленной работѣ: малярь тамъ самъ и дѣйствително восѣмь человѣкъ у нево помощниковъ, а болше всего остановку здѣлаетъ штукатурная подмазка потолковъ. Цвѣтникъ одинъ хорошева вкусу, почти совсѣмъ отдѣланъ, а и другой отдѣлываетца жъ. Прошлогодного саженія деревья всѣ, какъ штанбовые, такъ въ шпалѣрахъ и протчие, очень хорошо принялись и мало подсадки будетъ, а нынѣшного, особливо изъ шпалеръ вишень, много присохло. Оранжерейные прежние деревья невѣроятно вашему сиятелству будетъ, какъ теперъ поправились и въ самомъ лучшемъ ихъ видѣ, такъ что не хуже стали вновь привезенныхъ. Оранжереи половина выкрашена жъ. Въ прудѣ, что передъ тарасами, воды ужъ аршина на полтора глубиною, и въ верхней плотинѣ немного осталось свай бить; а для скотнова двора толко половину фундамента каменного здѣлано; теперь зачали на нево полить лѣсъ и вязать будутъ. Для мельницы на Деснѣ поехалъ вчерась Гиржбергъ сваи бить; прежде жъ нелзя было за величиною воды. Съ отезду вашего сиятелства въ расходѣ въ Вишенкахъ денегъ болѣе полуторы тысячи уже. По хозяйству экономия тамъ кажется изрядно идетъ. Садовникъ, бывшей у Ильи Васильевича, нѣсколко дней тамъ былъ, но въ приездъ мой туда отежалъ онъ въ Глуховъ; толко и здѣсь не засталъ я ево, а сказывають, что вчерась опять туда поѣхалъ. Нанять ево на коронной щотъ старатца буду. Въ отездъ мой отсюда, привезенъ отъ вашего сиятелства ящичекъ, въ немъ нашелъ я модели галанскова ботика и шлюбки съ рисунками—къ строенію по нихъ, а ничево объ нихъ не писано, то здѣсь ли прикажете до времени сохранять или въ Вишенки отправить? Тако жъ и о парадной каретѣ: отправлять ли её къ Москвѣ или здѣсь оставатца, не имею повелѣнія, котораго въ ожиданіи остаюсь. О колонистахъ като-

лпкахъ изъ хлебопашцовъ, жителяхъ Великого и Малого Вердера [1]) преступившихъ боемъ шулца и судьи, по поводу невѣжи патера, какъ я по силѣ данного мнѣ отъ вашего сиятелства отъ 29-го маія ордера, долженъ ихъ отослать суду генералному и далъ уже графу Капуани ордеръ о присылкѣ зачинщиковъ четырехъ человѣкъ въ оной судъ, предварително осмеливаюсь просить вашего сиятелства не соизволено ли будетъ безъ решенія судовова, наказавши ихъ, при колоніи оставить, ибо естли по рѣшенію надъ ними въ судѣ выполнятца, то семьи ихъ, въ малолѣтныхъ дѣтяхъ состоящие, останутца безъ отцовъ и оныхъ хозяйство. Отъ приѣхавшихъ сюда къ Щенявскому по пашпорту за рукою Василицкова людяхъ, на репортъ мой отъ 1-го іюня учиненной, о снабдѣніи резолюцею прошу жъ. Онъ всякой день и староста Дембовской неотступно докучаютъ, такъ же и изъ гарнизона Уманскова желающихъ въ фузилерную роту—можно ли определять, ибо изъ нихъ нехотящие въ полской службѣ оставатца, начинаютъ побѣги уже дѣлать. Я же со всеглубочайшею моею преданностию и до конца жизни моей пребуду вашего сиятелства, милостиваго государя всепокорнейшей слуга князь Платонъ Мещерской.

Глуховъ. Іюля 18, 1769 году.

2. Пять писемъ гр. Румянцова къ генер. писарю В. Г. Туманскому. 1771—1789 г.г.

а) Государь мой Василей Григорьевичъ! Я бы хотѣлъ больше воздать, нежели въ однихъ словахъ благодарностію за толь одолжительную обсылку меня деликатною провизіею, которую знакомъ пріемлю усерднаго вашего обо мнѣ воспоминанія, но случай не подаетъ мнѣ другихъ къ тому способовъ; такъ и еще благодарю наипризнательнѣе за милость любезной супруги вашей, коея собственные труды дѣлаютъ мнѣ тѣмъ пріятнѣе сей гостинецъ.—Въ показаніе моего непремѣннаго къ вамъ доброжелательства, я увѣдалъ, что г. Яковскій близкою причитается роднею фамиліи вашей, изъ уваженія къ тому определяю его, по его желанію, есауломъ полковымъ въ Прилуки; и къ удовольству приму, естли вы укажете какой мнѣ случай, въ которомъ бы я могъ дѣлая вамъ угодное, подтвердить то нелицемѣрное почтеніе,съ которымъ пребывать честь имѣю вашего высокородія покорнымъ слугою Г. Румянцовъ.

Марта 31-го дня, 1771 го. Изъ главной квартири города Яссъ.

---

[1]) Колонія, поселенная въ Борзенскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи.

б) Государь мой Василей Григорьевичъ! Наичувствительнѣйшей благодарности и истиннаго признанія исполненъ я вамъ за неоставленія меня вашимъ пріятнѣйшимъ письмомъ, такъ какъ и дражайшей супругѣ вашей за благосклонную обсылку собственныхъ ея трудовъ, всеискренно желая находить ежевременно случаи къ изъявленію вамъ готовости моей къ услугамъ вашимъ. На сихъ дняхъ я увидѣлъ изъ копія указа правительствующаго сената въ коллегію присланнаго, что бунчуковый товарищъ Якимовичъ чрезъ сына своего (имѣлъ?) въ сенатѣ жалобу на отдачу коммиссіи и сходное той опредѣленіи коллегіи о хуторѣ, имъ заведенномъ въ дачахъ Чертовицкихъ. Не разпространяяся о дѣлѣ семъ, намъ довольно извѣстномъ, скажу только мое удивленіе, что въ то время, когда уже сія жалоба какъ видно въ сенатъ занесена была, сей человѣкъ присылалъ друзей сына своего съ вѣрующимъ ко мнѣ для испрошенія оставить отбираемое въ его владѣніе. Я не знаю совмѣстна ли тутъ апелляція и задержаніе исполненія, гдѣ указомъ 1763 года судной образъ отвержженъ, а разборъ слѣдствіемъ предписанъ?—Прошу только васъ всеприлежно не упустить употребить средства къ сохраненію цѣлости сихъ имѣній, чтобъ онѣ въ подобныхъ случаяхъ не потерпѣли крайняго опустошенія отъ неправедно ими владѣвшихъ. Я не сомнѣваюся, что вы, государь мой, по правосудію вашему и по благосклонности ко мнѣ, во всѣхъ таковыхъ случаяхъ надлежащую мнѣ помощь подать не отречетесь и есмь съ совершеннымъ почтеніемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою Г. Румянцовъ[1]).

Марта 4-го, 1773 го. Изъ Яссъ.

в) Государь мой Василей Григорьевичъ! Я уведомленъ, что отдача всемилостивѣйшее пожалованнымъ мнѣ въ Малороссіи деревень вънесена въ коллегію, но не зная отправлена ли оная въ правительствующій сенатъ, въ полной надеждѣ на дружество и благосклонность вашу, прошу васъ всеприлежно дать мнѣ знать о томъ; и ежели оная не отослана, то какіе причины его удерживаютъ. Пользуясь въ протчемъ симъ случаемъ, свидетельствую вамъ и любезной

---

[1]) Все письмо, кромѣ подписи, написано собственноручно А. А. Безбородкомъ. Дѣло идетъ о хуторѣ, который поселилъ одинъ изъ Якимовичей въ дачахъ д. Чертовичъ, вошедшей въ составъ Топальской волости, а прежде находившейся во владѣніи полк. хоруж. Ст. Якимовича „до ласки войсковой". (См. Оп. Ст. Малор., I, 375). Въ сосѣдскихъ земельныхъ спорахъ съ Якимовичами—гр. Румянцовъ обращается здѣсь къ канцолярской помощи Туманскаго.

супруге вашей мое искреннное и совершенное почтеніе, и есмъ вашъ покорной слуга Г. Румянцовъ.

5-го Августа, 1773 го. Изъ лагеря при рѣкѣ Ялошицѣ.

г) Государь мой Василей Григорьевичъ! Благодаря вамъ отъ всей искренности за ваше ко мнѣ доброхотное расположеніе, коего ни время, ни дальная отлучка не истребили изъ вашей памяти, я обращаю во взаимство вамъ, моему лутчему другу, всеусердныя мои желанія въ семъ новонаставшемъ и премногихъ будущихъ, съ любезною вашею фамиліею, увидѣть изобильно всѣ и всякія благощастія и преуспѣяніи въ помысльномъ вами, и сохраняя непремѣнно вашу ко мнѣ благосклонность пребыть удостовѣреннымъ, что я всегда останусь съ отличнымъ почтеніемъ и истинною преданностію покорнымъ слугою Г. Румянцовъ.

С. П. Бургъ. Генваря 28 дня, 1777 года.

е) Милостивый государь мой, Василей Григорьевичъ! По усердному моему къ вамъ и ко вашему дому расположенію, я беру всіо участіе и искреннее сожалѣніе въ вашей печали, о кончинѣ любезной дочери вашей, и изъ всякаго случая, гдѣ мнѣ только возможно оказать вамъ мою услугу, дѣлая себѣ отличное удовольствіе, обратилъ я на то и сей, что вы подали мнѣ касательно отсрочки вашему сыну. Онъ можетъ остаться у васъ по май мѣсяцъ, и я включая ему здѣсь пашпортъ, и желая отъ всего моего сердца, чтобы сіе мое письмо нашло васъ въ наилучшемъ здоровьѣ, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, что я имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Г. Румянцовъ.

Марта 19-го дня, 1789 года. Г. Яссы [1]).

---

2. Черты характера гр. П. А. Румянцова.

Въ одной рукописной повѣсти А. М. Марковича (1790†1865), издателя «Дневныхъ Записокъ» его дѣда Якова Марковича, мы встрѣтили слѣдующее мѣсто: «Въ часъ досуга онъ (одно изъ лицъ повѣсти) забавлялъ его милость (другое лицо повѣсти), разсказывая, напр., великолѣпное путешествіе императрицы Екатерины чрезъ Новгородсѣверское намѣстничество, какъ принималъ ея величество гр. Румянцовъ, какъ жилъ

[1]) Всѣ приведенныя письма печатаются съ подлинниковъ. Письма къ Туманскому получены нами отъ гр. Г. А. Милорадовича.

онъ въ своихъ готическихъ замкахъ въ Вишенькахъ и Ташанѣ, какъ мыши съѣли у него (Румянцова) 20 тысячъ ассигнацій, какъ въ разговорѣ называлъ онъ всѣхъ—батюшка, какъ одного простодушнаго просителя увѣрили, будто графъ любитъ, чтобы его называли такъ-же, и какой отвѣтъ получилъ отъ графа проситель на это фамиліарное привѣтствіе; какъ графъ любилъ, по окончаніи обѣда, сидѣть часа по два за столомъ, часто къ большому затрудненію собесѣдниковъ, какъ спросилъ онъ однажды у г. Журавки (Ив. Тим., генер. есаулъ и членъ малорос. коллегіи)—скажите, батюшка, какая самая выгодная промышленность въ Малороссіи? и какъ тотъ отвѣчалъ: быть опекуномъ, ваше сіятельство! какъ портной Заика просилъ чина и какъ фельдмаршалъ потребовалъ, чтобы онъ сшилъ ему, не снимая мѣрки, мундиръ».. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ приведенныя здѣсь подробности взяты Марковичемъ изъ разсказовъ лицъ, лично знавшихъ Румянцова, такъ какъ Марковичъ всю жизнь прожилъ около Глухова и въ своей молодости, конечно, зналъ многихъ современниковъ знаменитаго правителя Малороссіи. Относительно съѣденныхъ мышами ассигнацій можно сказать, что этотъ случай былъ очень возможенъ при томъ значительномъ скопленіи денегъ у Румянцова, какое у него, повидимому, бывало обыденнымъ явленіемъ. У насъ имѣется рукописный «Журналъ представленій его сіятельству г. генералъ-фельдмаршалу, многихъ орденовъ кавалеру, сущему побѣдителю Отоманской имперіи», веденный въ 1792 г. однимъ изъ управляющихъ Румянцова—Подлузскимъ; въ этомъ «журналѣ» находимъ, напр., счетъ денегъ, имѣвшихся въ мартѣ 1792 г. въ Черешенкахъ, *въ кладовой*. Въ этомъ счетѣ значится:

1) «Пріемъ покойнаго Петра Мартыновича Юркевича: серебряныхъ—23681 р. 64 к.; золотыхъ имперіалами—830 р.; голландскихъ червонныхъ на 28 р. 50 к.; ассигнацій—46375 р.; мѣдныхъ—21277 р. 55 к.».

2) «Пріемъ флигель-адъютанта Данила Петровича Юркевича въ 1790 г.: ассигнацій на 41000 р., мѣдныхъ—3417 р.».

3) «Къ оному числу 1791 г. вступило: ассигнаціями—43155 р., мѣдными—5758 р.».

Вмѣстѣ съ тѣмъ показанъ, впрочемъ, и расходъ; ассигнацій въ расходѣ значится—24800 р.; слѣдовательно въ мартѣ 1792 г., въ Черешенской *кладовой* находилось ассигнацій на 105730 р.—При такомъ обиліи бумажекъ было чѣмъ и мышамъ поживиться...

3. Хозяйство гр. П. А. Румянцова.

(Донесеніе одного изъ его управляющихъ).

Извѣстно, что въ 1789 г. Румянцовъ фактически перестаіъ быть правителемъ Малороссіи и поселился въ своемъ имѣніи Ташани. Тутъ онъ прожилъ безвыѣздно до самой смерти. Удалившись отъ дѣлъ, Румянцовъ продолжалъ, по возможности, слѣдить за хозяйствомъ въ своихъ общирныхъ «экономіяхъ». У насъ имѣются свѣдѣнія о хозяйствѣ Румянцова въ слѣд. шести экономіяхъ: Гомельской, Топальской, Кочуровской, Вишенской, Дѣвицкой и Парафіевской. Въ каждой изъ этихъ экономій былъ особый управляющій, при чемъ въ Вишенкахъ сосредоточено было главное управленіе имѣніями. Въ 1792 г. Румянцовъ нашелъ нужнымъ поставить надъ всѣми этими управляющими особаго надзирателя или ревизора, въ лицѣ одного изъ Н.-Сѣверскихъ чиновниковъ надв. совѣтн. Осипа Подлузскаго; послѣдній былъ обязанъ, въ свободное отъ службы время, объѣзжать экономіи для подробнаго ихъ осмотра, о чемъ затѣмъ и доносилъ Румянцову, въ Ташань. Одно изъ такихъ донесеній Подлузскаго объ осмотрѣ имъ, лѣтомъ, въ 1792 г., Кочуровской и отчасти Вишенской экономій и приводимъ здѣсь, какъ заключающее въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о хозяйствѣ и богатствахъ Румянцова въ Черниговскихъ его имѣніяхъ.

«Случившіеся четыре свободные отъ присутствія 21, 22, 23 и 24 сего маія дни, къ великому моему удовольствію, употребилъ оные на поездку въ Кочуровку [1])... Тамъ пошелъ я съ Старцевымъ (управляющимъ Кочуровскимъ) вовнутрь большого дворца и нашелъ я въ господскихъ покояхъ желаемую чистоту; въ нижнемъ этажѣ на полу, въ залѣ, на двохъ брускахъ, стоитъ одинъ кожею обитый за замками и печатью Старцова сундукъ, съ дорогими турецкими на лошадей попонами, уздами, саблями, кинжалами, пистолетами и прочими принадлежащими къ тому нещами; я велѣлъ отперетъ сундукъ и всѣ вещи освидѣтелствовалъ; хотя и немалѣйшей сырости воздуха въ сундукѣ не было, но въ случившійся тогда хорошій день всіо приказалъ пересушить, и всѣ богатыя на сѣдлы покрывалы налагаемыя, видѣлъ въ совершенной цѣлости... Въ верхнемъ этажѣ болшихъ покоевъ хранящуюся хрусталную посуду приказалъ перетереть и всю пыль очистить.—Въ круглой залѣ на потолокѣ показывается отъ дожжа течь и отъ оной въ местахъ почернѣло; кровля неминуемо требуетъ по-

[1]) С. Кочуровка—въ Глуховскомъ уѣздѣ; теперь—Кучеровка.

новленія. Вышедши изъ болшихъ покоевъ на лѣво, былъ я въ флигелѣ;—тамъ цѣлостно хранятся въ ящикахъ серебрянныя, фарфоровыя и протчія разныя вещи, коихъ всѣхъ по описямъ не могъ я пересвидѣтелствовать, а толко наружно обозрѣлъ. На правую сторону болшихъ покоевъ, въ погребѣ—разныя вины и ратафія въ пѣску, въ бутылкахъ, цѣлы; а кои въ ящикахъ, то иныя неполны бутылки, а иныя (какъ сказываетъ Старцовъ) полопались и сихъ послѣднихъ также и стекло разбитое хранится. Въ томъ же погребѣ и фаянсовая посуда лежитъ...

Близъ болшого дома, въ прудѣ—карповъ много, но всѣ младыя, а у Черешенкахъ я ни одного карпа не увидѣлъ, видно зимой, не имѣя продуховинъ, задохлись. Въ аранжереѣ деревьевъ лимонныхъ, апелсиновыхъ и протчихъ родовъ съ плодами и цвѣтами, такъ же и разной для стола зелени изобилно, и огороды разными для стола и понарии сѣменами засажены и хорошо удобрены. Въ садахъ деревья яблоновыя и грушевыя отъцвѣли, и гусени обчищены, словомъ садовника, по моему малому знанію, нашолъ я въ должности исправнымъ. Огороды конопляни, а нивы яриннымя сѣменами засѣяны и рожъ на всѣхъ около Кочуровкѣ нивахъ обѣщаетъ богатую жатву. Заключаю бытіе мое въ Кочуровкѣ симъ, что управленіе тамошнимъ хозяйствомъ Старцова, имѣющаго страхъ и радѣніе къ добру господина, ни малѣйше меня не огорчило, а къ болшему его куражу обѣщалъ я испросить ему милость у в. сіятелства. Десятый уже годъ, опредѣленный отъ митрополита Кіевского въ Кочуровку священникъ Антоній Голяховскій, есть человѣкъ благоговѣйный и въ своемъ званіи и должности прилѣжный и скромный. Онъ, устроивши тамъ домишокъ и все нужное, безмѣрно тревожится теперь, что нѣтъ ему утвержденія отъ соизволенія в. с—ва. Я навѣдывался о его состояніи у крестьянъ Кочуровскихъ и у Старцева: всѣ единогласно доброе объ немъ говорятъ. Да и самъ преосвященный вчера приказалъ мнѣ доложить в. сіятелству, что сей священникъ заслуживаетъ по его добрымъ качествамъ быть въ Кочуровкѣ. А ежели соизволите и другого ково туда назначить, то хотя и исполнитъ преосвященный изволеніе в. с—ва, но сей добрій іерей въ обидѣ останется. (Сіи слова суть преосвященного).

При совершенной моей преданности и таковой же благодарности за премногія в. с--ва ко мнѣ милости, нижайше вторично прошу о подносителѣ сего Львѣ Лѣнковскомъ [1]). По сущей истинѣ признаюсь,

[1]) Сынъ Н.-Сѣверскаго протоіерея.

что ни отецъ его, ни онъ самъ и никто меня не просилъ рекомендовать в. с—ву. Но узнавъ о его добрыхъ качествахъ и охотномъ трудолюбіи, неимѣющаго притомъ покровителя и дарующаго насущный, осмѣлился отправить его при семъ, доволно зная и примѣтивъ, что и я, и мнѣ подобные, старые в. с—ва слуги, получивши и чины и пропитаніе, работаемъ не съ такимъ уже ревеніемъ и прилѣжностію, когда мы ничего не имѣли. А сей юностный—вѣрно не упустить употребить весь свой трудъ, чтобъ заслужить у великаго въ свѣтѣ героя, великихъ для себя милостей на будущое продолженіе своей полезной жизни. Чина хотя онъ и не имѣетъ, но позволяетъ законъ давать чинъ за науки. Вижу и примѣчаю и не могуносовѣсти не сказать, что Вишенское главное правленіе одно только имѣетъ на себѣ именованіе, а полвы ни малѣйшей, хотя Данило Петровичъ и сидитъ съ Кокоревымъ надъ мѣсячными, присылаемыми изъ другихъ экономій вѣдомостями. Я ему совѣтовалъ, что бумагу можно разсмотрѣть въ два дни, а протчія 28 каждаго мѣсяца дни—лучше употребить на обозреніе хозяйства и таковымъ частнымъ обозреніемъ дать примѣтить каждому прикащику держать ухо востро.—Тутъ то бы вся въ хозяйствѣ исправность получила лучшій видъ и ползу. Предъ симъ, въ послѣднюю мою бытность въ Черешенкахъ, былъ я трожды sic) у Данила Петровича. Онъ мнѣ ни единаго слова про экономію не упоминулъ. Весма мнѣ чувствително, что таково его молчаніе не отвѣчаетъ моему усердію и потому просилъ я его, чтобъ пожаловалъ ко мнѣ поутру. Тутъ то я расположился спросить у него наединѣ—почему многія сотни строевого лѣса отъ пилной машины по разнымъ рукамъ ищезли? Почему скирды сѣна въ чужую полву послужили? (о всемъ мнѣ Домбровскій [1]) сказывалъ). Да еще желалъ я получить точное отъ Дан. Петр. обисненіе, какой ради причины мною въ Черешенскихъ денегъ, противу его вѣдомости собственнаго его пріема, нашолъ я лишнихъ 1066 р. съ копейками. Но на другой день вмѣсто посѣщенія его, услышалъ я отъ Домбровскаго, что уже онъ въ 5-мъ часу утра въ Коропъ уѣхалъ. И такъ я, чтобъ не просрочить, отехалъ къ моей должности въ Новгородъ. Касателно главноуправляющаго Дан. Петровича необходимо нужно аккуратный щотъ произвесть по всѣмъ документамъ пріема и расхода денегъ, и начавши оный не долженъ ни я безъ него, ни онъ безъ меня—въ кладовой быть до совершеннаго окон-

[1]) Вишенскій управляющій.

чанія; тогда точно узнать можно справедливо ли говорять, что и въ Коровъ изъ Черешенекъ ассигнаціи превровождаются»... [1]).

Упоминаемый здѣсь Данило Петровичъ Юркевичъ былъ сынъ подполковника Петра Мартыновича Юркевича, одного изъ адъютантовъ Румянцова. Послѣдній, будучи адъютантомъ, въ тоже время былъ и главноуправляющимъ имѣніями Румянцова. Въ это время онъ купилъ себѣ Кролевецкое село Рождественное (изъ имѣній генерала Штофельна), въ которомъ было тогда болѣе тысячи крестьянъ. П. М. Юркевичъ управлялъ имѣніями до своей смерти, а послѣ его смерти управленіе это поручено было его сыну Данилу Петровичу, при чемъ денежныя суммы сначала были въ завѣдываніи его матери Ирины Петровны (рожд. Лайкевичъ). Д. П. Юркевичъ раньше былъ «поручикомъ при штатной кроновскаго уѣзда командѣ», а потомъ онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Румянцова. Эту должность онъ сохранилъ и въ 1792 г. Во время управленія имѣніями Румянцова, Д. П. Ю—чъ купилъ имѣніе въ с. Гирявкѣ, Конотопскаго уѣзда, которое потомъ досталось его сыну Николаю и дочери Ульянѣ, по мужу Блохиной

---

4. Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Изд. подъ ред. К. Я. Грота. Томы 2-й и 3-й. Спб. 1896. въ 8 д. л.

Первый томъ «Переписки» былъ изданъ въ 1895 г. и заключаетъ въ себѣ множество интереснаго матеріала, какъ о русской литературѣ 40-хъ годовъ, такъ и о людяхъ, стоявшихъ около нея. Вышедшіе теперь два тома этого изданія заключаютъ въ себѣ тоже много, хотя мелкихъ, но иногда очень характерныхъ фактовъ изъ исторіи тогдашняго общества и литературы.—Для насъ особенно интересны, имѣющіяся въ этихъ двухъ томахъ «Переписки» свѣдѣнія о первыхъ шагахъ молодого въ то время г. Кулиша на литературномъ и общественномъ поприщѣ, при заслуженной поддержкѣ вліятельнаго ректора С.-Петербургскаго университета П. А. Плетнева.

Свѣдѣнія эти приводимъ здѣсь въ отрывкахъ изъ писемъ, обозначая при послѣднихъ—годъ, число и мѣсяцъ.

---

[1]) Точками обозначены опущенныя мѣста (не имѣющія интереса) въ письмѣ.

1845 г. 2—II. «Нѣкто Пантелемонъ Кулѣшъ изъ Кіева, авторъ историческаго очень интереснаго романа (особенно по многочисленности фактовъ для исторіи Малороссіи) «Михайло Чарнышенко», прислалъ мнѣ пять главъ изъ новаго своего еще непечатаннаго романа: «Чорная рада». Его письмо и сочиненіе препровождены мнѣ Юзефовичемъ, помощникомъ кіевскаго попечителя, который рекомендуетъ мнѣ его, какъ человѣка и съ талантомъ, и съ благими намѣреніями».

— 22—VIII. «Въ нашъ университетъ понадобился для инородцевъ учитель русскаго языка... Я остановился на Кулѣшѣ, который прекрасно (какъ вижу по письмамъ) знаетъ языкъ и желаетъ служить въ Петербургѣ».

— 7—XI. «На дняхъ жду Кулѣша. Мечтается мнѣ, что онъ сниметъ съ меня много заботъ по Современнику [1]). Его письма заставляютъ меня надѣяться, что онъ пойметъ мою систему и исполнитъ ее».

— 14—XI. «Пріѣхалъ Кулѣшъ. Я велѣлъ ему ко мнѣ перебраться до пріисканія квартиры. Обѣдаетъ и чай пьетъ онъ со мною, а работаетъ и спитъ въ моемъ кабинетѣ, что въ университетской канцеляріи. Милый молодой человѣкъ, интересный и наружностію, и чистотою души, и умомъ. У насъ онъ будетъ учить русскому языку инородцевъ, а служба его настоящая въ V гимназіи. Жалованья у насъ 1200, да тамъ 2250 р. ас... Въ 6 ч. гулялъ съ Кулѣшемъ,—онъ все мое принимаетъ за образецъ».

— 17—XI. «Еще вчера вечеромъ отправилъ я Кулѣша съ визитомъ къ Максимовичу [2]), который знаетъ его, видѣвшись съ нимъ въ Кіевѣ, и любитъ, ибо и мнѣ хвалилъ его. Кулѣшъ благоговѣйно исполняетъ что я ни предложу ему. Я предсказалъ, что Максимовичъ на завтра позоветъ его къ обѣду, и научилъ какъ отвѣчать. Сегодня все и пошло, какъ по писанному».

— 18—XI. «Кулѣшъ прочиталъ послѣ всю мою критику на «Мертвыя души», это почти вся моя эстетика, Я стараюсь всю свою теорію передать Кулѣшу, чтобы у насъ не было разноголосицы, какъ съ Никитенкой».

— 19—XI. «Я очень озабоченъ былъ, такъ какъ сегодня Кулѣшъ долженъ былъ читать въ университетѣ первую лекцію... Онъ,

---

[1]) Плетневъ въ это время издавалъ „Современникъ", затѣмъ, въ 1847 г., передавшій имъ Некрасову и Панаеву.

[2]) Павелъ Петровичъ, профессоръ университета, родомъ изъ Золотоноши.

написавъ ее, прочиталъ мнѣ. Я его, какъ могъ, настроилъ. Наконецъ, она сошла благополучно. Онъ такъ деликатенъ, что хотя утромъ для чаю, къ обѣду и вечеромъ для чаю же является ко мнѣ, но всякій разъ, такъ и спѣшитъ оставить меня, чтобы не быть въ тягости.»

— 24—XI. «Ты очень вѣрно оцѣнилъ достоинство присланныхъ пьесъ. Думаю, что онѣ еще не вдругъ попадутъ въ печать. Кулѣшъ, до прибытія ихъ, далъ мнѣ въ отдѣлъ повѣстей большой отрывокъ изъ своей «Чорной Рады». Я и не согласился бы взять отдѣльный этотъ кусокъ, если бы онъ не представлялъ въ себѣ цѣлаго, очень занимательнаго предмета—«Кіевскіе Богомольцы въ XVII столѣтіи», сюжетъ для всѣхъ русскихъ очень любопытный, а тѣмъ болѣе для Малороссіи, гдѣ (какъ извѣстно Кулѣшу) много явится подписчиковъ, какъ скоро увидятъ, что «Чорная Рада» не прекращается въ Современникѣ. Это частію уже подтвердилось и теперь: кіевскій Писаревъ, прежде всѣхъ русскихъ, уже прислалъ деньги на 5 экземпляровъ Современника 1846 г.»

— 21—XI. «Кулѣшъ молодой человѣкъ высокихъ нравственныхъ и религіозныхъ правилъ. Онъ мнѣ болѣе и болѣе нравится».

— 12—XII. «Обѣдалъ у П. Максимовича. И Кулѣшъ тамъ. Онъ замѣтилъ, что Максимовичъ страстенъ къ Малороссіи, ничего не изучивъ ни въ ея исторіи, ни въ литературѣ... Вмѣстѣ поѣхали къ Александрѣ Осиповнѣ» (Ишимовой)».

1846 г., 23—III. «Вечеромъ были только Максимовичъ съ женою, Лакьеръ, Кулѣшъ да Гребенка».

— 1—V. «Я согласенъ, что Гердъ (К. К.) много для меня работаетъ, но тутъ есть особая причина: онъ изъ оттисковъ составляетъ для себя книгу: Историческій сборникъ. Ему многаго не достаетъ, чтобы ты и я, подавая ему руку, убѣжденными оставались, что она въ рукѣ нашего брата по уму, сердцу и вѣрованію. Вотъ Кулѣшъ— такъ высокій образецъ чувствованій и дѣлъ».

— 8—V. «Я согласенъ, что фенноманія покамѣстъ чистый вздоръ. Со временемъ она будетъ что нибудь значить, если въ высшемъ слою ослабнетъ шведоманія. Только, мнѣ кажется, и тогда это мѣсто должна занять руссоманія, какъ теперь въ Малороссіи, не смотря на усилія Кулѣша и желчь Павла Максимовича. Въ государствѣ, образовавшемся изъ разноплеменныхъ народовъ, всегда одинъ господствуетъ съ языкомъ своимъ: это законъ природы и дочери ея исторіи».

— 14—V. «Въ воскресенье, ровно въ 11 часовъ, пріѣхалъ на дачу ко мнѣ Кулѣшъ. Я растолковалъ моему гостю, что въ нѣкоторые часы на дачѣ (какъ теперь, напримѣръ), надобно и гостямъ, и хозяину работать что нибудь. Вотъ, онъ выпросивъ у меня карандашъ и бумаги, сѣлъ у окна въ залѣ—и началъ срисовывать извѣстную тебѣ ветхую часовню нашу...»

— 22—V. «Потомъ я составилъ для Шахматова (товарищъ министра нар.-пр.) записку о Кулѣшѣ... Погодинъ прислалъ въ здѣшнюю цензуру отрывки Кулѣшевой «Рады», ибо тамъ ужасно портятъ цензора[1]).

— 25—V. «Погодинъ прислалъ Кулѣшу его отрывокъ изъ «Чорной Рады», печатающійся въ Москвитянинѣ, съ тѣмъ, чтобы здѣсь процензировать его, такъ какъ тамъ ужасно измарали цензора самыя невинныя мѣста. Вотъ Кулѣшъ и пріѣхалъ ловить Никитенку (цензора), который согласился на цензированіе не иначе, какъ бы это была не журнальная статья (такой онъ не въ правѣ цензировать), а отдѣльное сочиненіе».

— 7—IX. «Въ четвергъ было собраніе академіи... Читали о посылкѣ Кулѣша».

— 16—X. «Въ субботу я обѣдалъ у Балабина, что спасло меня отъ непріятной встрѣчи съ Краевскимъ у Максимовича, гдѣ обѣдалъ Кулѣшъ. Въ воскресенье вечеромъ у насъ, кромѣ Кулѣша, обѣдавшаго съ нами, и Савича, пришедшаго въ 10 часу, никого не было. Кулѣшъ у Александры Осиповны учится по англійски».

— 30—X. «Касательно славянщины я того мнѣнія, что прекрасную можно сдѣлать вещь, изучая памятники ея исторіи и литературы,—но не далѣе. Возгласы о томъ и о семъ—все это глупыя бредни. Я тоже совѣтую Кулѣшу и касательно Малороссіи. Кстати: его судьба рѣшена; онъ скоро уѣзжаетъ».

1847 г., 4—I. «Изъ Малороссіи Кулѣшъ писалъ мнѣ два раза: въ первомъ письмѣ объявилъ, что онъ уже помолвленъ, а во второмъ, что послѣ крещенья будетъ и свадьба его. Пока я думалъ, что Кулѣшъ уѣдетъ за границу женихомъ, то боялся за его успѣхи въ сла-

---

[1]) Погодинъ писалъ Плетневу: „У Кулѣша отличный талантъ и смыслъ. Жаль что для разнообразія недостаетъ или не видать еще веселости. Спасибо вамъ, что вы пріютили его, а въ Кіевѣ, который хотятъ русить и который не имѣетъ ни профессора русской исторіи, ни профессора русской словесности, нѣтъ ему мѣста! О, любезное отечество!

вянских языках. Теперь полагаю, что он дела свои исполнит, потому что ему не нужно будеть тратить время на страстную переписку».

— 25—I. «Очень трудно сойтись съ нынѣшнею молодежью. Хотя бы отвергала она лжеученія, но самые термины ея отверженія обличають, что она воздоена млекомъ ядоноснаго ученія. Кулѣшъ былъ какъ то спасенъ отъ всего».

1848 г. 10—I. «Мой пріятель (Кулишъ) изъ Тулы [1]) прислалъ мнѣ письмо, которымъ увѣдомляетъ, что, не бывъ въ состояніи исправлять должности (смотрителя больницы), возложенной на него военнымъ тамошнимъ губернаторомъ Крузенштерномъ, онъ подалъ ему прошеніе о чистой отставкѣ, въ намѣреніи жить хоть бѣдно, но независимо. Мнѣ это не понравилось, тѣмъ болѣе, что едва ли выпустятъ его изъ службы, а думать будутъ о немъ хуже. Такова логика юной Россіи».

1850 г., 7—X. «Кулѣшъ ко мнѣ пишетъ, что тульскій губернаторъ поручалъ ему срисовать памятникъ на Куликовомъ полѣ, и что рисунокъ его былъ представленъ государю и великимъ князьямъ въ ихъ проѣздъ черезъ Тулу; всѣ остались довольны, но судьба его не улучшена. Онъ познакомился съ какимъ то помѣщикомъ, который военное поприще промѣнялъ на занятіе живописца и Кулѣшъ теперь преимущественно предался живописи, въ которой успѣваетъ».

1851 г., 10—III. «Кулѣшъ съ женою пріѣхалъ сюда искать службы.—Ему разрѣшено служить во всѣхъ министерствахъ, кромѣ нашего. Онъ ищетъ теперь должности у Киселева».

Въ этихъ же двухъ томахъ «Переписки» находится не мало свѣдѣній и о другомъ уроженцѣ Малороссіи—Ст. Ив. Барановскомъ, тогдашнемъ профессорѣ русскаго языка въ гельсингфорскомъ университетѣ. Барановскій уроженецъ г. Конотопа (р. 1818†1890) былъ извѣстенъ своею страстью къ изобрѣтеніямъ во всевозможныхъ областяхъ, начиная съ языка и кончая двигательными машинами и воздухоплаваніемъ... Особенно онъ много трудился надъ опытами по замѣнѣ пара, какъ двигателя, сжатымъ воздухомъ (De la pneumotion. Helsingfors. 1857). «Это была (говоритъ о немъ человѣкъ, хорошо его знавшій) оригинальная, недюжинная личность, въ которой богатыя природныя дарованія, къ сожалѣнію, парализовались отсутствіемъ выдержки характера и внут-

[1]) Гдѣ Кулишъ жилъ послѣ ареста въ 1847 г.

ренней умственной дисциплины». Сынъ Ст. Ив. Барановскаго—Викторъ (род. 1846†1879) известенъ, какъ изобрѣтатель скорострѣльной пушки, при опытахъ надъ которою онъ и погибъ.

---

5. Памяти Н. М. Бѣлозерскаго.

Сорокъ лѣтъ назадъ издана была въ Кіевѣ небольшая книжка подъ такимъ заголовкомъ—*Южно-русскія лѣтописи, открытыя и изданныя Н. Бѣлозерскимъ. Томъ I*[1]). О значеніи этой книжки далъ въ свое время подробный отзывъ Максимовичъ (Соч., I, 230—247), сурово при этомъ замѣтившій излишнюю ревность издателя въ перечисленіи разночтеній въ спискахъ лѣтописей... Но дѣло въ томъ, что издатель крошечнаго томика „Лѣтописей" былъ юноша, къ которому трудно было предъявлять особыя требованія... Это былъ одинъ изъ младшихъ сыновей борзенскаго средней руки „пана", который понимая практическую пользу образованія, направлялъ своихъ сыновей то въ университеты, то въ кадетскіе корпуса. Университетское образованіе получилъ и одинъ изъ старшихъ его сыновей—В. М. Б—ій, бывшій редакторъ „Основы". Будущій издатель „Лѣтописей" учился въ кадетскомъ корпусѣ, но ученія не кончилъ, причемъ, оставивъ корпусъ, поселился у П. А. Кулиша (женатаго на сестрѣ Б—аго). Эта совмѣстная жизнь съ человѣкомъ, который тогда пламенно изучалъ исторію и этнографію Малороссіи, имѣла большое вліяніе на юнаго борзенца: онъ понемногу входилъ въ кругъ этого изученія и въ 20-ть лѣтъ сталъ уже настойчиво интересоваться былымъ своей родины.—Желая пристроиться къ какому нибудь дѣлу, Н. М—чъ въ 1854 г. поступилъ на службу въ черниговское губ. правленіе и, сообразно своимъ вкусамъ, сталъ заниматься въ редакціи губ. вѣдомостей, редакторомъ которыхъ тогда былъ добрый и покладистый П. Я. Ростовцовъ (умеръ витебскимъ губернаторомъ). Этотъ редакторъ, будучи черниговскимъ уроженцемъ и человѣкомъ университетскимъ, ничего не имѣлъ противъ печатанія въ губерн-

---

[1]) Кіевъ 1856 г. 16° IX+162 стр.

ской газетѣ всяческаго матеріала по исторіи края. Кромѣ историческихъ актовъ, здѣсь печатались пѣсни, пословицы, сказки... Тутъ же началось печатаніе и басенъ Л. И. Глѣбова.

Н. М—чъ, назначенный на должность „помощника редактора", сдѣлался дѣйствительнымъ и ревностнымъ помощникомъ Ростовцова; а когда послѣдній вскорѣ затѣмъ оставилъ Черниговъ, то Н. М. сталъ правитъ должность редактора (съ половины 1854 и до половины 1855 г.) Въ это же время Н. М. принималъ участіе въ изданіи, въ 1854 г., Метлинскимъ „Сборника малороссійскихъ пѣсенъ"; участіе это выразилось какъ помѣщеніемъ въ сборникѣ части собранныхъ имъ пѣсенъ, такъ и въ напечатаніи (въ приложеніи къ сборнику) наставленія — какъ записывать пѣсни. Редакторство губерн. вѣдом. Н. М—ча продолжалось недолго. Перемѣна лица, которому подчиненъ былъ надзоръ за газетою, была тому причиною. Съ начала 1855 г. черниговскія губ. вѣд. сразу обѣднѣли содержаніемъ. Объ этомъ обѣднѣніи Н. М. писалъ намъ въ мартѣ 1855 г.—„Вѣдомости наши лишены интересныхъ статей и матеріаловъ и наполняются всякою дрянью по желанію вице-г-ра, человѣка совершенно неученаго. Въ изданіи ихъ я играю страдательную роль. Актовъ и другихъ матеріаловъ, этнографическихъ статей, сообщаемыхъ священниками, в. г—ръ терпѣть не можетъ и поэтому запретилъ печатать все это. Прошедшимъ годомъ завершилось *славное* изданіе губ. вѣд. Теперь газета ползетъ, какъ ракъ, назадъ. Очень и очень грустно!" Дѣйствительно, съ 1855 г. въ черниговской газетѣ стали печататься статейки въ родѣ слѣд.—„Полезное употребленіе кислыхъ водъ, остающихся на стеариновыхъ заводахъ", „Отзывъ иностраннаго знатока о состояніи статистическихъ свѣдѣній о Россіи", „Какъ уничтожать постоянный холодъ въ погахъ" и т. п. Отъ такой литературы у Н. М. пропала охота къ редакторству и онъ оставилъ службу. Но литературные его вкусы въ это время уже ясно опредѣлились, и въ сентябрѣ 1855 года онъ намъ писалъ: „Дома я прожилъ до сентября; собралъ до сотни пѣсенъ, пословицъ, загадокъ и т. п. Неизданныхъ думъ и пѣсенъ у меня въ настоящее время болѣе 800. Въ ноябрѣ я приступлю къ изданію важнѣйшихъ и лучшихъ изъ нихъ; такимъ

образомъ у меня должна выйти книга листовъ въ 20—25. Я издамъ ее поаккуратнѣе и роскошнѣе Метлинскаго. Надѣюсь, что и внутренними достоинствами она не уступитъ изданію Метлинскаго". Намѣренію этому однакожъ не суждено было осуществиться. Н. М. увлекся, съ одной стороны, мыслью о поступленіи въ одинъ изъ полковъ тогда образованныхъ малороссійскихъ козаковъ, а съ другой—лѣтописями... „Козачество помѣшало мнѣ издать пѣсни (писалъ онъ въ к. декабря 1855 года, изъ Кіева). Свой сборникъ я уступилъ зятю (г. Кулишу)... Въ этомъ мѣсяцѣ я началъ печатать „Южнорусскія лѣтописи". Первый томъ будетъ заключать въ себѣ 4—5 хроникъ и 2—3 пьесы, имѣющія значеніе лѣтописей... Приготовивъ къ печати лѣтописи, займусь сочиненіемъ о старинныхъ зданіяхъ, одеждахъ, утвари, оружіи и проч.. также, домашнимъ бытомъ народа, касаясь болѣе внѣшней стороны и преимущественно прошедшаго. Это я сдѣлаю потому, что этотъ предметъ у насъ, можно сказать, не тронутъ, за неимѣніемъ данныхъ; а послѣднихъ у меня достаточно для того, чтобъ положить начало дѣлу. За этотъ трудъ наши художники скажутъ мнѣ великое спасибо...". Изданіе „Лѣтописей" не помѣшало Н. М—чу осуществить мысль о козачествѣ. Въ к. марта 1856 года онъ намъ писалъ: „Оттак-б! Наконецъ 31 генваря меня утвердили въ козакахъ, въ 5-й полкъ. На дняхъ я выбираюсь изъ Кіева... Лѣтописи мои должны выйти на дняхъ..." Окончивъ печатаніе своего сборника лѣтописей, Н. М—чъ поѣхалъ было въ свой полкъ, но полки эти скоро были распущены и, вмѣсто козачества, Н. М. осѣлся въ своемъ хуторѣ, подъ Борзною. Отсюда собирался онъ совершить поѣздку по Малороссіи для собиранія матеріаловъ по этнографіи и археологіи, но этотъ планъ ему не удалось почему-то осуществить. Въ письмѣ (ноябрь 1857 г.) онъ говоритъ: „По Вкраини я зовсимъ не издывъ. Тильки двичи бувъ у молодого Тарновського. У іого вже чималенькый музей нашои старовины; іе й гарматы! Тилькы мало кныжокъ та шпаргаливъ. Хоче купыть архивъ Марковича [1]), дакъ той проситъ безбожну цину: якій іому чортъ

[1]) Рѣчь идетъ объ архивѣ Н. А. Марковича, поступившемъ впослѣдствіи въ Румянцовскій Музей.

дасть не тильки 5, да и 2 тысячи карбованцивъ?... Тарновській хоче вибрать уси книжки, у которихъ писано про нашу країну, и—збере! а намъ треба допомагать іому у такому доброму дили. Для тихъ книжокъ и усякои старовины винъ муруе камяницу на пречудовному мисци... Зимою, якъ Богъ поможе, буду друковать другий томъ „Южнорусскихъ лѣтописей“. А чи знаете, який здоровенный збирныкъ думае друковать Опанасъ Василіовичъ Марковичъ у Кулишовій друкарни? Може тисячъ зъ двадцять!“. А въ маѣ 1858 года о сборникѣ Марковича Н. М—чъ писалъ уже другое—„Одъ п. Опанаса Васил. Марковича я маю принать до рукъ сборникъ пословиць тысячъ у пятнадцять, для видання. Якъ то справлюсь...“

Но послѣ того какъ Н. М—чъ осѣлся у себя въ хуторѣ, охота его къ разнымъ учено-литературнымъ начинаніямъ стала остывать... Сколько мы знаемъ, это охлажденіе происходило отъ двухъ причинъ. Получивъ въ это время, по дѣлежу съ братьями, свою часть земли, Н. М. занялся приведеніемъ ея въ порядокъ, при чемъ, отдавая дань стародавнимъ обычаямъ своей родины, спорилъ съ сонаслѣдниками за пустяки... Въ особенности съ однимъ изъ зятьевъ—у него доходило до повторенія въ лицахъ исторіи Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича... Другая причина была серьезнѣе. Начавъ пробовать себя въ занятіяхъ нѣкоторыми учено-литературными работами, Н. М—чъ увидѣлъ свою полную неподготовленность къ нимъ... Отсутствіе образованія сказывалось самолюбивому Н. М—чу на каждомъ шагу... Не зная что съ собой дѣлать, Н. М—чъ продолжалъ сидѣть въ своемъ хуторѣ, пока не обсѣлся въ немъ совсѣмъ... Впрочемъ, юношескія стремленія въ немъ не замерли. Продолжая интересоваться родною стариною, Н. М—чъ постоянно пополнялъ свою библіотеку книгами по исторіи и этнографіи Малороссіи. Но главное его вниманіе сосредоточено было на собираніи всевозможнаго матеріала по малорусскому фольклёру. Находясь въ постоянномъ общеніи съ народомъ, Н. М—чъ *всю жизнь свою*, затѣмъ, записывалъ (на отдѣльныхъ карточкахъ) пѣсни, слова, обычаи, техническія названія разныхъ ремеслъ и производствъ... Однимъ словомъ, онъ записывалъ *все* то, въ чемъ видѣлъ особенности быта своей родины

въ самомъ обширномъ смыслѣ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что Н. М—чъ хорошо зналъ малорусскій языкъ, былъ близокъ къ народу и отличался чрезвычайною точностью. При такихъ обстоятельствахъ онъ накопилъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для изученія народной жизни въ лѣвобережной Малороссіи. Въ настоящее время этотъ матеріалъ хранится у бездѣтной вдовы Н. М—ча, женщины понимающей его значеніе и цѣну, но—а затѣмъ то что?... Неужели суждено этому матеріалу погибнуть? Оставилъ Н. М—чъ и порядочную библіотечку, въ которой, кромѣ новѣйшихъ книгъ о Малороссіи, есть книги о послѣдней и латино-польскія XVII в., есть и старопечатныя брошюры черниговской и н.-сѣверской типографій, пріобрѣтенныя имъ изъ старѣйшей черниговской библіотеки, преимущественно мѣновымъ способомъ—за бутылки рому... Есть въ этой библіотечкѣ кое-какія и рукописи, но особенно важныхъ нѣтъ. Говоря о литературныхъ работахъ Н. М—ча, мы забыли упомянуть, что въ первые годы изданія „Кіевской Старины“ возбудилась было у него охота къ сотрудничеству въ ней, и онъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ двѣ статьи: одну, о Шевченкѣ—по воспоминаніямъ разныхъ лицъ, (1882 г., № 10), а другую—Отрывки и замѣтки о малорусской старинѣ (1884 г., № 5).

Въ заключеніе, два слова о личности Н. М—ча. Это былъ человѣкъ безусловной честности, но вслѣдствіе своей недовѣрчивости къ людямъ, малосообщительный. Поэтому, въ общественныхъ дѣлахъ Н. М—чъ почти не принималъ активнаго участія, хотя всегда интересовался ими. Вся сорокалѣтняя жизнь, спачала въ глухомъ хуторѣ, а потомъ въ глухомъ уѣздномъ городѣ (Борзнѣ), проведена была имъ преимущественно за книжными занятіями... Умеръ Н. М—чъ 11 іюня 1896 года, 63-хъ лѣтъ отъ роду (род. въ 1833 г.), и похороненъ на одномъ кладбищѣ съ другимъ борзенцемъ—Викт. Ник. Забѣлою.

Почтимъ же память человѣка, горячо любившаго родину и посильно ей служившаго до конца дней своихъ.

---

6. Василій Григорьевичъ Рубанъ.

Годъ съ небольшимъ назадъ минуло сто лѣтъ со дня смерти (24 сентября 1795 г.) В. Г. Рубана, издателя двухъ книжекъ, изъ которыхъ впервые могла познакомиться съ Малороссіей тогдашняя русская читающая публика.[1] Р—нъ родился 14 марта 1742 г., въ Бѣлгородѣ, но родомъ былъ, кажется, изъ настоящей полтавской губ, гдѣ, около Ромна, Рубаны жили еще и въ недавнее время. Окончивъ кіевскую дух. академію, Р—нъ отправился въ Петербургъ и здѣсь началъ прокладывать себѣ дорогу писаніемъ *одъ*, на которыя тогда была большая мода. Рожденіе, бракъ, смерть знатныхъ лицъ—требовали одъ. Уже въ 1767 г. была напечатана Р—номъ—«Ода на кончину графини В. А. Шереметевой». Въ слѣд. году является его ода «На день рожденія императрицы Екатерины II»; въ 1770 г. такая же ода—«Императрицѣ Екатеринѣ II на прививаніе оспы» и т. д. Вѣроятно, при помощи этихъ одъ Р—нъ уже въ 1774 г. дѣлается секретаремъ кн. Потемкина, при которомъ онъ затѣмъ состоялъ до его смерти. Въ это же время, кажется, онъ занималъ должность и переводчика военной коллегіи, президентомъ которой былъ Потемкинъ.

Въ к. 1775 г. прибылъ въ Петербургъ, рекомендованный Румянцовымъ императрицѣ, молодой Безбородко и занялъ видный постъ ея секретаря («у принятія челобитень»). Вѣроятно знакомый съ Рубаномъ еще на родинѣ, Безбородко, кажется, задумалъ воспользоваться литературными наклонностями земляка—для написанія «исторіи малороссійской». Въ августѣ 1776 г. секретарь императрицы просилъ отца прислать ему книгъ (т. е. рукописей) по исторіи Малороссіи, говоря что «сіи всѣ книги здѣсь тѣмъ нужнѣе, что *находятся люди, кои вознамѣрились издать исторію малороссійскую*». А въ слѣдующемъ году была напечатана Рубаномъ «Краткая лѣтопись Малыя Россіи» Посылая эту книгу отцу, Безбородко писалъ: «къ изданію сея книги *поострилъ я г. Рубана не одними совѣтами*, но и въ разсужденіи

[1] Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1777 годъ, съ изъявленіемъ настоящаго образа тамошняго правленія и проч. Издана Вас. Григ. Рубаномъ г. колл. ассес. и вольн. россійскаго собранія при императ. моск. универс. членомъ. Спб. 1777. Въ 16-ю д л. 242+LX стр. Землеописаніе Малыя Россіи, изъявляющее города, мѣстечки, рѣки и проч., изд. В. Г. Рубаномъ и проч. Спб. 1777. Въ 16-ю д. л. 118 стр. (Въ продажѣ, обыкновенно, обѣ книжки переплетены вмѣстѣ). Обѣ книжки посвящены гр. П. А. Румянцову.

различныхъ послѣднихъ временъ и самыми достовѣрными извѣстіями, отъ меня ему сообщенными. Сожалѣть только надобно, что онъ поспѣшилъ нѣсколько печатаніемъ предъидущихъ листковъ, въ которыхъ многія противу подлинности ошибки изъять, да и въ разсужденіи различныхъ нужныхъ умолчанныхъ обстоятельствъ, распространиться я не преминулъ бы. Малое сіе сочиненіе служитъ теперь къ намѣреваемому *нами* изданію полной малороссійской исторіи...[1]». Но намѣреніе Безбородка и Рубана не исполнилось; первому скоро стало некогда, а второй, видимо, самъ ничего не могъ сдѣлать. Но за то въ 1778 г. Рубанъ напечаталъ «Путешествіе ко святымъ мѣстамъ» знаменитаго своего земляка Василія Григоровича-Барскаго. Книга эта была издана на счетъ кн. Потемкина, который, повидимому, очень интересовался христіанскимъ востокомъ. Въ томъ же 1778 г. Рубаномъ былъ напечатанъ «Любопытный Мѣсяцословъ», изъ котораго мы узнаемъ, что въ это время его издатель былъ «правящимъ должность директора надъ новороссійскими училищами». Слѣдовательно, Потемкинъ считалъ Рубана настолько образованнымъ человѣкомъ, что поручилъ ему насажденіе училищъ въ зачинавшемся Новороссійскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній объ этой дѣятельности Рубана пока не обнародовано, если они сохраняются еще въ какомъ либо архивѣ. Такимъ образомъ, намъ извѣстна только литературная дѣятельность Р—на, выразившаяся въ изданіи нѣсколькихъ книгъ и въ напечатаніи множества одъ и дифирамбовъ, перечисленныхъ Сопиковымъ въ его каталогѣ. Послѣ изданія въ 1777 г. двухъ книжекъ о Малороссіи, Р—нъ болѣе къ ней не возвращался. Повидимому, къ Малороссіи Рубанъ обратился въ своихъ писаніяхъ только благодаря вліянію Безбородка; самъ онъ ею не интересовался. Умеръ Р—нъ въ Петербургѣ, какъ сказано, 24 сентября 1795 г.[2]).

---

7. Кому принадлежитъ редакція сборника малорусскихъ пословицъ, изд. въ 1864 г.?

Въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза — Ефрона, въ статьѣ объ Аф. В. Марковичѣ, г. Сумцова, между прочимъ напечатано: «Служа въ Немировѣ, М—чъ *приготовилъ для печати*

[1]) „Князь Безбородко“, Григоровича, I, 45—46.

[2]) См. Русск. Стар. 1896 г., ноябрь, стр. 467—471, гдѣ напечатаны письма архіеп. Георгія Конисскаго къ Рубану.

обширный и весьма цѣнный въ научномъ отношеніи сборникъ малорусскихъ пословицъ: «Украинскіе приказки», *изданный* Мих. Симоновымъ въ 1864 году, въ Петербургѣ, подъ псевдонимомъ Номиса... На авторство М—ча въ составленіи сборника указано въ галицкой газ. «Правда» и потомъ въ «Исторіи» Огоновскаго. А. Н. Пыпинъ въ «Исторіи русск. этнографіи» считаетъ главнымъ составителемъ Номиса, *но, повидимому, М—чу надо отдать предпочтеніе, такъ какъ онъ не только далъ много матеріала, но и планъ для изданія...»* Что говорится въ «Правдѣ»—мы не знаемъ, а у Огоновскаго дѣйствительно сказано, что М—чъ, находясь въ Немировѣ, «впорядкувавъ сборникъ приказокъ», который «выдавъ» Михайло (sic) Симоновъ.—Но что же говорится въ самой книгѣ, о которой идетъ рѣчь?—Заглавіе ея такое: «Украинськи приказки, прислiвья и таке инше. Збiрники О В. Марковича и другихъ. *Спорудивъ* М. Номисъ». Затѣмъ, книга имѣетъ обстоятельное предисловіе, въ которомъ Матвѣй Терентьевичъ Симоновъ (Номисъ), перечисливъ полученные имъ сборники (причемъ *главнымъ* называетъ сборникъ А. В. М—ча), *подробно излагаетъ свой редакторскій планъ изданія* и въ заключеніе проситъ «выбачить ему» за то, что не такъ *имъ* сдѣлано... По какому же основанію можно говорить, послѣ этого, что не М. Т. Симоновъ былъ «главнымъ составителемъ (т. е. редакторомъ) сборника» и что «Марковичу нужно отдать предпочтеніе, *такъ какъ онъ далъ планъ изданія*»?—Вѣдь не самозванно же М. Т. Симоновъ говоритъ въ предисловіи о *своей* редакторской работѣ, о *своемъ* планѣ изданія и *себя* называетъ редакторомъ («спорудивъ») сборника, а не издателемъ.. А если такъ, то значитъ «планъ для изданія» этого сборника принадлежитъ не Марковичу, а Симонову, при чемъ утверждать противное можно лишь въ томъ случаѣ, если *голословной* фразѣ галицкаго ученаго давать бóльшую вѣру, чѣмъ ясному и подробному предисловію самого редактора сборника.

Къ нашему возраженію противъ странной догадки г. Сумцова можно, пожалуй, добавить и то, что намъ *доподлинно* извѣстно, что М. Т. Симоновъ получилъ отъ Марковича не «сборникъ приготовленный для печати», а—ворохъ тетрадокъ, листковъ, кусочковъ бумаги, исписанныхъ наскоро и часто неразборчиво... Ни о какомъ «планѣ изданія» тутъ и рѣчи не могло быть [1])...

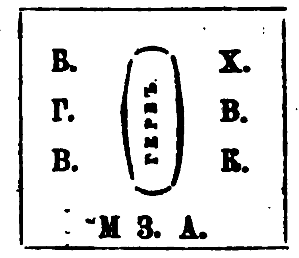
[1]) Марковичъ собирался было издавать свой сборникъ въ 1857 г., но уже въ 1858 г. предлагалъ его *для изданія* юному П. М. Бѣлозерскому... См. въ этой же книжкѣ стр. 24.

Но, разумѣется, и безъ этого свѣдѣнія нельзя было говорить, что не М. Т. Симонову принадлежитъ планъ изданія...

Страннымъ, однако жъ, должно показаться, здравствующему въ своемъ лубенскомъ уединеніи, М. Т. Симонову отрицаніе *очевиднаго* его «авторства въ составленіи» указаннаго сборника...

8. Чаша Богдана Хмельницкаго.

На кіевскомъ антикварномъ рынкѣ появилась *чаша Богдана Хмельницкаго*, представляющая собою серебряный сосудъ, формою и величиною почти такой же какъ тѣ чашки, которыя подаютъ къ самовару для мытья стакановъ. Принадлежность чаши Б. Хм—ому указываетъ де гербъ съ его инициалами, вырѣзанный около верхняго борта сосуда. Какъ гербъ, такъ и инициалы составляютъ *точную копію* герба и инициаловъ, имѣющихся на портретѣ Б. Хм—аго, гравированномъ Гондіусомъ въ 1651 г. Инициалы на этомъ портретѣ помѣщены такіе:

Тоже самое, до мелкихъ подробностей, видимъ мы и на чашѣ.

Въ принадлежности чаши Б. Хм—ому можно сомнѣваться, такъ какъ время рѣзьбы герба и инициаловъ едва ли можетъ относиться къ полов. XVII в. Судя по внѣшнимъ признакамъ этой рѣзьбы, она можетъ быть отнесена и къ к. XIX вѣка...

Окончательное рѣшеніе вопроса о подлинности надписи должно принадлежать, конечно, знатокамъ этого дѣла, причемъ всетаки находящійся на портретѣ Гондіуса—гербъ съ инициалами имѣть имъ въ виду имъ необходимо...

Просятъ за чашу, будто бы, три тысячи рублей.

Декабрь, 1896 г.

---

[1]) Очень хорошо сдѣланная копія гравюры Гондіуса имѣется въ извѣстномъ Сборникѣ портретовъ малорусс. дѣятелей, покойнаго Вепа.

Александръ Михайловичъ Марковичъ [1]).

(р. 1790†1865).

Говоря раньше („Очерки", II, 80) о старшемъ братѣ А. М. Марковича, Яковѣ Михайловичѣ, авторѣ „Записокъ о Малороссіи", мы сказали нѣсколько словъ объ отцѣ и дѣдѣ ихъ. Сказали мы тамъ, что изъ сыновей Михайла Яковлевича М—ча старшій Яковъ и младшій Александръ—съ раннихъ уже лѣтъ, вѣроятно, по наслѣдству отъ дѣда (автора извѣстнаго „Дневника"), обнаружили учено-литературныя наклонности. Теперь, приступая къ очерку жизни и дѣятельности Александра Михайловича М—ча, мы должны сказать, что авторство его мало извѣстно въ печатной литературѣ. Напечатана его *Записка о малорусскомъ дворянствѣ*, но и она появилась въ изданіи, извѣстномъ только спеціалистамъ. Позже, А. М. сталъ извѣстенъ, какъ издатель „Дневныхъ Записокъ" своего дѣда Якова М—ча. Встрѣчаются еще небольшія статьи А. М—ча въ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ журналахъ. Вотъ и вся литературно-печатная извѣстность А. М—ча. А между тѣмъ онъ писалъ много и началъ свое писательство въ возрастѣ еще юношескомъ. Первоначально писательство это выразилось въ его „Ежедневныхъ Запискахъ", которыя начинаются уже съ 1806 года; затѣмъ, явились литературныя работы и въ болѣе опредѣленной формѣ. Но всѣ эти работы А. М-ча остались въ рукописяхъ; видимо, что авторъ не думалъ о печатаніи, а писалъ для того только, чтобы перенести на бумагу результаты своего пытливаго ума по тому или другому вопросу. Поэтому, вѣроятно, большинство работъ А. М—ча остались неоконченными. Но ближайшее знакомство съ оригинальною и привлекательною личностью А. М—ча можно получить только изъ этихъ его литературныхъ работъ, почему въ настоящемъ очеркѣ мы и приводимъ болѣе или менѣе значительныя изъ нихъ выписки. Не сомнѣваемся, впрочемъ, что выписки изъ „Записокъ" А. М. представляютъ собою любопыт-

---

[1]) Одинъ изъ „прежнихъ писателей малорусской старины".

ный матеріалъ для исторіи культуры въ Малороссіи начала настоящаго вѣка.

I. Родители Александра Михайловича. Заботы матери. Пересначальное обученіе сначала въ семьѣ Кочубеевъ, а потомъ въ Харьковѣ. Служба у черниговскаго губернатора и отставка. Отрывки изъ „Записокъ“ А. М. Марковича и выраженные въ нихъ идеалы его.

Ал. М—чъ родился, какъ уже было сказано, въ 1790 г., а въ декабрѣ 1793 г. отецъ его заболѣлъ „параличемъ“ и „тринадцать лѣтъ лежалъ въ постели, лишенный употребленія языка, правой руки и правой ноги“. Все бремя заботы о дѣтяхъ и хозяйствѣ пало на мать, Настасью Петровну, которая и вела, со времени болѣзни мужа, дѣла семьи. Объ этой замѣчательной во многихъ отношеніяхъ женщинѣ въ дневникѣ младшаго ея сына читаемъ слѣдующее: „Сентября 20 (1824 г.) скончалась мать моя на 70-мъ году своей жизни. На третій день пріѣзда моего изъ Пбурга, 30 марта, въ ночи, получила она, какъ называютъ, повсемѣстной, несовершенной апоплексической ударъ, каковый возобновлялся въ теченіе болѣзни четыре раза, и четвертый прекратилъ ея жизнь. Сіе злосчастіе давно приготовляемо было ея слабостію, къ которой привели ее не столько лѣта, сколько великія и многія претерпѣнныя ею несчастья. Въ Малороссіи, въ обширномъ кругу ея знакомыхъ, когда хотѣли представить кого въ примѣръ великихъ несчастливцевъ, то всегда ее вспоминали. Начало бѣдствій сихъ началось параличемъ отца моего, который 13-ть лѣтъ лежалъ въ постели, лишенный употребленія языка, правой руки и правой ноги. Въ то время, когда мать моя возила больного, гдѣ только могла ожидать ему помощи и нигдѣ оной не находила, въ то время множество старыхъ важныхъ тяжебныхъ дѣлъ, оставшихся отцу моему частію по наслѣдству, не давали ей ни одного дня покою. Къ сему и восемь дѣтей не мало требовали ея попеченій. Въ теченіе 20-ти лѣтъ отъ начала болѣзни ея мужа, лишилась она: зятя своего Лизогуба, мужа старшей дочери [1]), самого достойнаго человѣка, на третій

[1]) Въ замѣткахъ о времени рожденія и смерти членовъ своей семьи,. у А. М—ча отмѣчено: „Дочь Мих. и Наст. (Марковичей) Анна род. 1775 г., въ супружество выдана за В. П. Лизогуба 1793 г., умре 1796 г., декабря 16; мужъ же умре 1796 г,. февр. 1. У нихъ дѣти: Евдокія, р. 1794, Петръ, р. 1795“.

годъ женитьбы его, потомъ—старшей дочери, которая умерла отъ скорби по мужѣ. Остались двое сиротъ, дочь и сынъ. Они воспитывались при ней. Дочь, прекрасная и любезная, вышла замужъ и умерла на пятый мѣсяцъ замужества; сынъ еще прежде за годъ взошелъ на небо... Еще при жизни мужа, горшей смерти, лишилась она старшаго сына 28 лѣтъ, самымъ несчастнымъ образомъ [1]). На него она полагала всю надежду свою. Въ преклонныхъ уже лѣтахъ потеряла она третью свою дочь Похвисневу, мать пяти малолѣтнихъ дочерей. Потомъ настигли важныя тяжебныя потери; по симъ тяжбамъ братъ мой и я должны были годы проживать въ Петербургѣ, угрожаемые совершеннымъ разстройствомъ нашего состоянія. Мать моя была добродѣтельна, благочестива, совершенно безкорыстна, благодѣтельна, не прихотлива. Въ продолженіе своей тягостной и продолжительной болѣзни она ни слова не изрекла, но часто очень повторяла: Господи, помилуй мя грѣшницу!"

Вотъ эта то мать и заботилась о воспитаніи Ал. М—ча. Первоначальное обученіе русской грамотѣ А. М. получилъ, конечно, дома, въ Сварковѣ, причемъ обученіе это могло происходить подъ ферулою какого нибудь мѣстнаго дьячка или домашняго слуги... Сосѣдъ и сверстникъ А. М—ча, Арк. В. Кочубей пишетъ въ своихъ Запискахъ: „русской грамотѣ училъ меня сперва камердинеръ отца Петръ Бѣлый, онъ же училъ меня играть на скрипкѣ. Потомъ я учился русскому языку у отставнаго морскаго офицера Македонскаго..." Такихъ же первоначальныхъ учителей могъ имѣть и А. М.—Дальнѣйшее обученіе А. М—ча происходило въ семьѣ В. В. Кочубея, тогдашняго глуховскаго „маршала", жившаго въ с. Ярославцѣ. Къ двумъ младшимъ сыновьямъ послѣдняго, дядя ихъ Викторъ П—чъ Кочубей (впослѣдствіи князь) въ 1799 г., прислалъ изъ Петербурга гувернеромъ аббата Фромана, который прожилъ въ Ярославцѣ три года (1799—1802). Одинъ изъ учениковъ этого Фромана, тотъ же Арк. В. Кочубей пишетъ въ своихъ „Запискахъ": „Во время пребыванія Фромана у насъ, въ Ярославцѣ, образовался какъ

[1]) Якова Михайловича.

бы институтъ; многіе изъ нашихъ родственниковъ и сосѣдей были очень обязаны моимъ родителямъ за возможность въ то трудное время дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ. Въ числѣ прочихъ дѣтей, воспитывавшихся вмѣстѣ съ нами, я люблю вспоминать объ Александрѣ Михайловичѣ Марковичѣ" [1]). Въ 1802 г. ярославецкій „институтъ" разстроился, такъ какъ молодыхъ Кочубеевъ увезли для дальнѣйшаго воспитанія въ Петербургъ. Везти въ Петербургъ и А. М—ча должно быть не было достаточно средствъ и его отвезли для продолженія ученія въ Харьковъ, въ тамошнее „главное казенное училище". Интересно, что въ самомъ нач. XIX в. старый центръ южнорусскаго просвѣщенія, Кіевъ, уступаетъ мѣсто только что возникавшему новому—Харькову. Въ Харьковъ, а не въ Кіевъ, стало отдавать малорусское дворянство своихъ дѣтей для обученія ихъ въ средней школѣ [2]). О харьковскомъ ученіи А. М—ча говорятъ сохранившіяся въ его бумагахъ два „свидѣтельства". Въ первомъ читаемъ: „По мѣрѣ возраста, понятія, прилежанія къ начальнымъ учебнымъ предметамъ и благонравнаго поведенія, дано сіе свидѣтельство Харьковскаго главнаго казеннаго училища ученику Александру Марковичу въ день публичнаго испытанія. Харьковъ, Іюля 1 дня, 1803 года. Директоръ Ѳеодоръ Кудринскій" [3]). Въ другомъ свидѣтельствѣ значится: „Бывшему у меня Черниговской губерніи, Глуховскаго повѣта, ученику Александру Михайловичу Марковичу въ томъ, что онъ находился въ домѣ моемъ, въ пансіонѣ, и ходилъ въ публичное училище, гдѣ онъ какъ отличнымъ и честнымъ благороднымъ своимъ поведеніемъ заслуживалъ отъ всѣхъ начальниковъ своихъ и отъ меня всегда особенное вниманіе и похвалу; *былъ всѣми любимъ* и служилъ своимъ товарищамъ хорошимъ примѣромъ въ благо-

---

[1]) Записки Аркадія Васильевича Кочубея. 1790—1873. Спб. 1890. 8 д. л., стр. 18.

[2]) См. другой примѣръ: образованный В. Гр. Полетика, желая помѣстить своего сына въ среднюю школу, обращается (въ 1810 г.) къ тогдашнему „попечителю" харьк. учебн. округа Тимковскому и проситъ его—указать лучшую въ Харьковѣ среднюю школу. Кіевск. Ст. 1893 г., апр., 153.

[3]) Текстъ „свидѣтельства" печатный. Главное нар. училище въ 1805 г. было переименовано въ гимназію, нынѣ называемую Первою Харьк. гимназіей.

нравіи. Въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, математикѣ, физикѣ, исторіи, географіи и другихъ наукахъ получилъ отличные успѣхи, въ чемъ ему сіе свидѣтельство по справедливости дано 1806 года, іюня 1 дня. Харьковской гимназіи нѣмецкаго языка учитель титулярный совѣтникъ Федоръ Олденборгеръ".— Упоминаемое въ этомъ свидѣтельствѣ „публичное училище" было, полагать нужно, тогдашняя гимназія. На этомъ училищѣ воспитаніе А. М—ча и окончилось, такъ какъ черезъ годъ послѣ этого онъ уже поступилъ на службу въ Черниговское губ. правленіе, какъ видно изъ слѣдующаго опредѣленія послѣдняго: „1807 г., іюля 15 дня. Черниговское губ. правленіе, слушавъ прошеніе дворянина А—ра М—ча Марковича къ здѣшнему гражданскому губернатору, а отъ него въ сіе правленіе къ опредѣленію переданное, что по окончаніи наукъ *въ училищѣ Харьковскомъ*, желаетъ онъ продолжать статскую службу, почему проситъ опредѣлить его къ дѣламъ здѣшняго гражданскаго губернатора... Приказали: помянутаго Марковича по желанію его опредѣлить къ дѣламъ губ. правленія съ оставленіемъ по части гражд. губернатора и, въ поощреніе къ ревностнѣйшему продолженію службы, дать званіе губернскаго регистратора..." О зачисленіи на службу А. М—ча просила тогдашняго черниговскаго губернатора бар. Френсдорфа мать его, какъ это видно изъ письма къ ней губернатора: „Имѣвъ честь получить почтенное письмо ваше о желаніи сына вашего вступить въ службу, пріятнымъ себѣ удовольствіемъ поставилъ оказать со стороны моей содѣйствіе къ удовлетворенію такова желанія его, и исполняя сіе, надѣюсь, что Ал. М—чъ въ продолженіи начатой службы окажетъ свое усердіе и ревность..." Поступилъ на службу А. М., повидимому, для того только, чтобы „числиться" и получить необходимые для дальнѣйшей службы начальные чины. Числился А. М. въ канцеляріи черниговскаго губернатора до февраля 1812 г., когда вышелъ въ отставку, заслуживъ чинъ коллежскаго регистратора. Въ выданномъ при этомъ А. М. „аттестатѣ", между прочимъ, значилось, что онъ „*по окончаніи имъ наукъ въ харьковскомъ университетѣ*, былъ опредѣленъ къ дѣламъ губернатора въ іюлѣ 1807 г." и проч. Видимо, что свѣдѣніе о харь-

ковскомъ университетѣ включено было въ исторію воспитанія А. М—ча произвольно [1]), но передѣлка харьковскаго „училища" въ университетъ указываетъ, что и въ чиновничьей средѣ ученіе въ университетѣ являлось желательнымъ отличіемъ... Хотя М—чъ въ университетѣ и не учился, но образованіемъ обладалъ солиднымъ. Степень этого образованія видна изъ сохранившихся въ его бумагахъ разнаго рода замѣтокъ, которыя въ тетрадкахъ озаглавлены такъ: „*Смѣси или Записки ежедневныя въ 1806, 1808, 1809 и 1810 годахъ. Черниговъ*". Эти „Смѣси" не заключаютъ въ себѣ, въ тѣсномъ смыслѣ, ни дневника, ни мемуаровъ, а представляютъ—отрывочныя размышленія или разсужденія по тому или другому вопросу, который встрѣтился ихъ автору—или при чтеніи книги или же изъ житейскаго случая.—Вотъ начало этихъ „Смѣсей".—„Иногда самая громкая похвала не такъ много скажетъ, какъ простая, искренняя. Я всегда любилъ читать Лафонтеновы басни и ту изъ нихъ, которая мнѣ нравилась, я замѣчалъ листочкомъ. Чрезъ двѣ недѣли я увидѣлъ, что почти всѣ басни были замѣчены. Нѣтъ другихъ басенъ столь пріятныхъ, какъ Лафонтеновы. Одинъ французскій литераторъ, *разговаривая со мною* о французской словесности, между прочимъ о Лафонтеновыхъ басняхъ сказалъ: Lafontaine a donné aux fables d'Esope un habit de dimanche (Лафонтенъ одѣлъ Езоповы басни въ праздничное платье)". Это была первая замѣтка М—ча, записанная имъ въ 1806 г. Вслѣдъ затѣмъ слѣдуетъ: „Я читалъ французскую книгу Recueil d'histoires etc. Выпишу изъ ней слѣдующія мысли Шамфора: „Въ семъ свѣтѣ болѣе глупыхъ, нежели мудрыхъ, и самой мудрой имѣетъ болѣе глупости, нежели благоразумія.—Перемѣна моды есть подать, которую налагаетъ бѣдной на хвастовство богатаго.—Слава состоитъ въ томъ, чтобъ насъ знали тѣ, которыхъ мы не знаемъ". Тутъ же, къ этимъ „запискамъ" М. иногда прибавляетъ и свои замѣчанія. Напр., „Берозъ говоритъ, что Вавилоняне назначали особливыхъ пять дней въ году, въ которые невольники заступали мѣсто господъ своихъ, имѣя право повелѣвать ими. *Надобно бы возобновить*

[1]) Харьковскій университетъ открытъ въ январѣ 1805 г.

этотъ древній обычай для нѣкоторыхъ нашихъ помѣщиковъ". Затѣмъ, въ 1808 г., М. записываетъ, повидимому, собственныя мысли.—„Князь N, смѣясь *съ одного* человѣка, сказалъ: il ne sait pas même parler français! Эти слова стоютъ быть записанными".—„Не должно взыскивать излишне строго съ подчиненныхъ за ихъ малѣйшіе проступки, а тѣмъ болѣе еще безпрестанно браниться и кричать на нихъ. Чрезъ это безпорядки ни мало не уменьшаются, ибо люди постепенно такъ привыкнутъ къ брани, что даже внимать тому не будутъ".—„Я часто жалѣю, почему я не жилъ во время Жанъ-Жака или почему онъ не живетъ теперь; съ какимъ бы восторгомъ посвятилъ я всѣ минуты моей жизни сему великому философу, съ какимъ бы удовольствіемъ служилъ ему и исполнялъ его желанія! Только всегда при воспоминаніи объ этомъ въ воображеніи безпокоюсь, что творецъ Елоизы не удостоилъ бы, можетъ быть, меня своею довѣренностью и дружбою" [1]). Эта замѣтка черезъ 12 лѣтъ послѣ ея написанія вызвала у М—ча другую, уже совершенно иного характера: „Время энтузіазма проходитъ. Прочитавъ сіи записки 1821 года (т. е. въ 1821 г.), я смѣялся сему. Теперь бы я ни за что не захотѣлъ не только быть слугою Жанъ-Жака, но даже ни его другомъ. Это былъ сумасбродъ краснорѣчивый, славный сочиненіями и безславный своимъ нравомъ, поступками и душею".

Слѣдующія „записки" сдѣланы въ 1809 г.—„Многіе господа говорятъ на людей своихъ: вотъ ихъ слушать!—въ такихъ разахъ, когда подлинно господинъ можетъ послушать своихъ слугъ".—„*Я намѣренъ былъ сочинить комедію*, въ которой я хотѣлъ представить мѣщанскіе обычаи и между прочимъ слѣдующее: двѣ женщины собираются итти на погребеніе (на похороны); одна спрашиваетъ у другой: какое надѣть ей платье?— та совѣтуетъ—штофное... Охъ, нѣтъ, матушка, пусть уже то остается на другой разъ, когда дождемъ погребать такую то (знатнѣе родомъ мѣщанку). Извѣстно, что они собираются на погребеніе, какъ на балъ".—„Губернаторъ С. У. (Слободско-

[1]) Къ этой замѣткѣ, записанной въ 1808 г., добавлено въ выноскѣ слѣдующее: „Примѣчаніе. 27 марта, 1809 Это написалъ я прежде, нежели начиталъ, что Руссо жалѣлъ, зачѣмъ онъ не могъ быть слугою у Фенелона".

украинскій?) былъ въ очень худомъ положеніи, даже близокъ къ потерѣ своего мѣста. Жена его, которая и теперь довольно хороша, поѣхала въ П-ъ и будучи отмѣнно растороплива, успѣла дурныя обстоятельства своего мужа исправить. Возвращаясь уже въ Х., она въ проѣздъ свой чрезъ Москву была приглашена въ одинъ домъ на обѣдъ, гдѣ былъ и г. N., прежде генералъ-прокуроръ. За столомъ гж. Б. (Бахтина?) съ удовольствіемъ разсказывала объ успѣхѣ, который получила по дѣламъ своимъ въ П—ѣ. Г. N., который имѣлъ какую-то досаду на мужа ея, началъ очень колко шутить нащотъ того, какъ молодыя прекрасныя женщины могутъ скоро успѣвать въ свою пользу. „Не всегда однако-жъ, м. государь", отвѣчала г-жа Б., „въ то время, какъ ваше в. пр-во были генералъ-прокуроромъ, я была и моложе, и красивѣе, но ничѣмъ этимъ не могла бы успѣть въ своемъ дѣлѣ, если бы не помогли десять тысячъ, которыя вамъ я подарила".

Засимъ обращаетъ на себя особое вниманіе слѣдующая запись *девятнадцатилѣтняго* М-ча. „Въ Малороссіи прошедшаго году (1809 г.) умеръ одинъ извѣстный человѣкъ, полковникъ Д. И. Ш. Имѣя 600 душъ, онъ завелъ театръ у себя въ домѣ, которой состоялъ изъ 200 актеровъ обоего пола, изъ собственныхъ его крестьянъ. Они играли хорошо, одѣвались богато, были воспитаны всѣ, особливо актрисы были ловки, знали искусства, играли, пѣли, говорили на иностранныхъ языкахъ. Что должно было бы ему это стоить? Сверхъ того онъ жилъ великолѣпно, у него бывали часто большія и блистательныя собранія... И не смотря на все это, онъ оставилъ послѣ своей смерти, сверхъ имѣнія, пильный заводъ въ 30000 р., выстроилъ прекрасные дома въ деревнѣ. Умирая же, отпустилъ на свободу около 200 душъ (т. е. актеровъ и актрисъ), подаривъ имъ всю наличность въ домѣ, стоющую до 20000 р. Должно ли сказывать, гдѣ онъ нашелъ ключъ къ богатству?... Многіе говорили и говорятъ о немъ съ удивленіемъ;—не спорю, что онъ имѣлъ большую расчотливость и большое искусство, но чтобы онъ сдѣлалъ великое дѣло—не могу сказать [1]), лишивъ родителей столь-

[1]) „Дѣйствіе, основанное прямо на добродѣтели, могу назвать только великимъ. Д. И. Ш. поправилъ нѣсколько свой поступокъ тѣмъ, что отпустилъ на волю актеровъ и актрисъ". Примѣч. Ал. М. М-ча.

кихъ дѣтей, развратцвъ болѣе ста дѣвокъ, разстроивъ и разоривъ нѣсколько благородныхъ домовъ,—подлинно есть предосудительное дѣло, но не хорошее".

Говоритъ здѣсь М-чъ о Дм. Ив. Шираѣ (адъютантѣ фельдмаршала кн. А. М. Голицына), который въ своей Спиридоновой Будѣ (новозыбковск. у.) устроилъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ такой театръ, что привлекъ къ себѣ вниманіе даже тогдашняго генер.-губернатора кн. Куракина [1]). Для насъ интересно заключеніе М-ча о Шираевомъ театрѣ... Предосудительнымъ и не хорошимъ дѣломъ называетъ эту помѣщичью забаву, а въ данномъ случаѣ едвали не аферу, *девятнадцатилѣтній* юноша, выросшій среди такихъ же „помѣщиковъ", какимъ былъ и Ширай... Любопытно сравнить съ отзывомъ М-ча о театрѣ Ширая отзывъ того же времени русскаго писателя (кн. Шаликова), посѣтившаго Спиридонову Буду въ 1803 г. и записавшаго въ свое „Путешествіе въ Малороссію" (I, 85) слѣдующую тираду о тамошнихъ актрисахъ: „въ заключеніе скажу, что помѣщикъ Буды *благотворитель*: всѣ сіи плѣняющія васъ существа, о которыхъ печется онъ, *какъ отецъ о дѣтяхъ*, извлечены имъ изъ ничтожества, тоесть изъ крестьянскаго состоянія.—Судите же, какое разстояніе между теперешнею участью ихъ и тою, которая ихъ ожидала"!...

Продолжаемъ выписки изъ тетрадки 1809 г.

„Г. Туманскій въ изданіи своемъ *Лѣкарство отъ скуки и заботъ* (1787) дѣлаетъ очень замысловатый прощальный комплиментъ своимъ читательницамъ: „Сколь часто желалъ я быть на мѣстѣ сихъ листочковъ, которые вы, любезнѣйшія читательницы, удостоивали своимъ вниманіемъ!" (№ 52, стр. 198). Какъ ни лестно должно быть это привѣтствіе для женщинъ, но все простительно будетъ, есть ли онѣ нѣсколько подосадуютъ на сочинителя за слѣдующія слова: *Дай, небо, чтобъ всѣ ваши любовники*, дабы васъ взбѣсить, *осуждены были на скромность*! (стр. 20) *Не многія изъ васъ, государыни мои, столько умѣрены, чтобъ дер-*

[1]) См. объ этомъ театрѣ въ Кіевск. Стар. 1893 г., февр., 256, гдѣ между прочимъ разсказано и о томъ,—какимъ образомъ Ширай извлекалъ доходы изъ своего театра.

жать одного любовника" (стр. 21). Но полно, мы боимся, чтобъ женщины, увлеченныя любопытствомъ, не заглянули какъ нибудь на 12, 13, 14 и 15 страницы сей книжки и чтобъ не захотѣли отмстить—Соломону, *отвращающему* очи не видѣти суеты".

„Я очень рѣдко плѣняюсь, какъ бы кто хорошо ни говорилъ пофранцузски, но за то отъ чего съ такимъ вниманіемъ слушаю, когда какая нибудь дѣвушка, напр. Т. или Б. говорятъ порусски, отъ чего разговоры ихъ такъ пріятны, отъ чего, говоря о самыхъ маловажныхъ вещахъ, онѣ плѣняютъ! Не отъ того ли, что онѣ не знаютъ по французски?—Я думаю... Когда слышу ихъ, то всегда доволенъ, что онѣ такъ... несчастливы [1]), что не разумѣютъ языка моды или, лучше сказать, вѣтренности".

„Въ городѣ Н. (Новозыбковѣ?) одинъ мѣщанинъ за маленькій кусокъ земли, не болѣе 10-ти аршинъ въ длину, получаетъ каждый годъ по 500 р... Какимъ образомъ? спросятъ съ торопливостью трудолюбивые хозяева.—Извольте, открою тайну! Въ смежности съ этимъ мѣстечкомъ находится кладбище раскольниковъ, всякій годъ мѣщанинъ принимается на своемъ 10-ти аршинномъ пространствѣ земли засѣвать табакъ и всякой годъ суевѣрные раскольники даютъ ему 500 р., чтобы не сѣялъ.—Предлагаю вамъ, государи мои, вѣрное средство обогатиться [2])".

Изъ „Записокъ" 1810 г. „Сегодня нечаянно я вздумалъ прочитать критику Макарова на книгу Шишкова „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка" и нашелъ, что самые критики ошибаются, напримѣръ: говоря *о худыхъ писателяхъ, которые, употребляя иностранныя слова, забываютъ границы, опредѣляемыя разсудкомъ и вкусомъ, заключаетъ: такихъ людей очень, очень много, по щастію никто не подражаетъ имъ!* Чтоже иное значатъ слова: *очень много,* какъ не то, что такимъ людямъ подражаютъ; въ противномъ случаѣ было бы ихъ *немного.* Далѣе, замѣчая нѣсколько грубыя слова сочинителя „Разсужденія" нащотъ писателя и означая должности критика, нару-

[1]) „Многіе почли бы нещастіемъ, если бы не знали по французски". (Примѣч. А. М. М—ча).

[2]) Ср. Опис. Ст. Малороссіи, I, 445.

шилъ самъ важнѣйшую—справедливость [1]); забылъ, что сочинитель „Разсужденія“ именно говоритъ не то, чтобъ питаться славянскимъ языкомъ, но утверждаетъ только, что оной есть единственный и вѣрнѣйшій источникъ, изъ коего мы почерпать можемъ истинное знаменованіе словъ, что конечно не оспоримо.—Макаровъ истощилъ въ сей книжкѣ всю свою ученость и не доказалъ ничего“.—„Господинъ У-цъ (Уманецъ?) есть странный человѣкъ, однако очень любезный. Вся жизнь его и поступки дали бы обильную матерію сочинителю написать романъ довольно пріятный. Въ самомъ цвѣтѣ своихъ лѣтъ, онъ женился на одной женщинѣ, бывшей любовницею у фельдмаршала N., отъ котораго она имѣла деньги и вещи хорошей цѣны и притомъ 1000 рублей ежегодной пенсіи. Я не знаю, кому тутъ болѣе изъ нихъ должно удивляться: господину ли У-цу, который женился на женщинѣ лѣтъ въ 50-тъ, или госпожѣ У-ой, которая въ такихъ лѣтахъ вышла замужъ по сердцу? Слѣдствіемъ этого соединенія было то, что господинъ У-цъ прожилъ почти все имѣніе своей супруги; однако къ чести его должно сказать, что онъ никогда съ нею дурно не обходится; очень уважаетъ, но только имѣетъ одну слабость, именно любитъ *волочиться.* Онъ всегда веселъ, здоровъ отмѣнно; жена его тоже не совсѣмъ печальна. Г. У-цъ человѣкъ совершенно простой, не терпитъ принужденій, къ губернатору ходитъ въ байковомъ сертукѣ; всегда охотно бываетъ въ дружескихъ собраніяхъ; любитъ пріятелей, женщинъ, музыку, а всего болѣе природу. Онъ жилъ верстахъ въ 10 отъ нашей деревни (Снаркова). Сестры мои, наслышавшись объ немъ, какъ о чудѣ, желали очень его видѣть, но сколько я ни упрашивалъ его, онъ ни какъ не пріѣзжалъ, все обѣщая однако-жъ; надобно сказать, что онъ былъ застѣнчивъ и не любилъ вновь знакомиться. Я расхвалилъ мѣстоположеніе нашей деревни, и въ самомъ дѣлѣ не лгалъ; ему всѣ о томъ столь много говорили, что г. У-цъ возымѣлъ большое желаніе быть въ деревнѣ С. и осмотрѣть всѣ мѣста. Чрезъ нѣсколько времени, кто то

---

[1]) „Доказательство тому видѣть можно на 181, 184, 187, 188, 197 страницахъ сочиненія его 1-го изд.“ Примѣч. М—ча.

по ошибкѣ сказалъ ему, что всѣ уѣхали изъ деревни нашей; онъ захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ и въ одинъ день одѣвается въ куртку, садится на бѣдную лошадь и ѣдетъ въ С. Взъѣзжаетъ на средину двора, останавливается и смотритъ на фасадъ нашего дому... Между тѣмъ сестры мои увидѣли его изъ окошекъ и удивлялись, что за человѣкъ, который около получаса смотритъ столь неподвижно на домъ; послали слугу спросить о томъ... Посудите о ужасѣ У-ца, когда узналъ онъ, что его обманули!... „Не говори, другъ мой, что я У-цъ"... отвѣчалъ онъ слугѣ и—давай Богъ ноги... Удивляясь странной такой новости и смѣшному одѣянію *неизвѣстнаго*, весь дворъ взволновался: музыканты, лакеи, всѣ толпой его преслѣдовали, говорили, смѣялись—и г. У-цъ, проклиная все на свѣтѣ, особливо медленность своей лошади, уѣхалъ изъ деревни С., неоглядаясь.—Я вспомнилъ еще другой случай, говоря объ немъ: въ городѣ N получили указъ о наборѣ рекрутъ; это подало поводъ говорить, какъ тяжело разлучаться доброму помѣщику съ добрыми крестьянами... „Я воображаю", говорилъ г. У-цъ, „плачъ матерей, сѣтованія родныхъ... О слава Богу, что я не имѣю крестьянъ!" вскричалъ онъ съ такимъ искреннимъ и трогательнымъ видомъ, который меня плѣнилъ [1]).

„Въ русскомъ переводѣ „Уединенныхъ прогулокъ" Ж. Ж. Руссо 1802 года, нахожу слѣдующія слова и выраженія: *худость*, *глубина рощи*, *общежительныя страсти и печальная ихъ свита*, *подорванная надежда* и проч. и проч."

„Господинъ Б. читалъ свои стихотворенія, довольно пріятныя, которыхъ однакожъ не печатаетъ; я замѣтилъ слѣдующій хорошій стихъ:

„Сѣдина—дружбѣ не помѣха".

Засимъ имѣется небольшая тетрадка (12 стр. 4 д.) съ надписью „Дневныя записки. 1811".—Вотъ отрывки изъ этой тетрадки.

---

[1]) Сбоку позднѣйшая приписка М-ча: „Старѣя, научаюсь. Г. У-цъ есть ничто иное, какъ старой и любезной проказникъ, который хочетъ одурить другихъ, но котораго философіи никто уже не вѣритъ".

„Ипполитъ Федоровичъ Богдановичъ, столь пріятный стихотворецъ и самыхъ добрыхъ качествъ человѣкъ, былъ очень страненъ въ обществѣ. Онъ до самой смерти влюблялся. Дѣвушка, которая ему нравилась, должна была слушать нѣсколько часовъ о расположеніи, какъ проводить будетъ онъ вмѣстѣ съ нею жизнь, о хижинѣ бѣдной, но счастливой любовью взаимной, о маленькомъ стадѣ, о ручейку и проч. Онъ былъ очень непостояненъ. Мнѣ разсказывали одинъ анекдотъ про него. Г-нъ Захаржевскій имѣлъ двухъ племянницъ, которымъ давалъ хорошее приданое; онъ предложилъ Богдановичу жениться на старшей. Предложеніе было принято; сдѣлали условіе, положили день свадьбы. Въ самый день вѣнчанія, поутру, Богдановичъ входитъ въ спальню къ Захаржевскому и говоритъ: „Вы равно, конечно, любите своихъ племянницъ.—Конечно, онѣ для меня обѣ любезны.—Слѣдовательно для васъ все равно будетъ,—женюсь ли я на старшей или на меньшой; отдайте за меня меньшую: она мнѣ болѣе нравится.—Захаржевскій такъ разсердился, что просилъ его выѣхать изъ дому“.

„Въ мое время два писателя сдѣлали ощутительную перемѣну въ слогѣ россійскаго языка и имѣли много подражателей. Первый—Карамзинъ, который, начитавшись много всякихъ иностранныхъ писателей, взялъ ихъ за образецъ для россійскаго слога; онъ ввелъ цѣлые составы рѣчи, многія слова, соображаясь съ иностранными языками, болѣе съ французскимъ. Многіе критиковали его и говорили, что онъ въ иныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій пишетъ или не понятно, или слишкомъ замысловато, или противъ свойствъ языка и проч. Не смотря на сіи погрѣшности, онъ всегда заслуживаетъ помѣщенъ быть въ числѣ лучшихъ нашихъ писателей... Другой сочинитель есть творецъ „Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ“, который доказалъ неблагоразумное употребленіе многихъ реченій съ иностранныхъ языковъ взятыхъ... Онъ увѣщевалъ насъ почерпать знаніе и красоты изъ языка славенскихъ книгъ, доказывая, что онъ есть единый къ сему источникъ. Мнѣ кажется, что одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ ему (противъ него?) было, что лучшіе писатели наши не принялись за сію новость: Ломоносовъ, Сума-

роковъ, Херасковъ, Державинъ, Богдановичъ, Капнистъ и многіе другіе—и безъ введенія сей странной новости, умѣли сдѣлать сочиненія свои прекрасными. Послѣ изданія сей книги сочинитель навлекъ себѣ много непріятелей, но за то сколько онъ пользы надѣлалъ: самые охотники до чужеязычія перестали употреблять многія выраженія нелѣпыя... Сказать правду, эта книга для всякаго, кто упражняется въ словесности, необходимо нужна. Я такъ уважаю сочинителя ея и его книгу, что еслибъ я имѣлъ Даріевъ драгоцѣнный ящикъ, то думаю, что спряталъ бы туда его сочиненія. Можетъ быть потому они для меня дороги, что я имъ очень много обязанъ“[1]).

„1812. Г-нъ Судьенко[2]), когда сдѣлался слабъ здоровьемъ, то искалъ мѣста завременно, гдѣ бы велѣть себя похоронить. Пріѣхавши къ графу Завадовскому (въ Лаличи?), своему знакомому, онъ просилъ его показать склепъ, гдѣ хоронили его фамилію, но вошедши туда, онъ очень скоро оттуда вышелъ, говоря: „о нѣтъ! здѣсь сыро, очень сыро!“

Послѣ замѣтокъ 1812 года слѣдуетъ семилѣтній перерывъ[3]) и затѣмъ имѣется нѣсколько замѣтокъ уже за 1819 г., особенно интересныхъ по нѣкоторымъ *признаніямъ* М—ча о себѣ самомъ, о своемъ характерѣ.

„Октября 31 (1819). Сегодня я читалъ XL № „Сына Отечества,“ въ коемъ помѣщена весьма важная статья: *Описаніе Гофвильскаго института для бѣдныхъ*. Я считаю, что сіе заведеніе лучше и дешевлѣе всѣхъ другихъ. *Я долженъ стараться сдѣлать въ своихъ деревняхъ что нибудь подобное.* Имя основателя Феленбергъ, а учитель сего института Верли. Имена почтенныя, которыя должно помнить болѣе именъ многихъ министровъ и профессоровъ“.

---

[1]) „Въ 1821. Все проходитъ. Такъ и мое почтеніе бывшее къ автору Разсужденія и къ сочиненіямъ его прошло нѣсколько“. Примѣч. А. М. М—ча.

[2]) Рѣчь идетъ, повидимому, объ Осипѣ Степановичѣ Судьенкѣ, который за частную службу у кн. Безбородка получилъ большіе чины. См. книгу Григоровича „Князь Безбородко“, I, 378, 481 и др.

[3]) А можетъ быть перерыва и не было, а лишь затерялись или уничтожились тетрадки за это время. Домъ А. М. М—ча въ Сварковѣ горѣлъ уже послѣ смерти его..

„Ноября 21. Я читалъ повѣсть—*Ожесточенный*. Шиллеръ зналъ сердце человѣческое. Чтеніе сей повѣсти возродило во мнѣ многія мысли. Увы! сколь легко сдѣлаться преступникомъ! Кажется, честолюбіе, любовь, ревность, страхъ, стыдъ, ярость—всѣ сіи страсти въ одну минуту честнаго человѣка могутъ сдѣлать злодѣемъ...“.

„Я заслуживаю осужденіе за свое малодушіе. Самое ничтожное происшествіе приводитъ меня иногда въ страхъ и причиняетъ мнѣ безпокойство. Мысль о могущемъ послѣдовать мнѣ несчастіи повергаетъ меня въ грусть. Правда, я много потерпѣлъ, много имѣлъ непріятностей, много разъ имѣлъ несчастіе оплакивать потерю своихъ родныхъ; но все это не можетъ оправдать меня. Не должно бояться ни судьбы,—а еще менѣе людей. Правда, что какъ судьба, такъ и люди часто намъ враждебны; но страхъ насъ отъ нихъ не защититъ... Не долженъ ли я вознестись передъ презрѣнными людьми, желающими сдѣлать вредъ ближнему своему, и показать имъ, что стрѣлы ихъ вотще пропадаютъ? И чего они могутъ меня лишить?... У меня сомнительная важная тяжба, я могу потерять имѣніе, но должно умѣть лишаться равнодушно того, что не составляетъ истиннаго блаженства. Со мною можетъ случиться несчастіе, но какое несчастье на свѣтѣ есть, котораго бы великодушіе и благоразуміе не могли снесть? Ко всему должно быть готову. Сегодня богатъ, завтра бѣденъ, сегодня веселъ, здоровъ, завтра печаленъ, сломалъ ногу или руку. Баронъ Френсдорфъ (бывшій черниговскій губернаторъ) всталъ поутру здоровъ и спокоенъ—входитъ человѣкъ, разсѣкаетъ ему голову саблею и даетъ ему 12 ранъ. Черезъ двѣ минуты онъ скончался. Всего можно ожидать и ничего не должно опасаться. Одно несчастіе только важно—для немногихъ, однакоже: потеря добраго имени. Но мудрый человѣкъ, видя несправедливыя сужденія людей, не огорчится, есть ли—лишаютъ его добраго имени невинно. Онъ утѣшится тѣмъ, что самъ собою доволенъ. Вотъ единственное счастье человѣка, прочное, неотъемлемое, находимое какъ въ обществѣ, такъ и въ нищетѣ, въ чертогахъ и въ тюрьмахъ, при здоровьи и въ болѣзни. Его должно опасаться лишиться,—всѣ прочія заботы

принадлежатъ малодушнымъ. Боже мой! Научи меня бояться одного Тебя и не бояться болѣе ничего!".

„27 ноября. Въ семъ году, февраля „ " числа, лишился я сестры своей Федосьи Михайловны Похвисневой, урожденной Марковичевой. Она оставила пять дочерей, изъ которыхъ старшей 7-й годъ. Потеря несказанная для мужа, дѣтей и насъ всѣхъ родныхъ ея... Она была добрая дочь, добрая жена, истинная христіанка, добрая госпожа. Она любила бы враговъ своихъ, еслибы ихъ имѣла. Какъ бы я счастливъ ни былъ, я никогда не буду счастливъ совершенно. Никогда душа моя не будетъ полна радости. Мнѣ всегда будетъ чего-то недоставать... Я потерялъ сестру-друга, болѣе,—я потерялъ часть самого себя".

Приведенныхъ отрывковъ изъ „Записокъ" М—ча достаточно, чтобы получить довольно полное представленіе о его личности въ молодые годы. Какъ видно, М—чъ много читалъ и много думалъ, при чемъ выборъ книгъ и тѣ мысли, которыя у него рождались при чтеніи, указываютъ, что это былъ человѣкъ, повидимому, не имѣвшій ничего общаго съ средою, въ которой онъ жилъ... Это былъ юный философъ, искавшій истины.. Уже одно появленіе такого человѣка среди полуобразованнаго малорусскаго общества начала настоящаго вѣка представляетъ любопытное явленіе... Въ М—чѣ мы видимъ исключительнаго человѣка, но тѣмъ не менѣе не могъ же онъ не вліять на ту среду, съ которою находился въ постоянномъ общеніи. Поэтому для насъ въ высшей степени интересенъ вопросъ:—куда М—чъ направлялъ свою умственную дѣятельность?

Приведенные отрывки изъ „Записокъ" М—ча указываютъ, что онъ уже и въ молодости, интересуясь общественною жизнью, старается осмыслять тѣ или другія ея явленія. Это направленіе остается у М—ча и въ послѣдующее время, при чемъ онъ строго слѣдилъ за собою, боясь поспѣшныхъ заключеній... Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ любопытный фактъ въ молодой литературной работѣ М—ча, въ его „Похвальномъ словѣ графу Румянцову-Задунайскому", сохранившемся въ рукописи. На послѣдней имѣется слѣдующая надпись: „начато сочиненіемъ 1811

года, переписано четыре раза до генваря 6-го 1813 г. Сіе же переписано въ 5-й разъ 1820 г., генваря 7“.

Это „Слово“, навѣянное, быть можетъ, чтеніемъ Карамзинскаго похвальнаго слова Екатеринѣ II, представляетъ собою одно лишь упражненіе въ „высокомъ слогѣ“ двадцатилѣтняго автора. Выпишемъ мѣста, относящіяся къ превознесенію заслугъ Румянцова по управленію Малороссіей, о которомъ авторъ похвальнаго слова долженъ былъ имѣть болѣе или менѣе близкія къ дѣйствительности свѣдѣнія... „Императрица, имѣя намѣреніе перемѣнить образъ управленія Малороссіи, искала мудраго чиновника, кому бы могла поручить исполненіе сего важнаго предпріятія. Она поручила сіе Румянцову и ввѣрила его управленію сей край. Вамъ извѣстно, граждане, что всякая перемѣна старыхъ обычаевъ, обрядовъ и установленій, хотя бы она была весьма благоразумна, влечетъ за собою недовольство большей части народа, потому что всегда мы жалѣемъ о томъ, чего лишаемся, мало есть мудрыхъ, которые могутъ провидѣть пользу отъ преобразованія; прочіе же, не разбирая ни пользы, ни вреда, только ропщутъ. Къ славѣ Румянцова довольно будетъ сказать, что скоро престали роптать недовольные, скоро увидѣли въ немъ мужа, коему благополучіе ввѣренныхъ ему жителей было первою заботою; увидѣли пресѣченными безпорядки, новыя мудрыя установленія, увидѣли и его попеченіе о доставленіи различныхъ выгодъ, прилѣжныя ходатайства у престола, справедливость и безпристрастіе въ судѣ, неусыпное трудолюбіе, снисхожденіе къ просящимъ, защиту угнетеннымъ“ и т. д. Затѣмъ авторъ подробно разсказываетъ военные подвиги Румянцова, его ссору съ Потемкинымъ и послѣдовавшее „удаленіе въ простую хижину“. Заканчивается „слово“ слѣдующей тирадой: „Уже 20 лѣтъ, какъ смерть похитила Румянцова, но его подвиги кажутся намъ, какъ будто вчера были... Рядъ столѣтій исчезнетъ во мракѣ вѣчности, но каждый истинный россіянинъ съ благоговѣніемъ приближется къ гробу его и, наклонясь своимъ челомъ, скажетъ:

Не только славный лишь войной,
Здѣсь скрытъ великій мужъ драгой“.

Похвальное слово Румянцову, написанное въ 1811 году, повидимому, очень занимало его автора, который пять разъ его переписывалъ (конечно, послѣ исправленій); въ послѣдній разъ „Слово“ снова переписано было въ январѣ 1820 г. Но ровно черезъ годъ послѣ этого, въ январѣ 1821 г., М—чъ, на тщательно переписанной своей работѣ, дѣлаетъ такую надпись: „Разсмотрѣвъ безпристрастно дѣла и свойства Румянцова и *справясь съ совѣстію*, я удостовѣрился, что Румянцовъ былъ искусный и великій полководецъ, но не великій человѣкъ, что онъ былъ завистливъ, гордъ, высокомѣренъ, любострастенъ, льстецъ, скупъ и корыстолюбивъ,—слѣдовательно, плѣнникъ страстей самыхъ низкихъ, слѣдовательно малый душею. Одинъ же великій человѣкъ заслуживаетъ похвальное слово. Не нужно мнѣ доказывать сихъ обвиненій, потому что я не говорю предъ публикою, для меня же одного довольно сердечнаго удостовѣренія. Надпись же сія сдѣлана для того, чтобы тотъ, кто по случаю, по смерти моей, найдетъ сію рукопись, не думалъ, что я навсегда остался въ заблужденіи или рабски хвалилъ человѣка, не заслуживавшаго того. 1821 г., генваря 13. С. Сварковъ. Александръ Марковичъ“.

Боясь *упрековъ совѣсти*, М., вмѣсто „похвальнаго слова“, произноситъ надъ своимъ героемъ строгій судъ и, быть можетъ, черезъ-чуръ строгій... Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ приговорѣ мы видимъ судью-идеалиста, которымъ М—чъ оставался, значитъ, еще и въ тридцать лѣтъ.

Годы возмужалости дали М—чу бо́льшій опытъ въ познаніи людей и ихъ дѣлъ, но оставили его тѣмъ же идеалистомъ, какимъ видимъ его и въ юности. Пошлость жизни, повидимому, не касалась его...—Полное міровоззрѣніе 30-тилѣтняго М—ча видимъ въ рукописномъ его отрывкѣ—*О благородствѣ чувствованій*, съ помѣтою: „7 октября 1820. Москва“. Тутъ мы читаемъ: „Благородство происхожденія требуетъ и благородства души. Мы не удивляемся, видя простолюдиновъ, нарушающихъ правила чести; но есть ли кому заслуги предковъ или собственныя—даровали отличное мѣсто въ обществѣ людей, есть ли такой человѣкъ сдѣлаетъ поступокъ противный благородству, тогда онъ

обращаетъ на себя общее негодованіе; тогда мы вспоминаемъ породу его или степень занимаемую имъ, для того только, чтобы изъявить большее къ нему презрѣніе. Безъ сомнѣнія, и простолюдины бываютъ благородны; нѣкоторые изъ нихъ, не зная, что такое честь или великодушіе, являли чувства, поступки, достойные величайшихъ людей. Тѣмъ болѣе должны быть таковыми тѣ, которыхъ слава предковъ, воспитаніе, примѣры хорошаго общества, чтеніе, бесѣда мудрыхъ и размышленіе могли научить распознавать добро и зло. Что только у первыхъ бываетъ случайностью, то должно быть всегдашнею принадлежностью послѣднихъ... Хотя нельзя спорить, чтобы въ особенности на людяхъ благороднаго происхожденія не лежала обязанность показывать въ чувствованіяхъ, словахъ и поступкахъ своихъ благородство духа, нѣкоторые однако же, есть ли же не говорятъ, то покрайней мѣрѣ думаютъ, что высокое званіе даетъ имъ право быть хуже другихъ и позволяетъ имъ то, что запрещено прочимъ состояніямъ. Какъ будто есть на свѣтѣ званіе, которое даетъ привилегію нарушать законы? Они, конечно, полагаютъ, что быть добродѣтельнымъ есть повинность того же класса людей, который обязанъ платить подати и обрабатывать землю. Сколь бы несчастливъ былъ родъ человѣческій, есть ли бы сіе мнѣніе было принято! Свѣтъ состоялъ бы только изъ злодѣевъ и жертвъ ихъ, и общество людей походило бы на общество звѣрей, въ которомъ одни слабые имѣютъ причину страшиться“...

„Неустрашимость составляетъ главное свойство благороднаго характера. Не одни воины являли неустрашимость, не въ сраженіи только потребна она, но и въ различныхъ обстоятельствахъ человѣческой жизни. Князь Долгорукій, который разорвалъ указъ Петра I, полковникъ Полуботко, который спокойствію и изобилію предпочелъ темницу, защищая права своего отечества; Енгельгартъ, котораго ужасъ казни не принудилъ нарушить присяги государю, конечно, были герои“...

„Сколько есть людей, которые все благородство, какъ и всю славу, полагаютъ въ томъ, что имѣютъ хорошаго повара, знакомство съ случайными или съ любимцами ихъ, абонирован-

ное кресло въ первомъ ряду и тому подобное! Правда, что сія слава погребается въ одномъ гробѣ съ ними, но число искателей ея не уменьшается"...

Всѣ эти раздумья являлись у М—ча, конечно, послѣдствіемъ чтенія, когда та или другая родившаяся мысль требовала по его характеру—воплощенія на бумагѣ.—Любовь къ чтенію и пытливый умъ М—ча отъ общаго знакомства съ тогдашней обиходной литературой—обратились и къ литературѣ, касавшейся родины. Фоліанты дѣдовскаго „Дневника", находившагося въ обладаніи М—ча, и небольшая книжка, полная теплаго интереса къ Малороссіи, написанная безвременно погибшимъ братомъ его, должны были привлечь къ былымъ судьбамъ родины и вниманіе М—ча. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ, какъ видимъ изъ слѣдующаго.

II. Интересъ къ прошлому своей родины.—Чтеніе дѣдовскаго дневника.—Отзывъ о водевилѣ „Козакъ-стихотворецъ".—Изданіе бумагъ изъ семейнаго архива. Отрывки изъ „Описанія Малороссіи".—„Малороссійская свадьба".—Выборная служба.—„Записка о дворянскомъ сословіи Черниговской губерніи".—Представленіе объ уничтоженіи „маршалковско-коммисарскаго суда".

Кругъ чтенія М—ча не ограничивался одною тогдашнею печатною литературою. Довольно рано онъ началъ интересоваться доставшимися ему въ наслѣдство фоліантами дѣдовскаго дневника, впослѣдствіи имъ изданнаго. Дневникъ дѣда М—чъ началъ читать со второго десятилѣтія настоящаго столѣтія, причемъ чтеніе это происходило систематически. Это мы видимъ хотя бы изъ того тома дневника, въ которомъ описаны годы 1731—1736 [1]). На этой рукописи имѣется замѣтка М—ча: „началъ читать 1 іюля 1819. Окончилъ читать 19 августа 1819". Систематическое чтеніе М—чемъ рукописи видно изъ непрерывнаго ряда его замѣтокъ, написанныхъ чернилами сбоку листовъ. Замѣтки заключаютъ въ себѣ сокращенныя свѣдѣнія о томъ или другомъ упоминаемомъ въ дневникѣ фактѣ, служа такимъ

[1]) Рукопись въ листъ, 271 полулистовъ мелкаго письма. Весь Дневникъ Якова М—ча состоитъ изъ десяти томовъ.

образомъ указателемъ содержанія. Во всякомъ случаѣ, изъ отмѣтокъ о времени чтенія дѣдовскаго дневника мы видимъ, что къ тридцатилѣтнему своему возрасту М—чъ хорошо былъ съ нимъ знакомъ, а слѣдовательно хорошо былъ знакомъ и съ бытомъ своей родины въ XVIII в. Эта область историческаго знанія была почти невѣдома тогдашнимъ историкамъ Малороссіи (Бант.-Каменскому, Мартосу...), такъ какъ ничего подобнаго дневнику Якова М—ча въ тогдашней печатной литературѣ не было, да и впослѣдствіи явилось не скоро.—Изъ чтенія дѣдовскаго дневника М—чъ обязательно знакомился со всѣмъ частнымъ и общественнымъ строемъ жизни своихъ предковъ и мало по малу становился такимъ знатокомъ бытовой исторіи Малороссіи, какихъ тогда положительно не могло и быть. Къ этому нужно добавить, что М—чъ хорошо зналъ и обыденную жизнь современной ему Малороссіи. Историко-этнографическія особенности послѣдней ему до мелочей были знакомы. Въ этомъ отношеніи очень любопытно то впечатлѣніе М—ча, которое онъ вынесъ, впервые увидѣвъ на столичной сценѣ извѣстный водевиль кн. Шаховскаго „Козакъ-стихотворецъ". Замѣтивъ въ водевилѣ бросавшіяся въ глаза отступленія отъ условій мѣстной жизни, М—чъ немедленно хотѣлъ указать публикѣ бытовыя несообразности, которыми авторъ наполнилъ свое произведеніе, и съ этою цѣлью замѣчанія свои изложилъ въ письменной формѣ, вѣроятно, разсчитывая „письмо" это напечатать въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ. Однако-жъ оно осталось ненапечатаннымъ, и мы приводимъ его здѣсь, въ видѣ отзыва тогдашняго знатока о тѣхъ несообразностяхъ, которыя введены въ водевиль, въ видѣ мѣстныхъ особенностей.—„М. г.! Я пріѣхалъ недавно въ Москву по надобности и въ первый разъ навѣку своемъ попалъ въ большой городъ. Вы можете себѣ представить, съ какимъ любопытствомъ разсматривалъ я здѣсь все то, что для меня было ново. Между прочимъ театръ наиболѣе обратилъ мое вниманіе. Но что почувствовалъ я, когда въ объявленіи 15 сентября, между дѣйствующими лицами, увидѣлъ я повѣтоваго писаря, *ибо я самъ земскій писарь* одного изъ повѣтовыхъ (уѣздныхъ) судовъ Малороссійской Полтавской губерніи

Бѣгу въ контору, беру билетъ, въ мѣста за креслами, и объявленіе (афишу?), и возвращаюсь домой. Я ожидалъ, признаюсь, съ нетерпѣніемъ назначеннаго времени, чтобы видѣть какимъ образомъ будутъ представлять меня. Разбирая однако же объявленіе, я не понималъ, почему повѣтовый писарь названъ въ ономъ Грицкомъ, тогда какъ *у насъ* всякого повѣтоваго писаря называютъ по имени и отчеству, какъ дворянина и чиновника, служащаго по выборамъ дворянства. Сіе недоумѣніе еще болѣе возбуждало мое любопытство. Наконецъ я въ театрѣ. Пріятная музыка напоминаетъ мнѣ *родимую сторону*. Поднимается занавѣсъ. Являются Маруся, князь и деньщикъ его; но мнѣ не они были надобны; мнѣ нуженъ былъ повѣтовый писарь... Каково было мое изумленіе, когда вмѣсто повѣтоваго писаря выглянула въ окошко отвратительная фигура въ бѣлой рубашкѣ, а потомъ та же самая фигура появилась въ красныхъ сапогахъ и въ красномъ платьѣ, съ чуприною, коверкаясь какъ обезьяна и кланяясь униженно мужику Прудіусу. Видно сочинитель не заглядывалъ въ *статутъ*, не знаетъ, что повѣтовый писарь всегда избирался изъ дворянъ и чиновниковъ, что должность его была совсѣмъ другая, а не та, какую возложилъ на него сочинитель комедій. Полно!—это значитъ много требовать. Зналъ ли г. сочинитель что есть повѣтъ?... Были ли и тысяцкіи въ Малороссіи, объ этомъ я не спорю, ибо *не знаю*, только безъ справки не повѣрю г. сочинителю, потому что мнѣ кажется по всему, что Малороссія для автора лежитъ въ тридевятой землѣ, въ тридесятомъ царствѣ. Но покорнѣйше васъ, м. г., прошу позволить мнѣ для чести своей сообщить всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что ни одинъ повѣтовый писарь во всей Малороссіи не похожъ на Грицка, и никогда не былъ похожъ, и что поступки ихъ никакъ не могутъ быть сходны съ поступками сего чудовищнаго Грицка. Правда, что въ этой комедіи все само па себя не похоже, но до того нѣтъ мнѣ дѣла"...

Въ этомъ письмѣ мы видимъ протестъ малоросса противъ извращенія чертъ его общественнаго быта въ литературѣ. Послѣдняя, какъ видно, не затруднялась изображать секретаря уѣзднаго суда 20-хъ годовъ—„въ красномъ платьѣ и красныхъ са-

погахъ", предполагая, что „повѣтовые писари" это—какой-нибудь остатокъ козаччины, въ одеждѣ которыхъ поэтому красный цвѣтъ долженъ преобладать. Появленіе „чудовищнаго Грицка" на сценѣ вызывало, конечно, полное удовольствіе зрителей... Но такое извращеніе особенностей мѣстнаго быта у М—ча вызвало протестъ, вѣроятно, единственный между тогдашними зрителями...

За симъ обращаемся къ перечисленію и пересмотру учено-литературныхъ работъ М—ча, касавшихся Малороссіи.

Изданіе бумагъ семейнаго архива. Въ Украинск. журн. 1824 г., въ 2-хъ книжкахъ, (№ 19—20, стр. 43—55, и № 21, стр. 128—136) подъ заголовкомъ „*Малороссійская старина*", напечатано девять документовъ, съ поясненіемъ, что они представляютъ „копіи съ подлинныхъ бумагъ". Сдѣланныя къ „Старинѣ" примѣчанія подписаны буквою *М*, подъ которою несомнѣнно слѣдуетъ разумѣть А. М. М—ча, такъ какъ напечатанныя бумаги, видимо, взяты были изъ Сварковскаго архива, обладателемъ котораго въ это время былъ онъ, А. М. М—чъ. Напечатанныя бумаги касались бытовой исторіи Малороссіи. Начитавшись дѣдовскаго дневника, М—чъ понималъ цѣну подобныхъ бумагъ, какъ объяснительныхъ документовъ по исторіи народной жизни Малороссіи. Появленіе „Малороссійской старины" было, во всякомъ случаѣ, первымъ опытомъ обнародованія бумагъ семейнаго архива, при чемъ очень интересенъ и выборъ ихъ: это не жалованныя грамоты и не универсалы, которыми любили хвалиться потомки козацкой старшины, а документы историческіе, поясняющіе общественный и частный бытъ этой старшины. По рѣдкости Укр. ж—ла перечисляемъ эти бумаги. 1. Универсалъ Ю. Хмельницкаго, 1661 г., какому то „Омельянові Цвѣчевскому, который презъ лѣтъ двадцать въ неволѣ былъ турецкой", на грунта, отошедшіе, во время его плѣна, въ чужое владѣніе. 2. Универсалъ Мазепы 1704 г., объ уплатѣ въ „войсковой скарбъ" „арендовой раты", съ объясненіемъ, что „скарбецъ войсковый велми есть истощалій черезъ уставичные и значнедѣючіеся росходы". 3. Универсалъ Скоропадскаго, 1720 г., съ приказомъ козакамъ м. Веремѣ-

евки, чтобы они „не заглядаючися на власть п. Галагана, полковника прилуцкого, и не страхаючися его похвалокъ, нашихъ, гетманскихъ, указовъ слухали"... 4. Универсалъ того же гетмана, 1710 г., „Татьянѣ Васильевой Кулябковнѣ" съ подтвержденіемъ на хуторъ „ведлѣ села Бурумлѣ". 5. Письмо гетм. Скоропадскаго къ полковнику лубенскому Марковичу [1]) о переписи купцовъ луб. полка, „гендлюючихъ" съ Шліонскомъ, Гданскомъ и Кролевцомъ (Кенисбергомъ), „пенкою, смалчугою, саломъ, воскомъ" и проч., съ тѣмъ, чтобы эти товары впредь—„до пристаней на Балтійскомъ морѣ найдуючихся провадили", подъ страхомъ смертной казни. 6. Письмо гетм. Скоропадскаго къ зятю Марковичу, 1712 г., съ извѣстіемъ о смерти тестя. 7. Письмо луб. полк. писаря Степана Савицкаго къ Якову М—чу, изъ Спб., 1718 г. и 8. Письмо луб. полковника Петра Апостола къ тому же Якову М—чу, 1743 г. Особенно интересны три послѣднія письма. Въ письмѣ къ Андрею Марковичу о смерти тестя, Скоропадскій, выражая свое сожалѣніе, что не могъ быть „при концу житія" его, добавляетъ, что „особливе Настуся (гетманша) на серцу доживотне поносити муситъ, же и остатнего въ живыхъ устъ пана (умершаго) благословенія родителского не получила и до отданя винной, по должности своей, услуги на похорованіе (*sic*) змерлого тѣла прибути не можетъ"... Содержаніе письма Петра Апостола указываетъ, что это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ средѣ малорусской старшины пол. XVIII в. [2]). Подобныхъ писемъ и по настоящее время извѣстно, въ печати, не болѣе двухъ-трехъ. Выборъ напечатанныхъ М—чемъ бумагъ изъ семейнаго архива—едва-ли можно назвать случайнымъ; скорѣе можно допустить, что, познакомившись съ частнымъ бытомъ малорусскаго общества по дѣдовскому дневнику, М—чъ сознательно выбиралъ такіе документы, которые могли служить дополненіемъ къ недоговоренному въ дневникѣ. М—чу принадлежитъ заслуга начинателя въ обнародованіи документовъ изъ частныхъ архивовъ, заслуга тѣмъ бо-

[1]) Письмо означено 1709 г., но это ошибка, т. к. Андр. М—чъ сталъ луб. полковникомъ только въ 1714 г.

[2]) Письмо Апостола перепечатано нами въ Русск. Арх. 1875 г., I, 94.

ліе значительная, что послѣ этого начинанія еще очень долго пришлось ждать, пока семейные архивы были тронуты.

Описаніе Малороссіи. Въ бумагахъ М—ча сохранилось лишь нѣсколько листовъ, указывающихъ, что онъ предполагалъ заняться „описаніемъ Малороссіи". Судя по синей бумагѣ и почерку М—ча, это начинаніе относится къ двадцатымъ годамъ. Сохранились слѣдующіе отрывки, не безъинтересные для исторіи авторства М—ча въ изученіи Малороссіи. а) *Статистическія замѣчанія о Малороссіи.* „Надобно удивляться размноженію жителей въ Малороссіи. Въ теченіи 150 лѣтъ безпрестанно выходятъ изъ нея поселенцы. Слободско-украинская губернія, часть Воронежской, Земля Донскихъ козаковъ, часть Курской губерніи, Новороссійскій край,—всѣ эти мѣста населены малороссіянами, и между тѣмъ въ самой Малороссіи не замѣтно ни мало уменьшенія народонаселенія. Къ сему умноженію народа, конечно, способствуетъ здоровой климатъ, не курныя избы, но опрятныя, необремененіе работами во время вольнаго перехода, не странническая (?) жизнь поселянъ и лучшая пища, бо̀льшее попеченіе о дѣтяхъ и проч.—Климатъ въ степной Малороссіи отмѣнно здоровъ. Вечера лѣтніе восхитительные. Люди и животныя вообще тамъ крупнѣе, нежели въ лѣсной части. Деревянныя строенія тоже отмѣнно долго сохраняются въ цѣлости". б) *О наружномъ видѣ страны.* „Дорога отъ Глухова, пограничнаго города отъ Курской губерніи, на Роменъ: какъ скоро вы переѣзжаете Сеймъ, страна похожа дѣлается на степь, хотя несовершенно; иногда выходятъ пространства, покрытыя лѣсами. Дорога отъ мѣст. Хмѣлова до Ромна гориста, но прелестна. Лѣса похожи на сады, и виды прекрасны. Роменъ стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ и имѣетъ прелестные виды. Вообще города на Сулѣ: Ромны, Лубны—имѣютъ мѣстоположенія картинныя. За Ромнами проѣзжаешь нѣсколько малозначущихъ городовъ: Лохвицу, Пирятинъ. Тутъ видите вы сіи необозримыя степи, которыя не полагаютъ препонъ ни глазу, ни летучимъ мыслямъ. Мы такъ привыкли видѣть землю воздѣланную, что видъ сихъ тучныхъ пажитей, остающихся въ теченіи вѣковъ въ первобытной своей природѣ, возбуждаетъ въ насъ новыя

мысли. Воображаешь и теперь видѣть сихъ народовъ блуждающихъ, для коихъ сіи степи были домами. Есть еще отдаленныя степи, гдѣ и теперь находятся стада дикихъ коней. Зимою въ новыхъ (?) степяхъ скотъ кормится въ полѣ"... в) *Умственныя способности, смышленность, остроуміе, языкъ малороссіянъ.* „Анекдоты, разказываемые на щетъ простодушія малороссіянъ, сочинены ими самими. Они очень любятъ забавляться сами надъ собою, и русскіе не могли бы такъ искустно оныхъ составить. Сіи анекдоты гораздо предосудительнѣе для великороссіянъ, ибо они всегда представляются въ оныхъ обманщиками. Въ языкѣ ихъ (малороссіянъ) есть множество особенныхъ выраженій, напр., никчемный, нисчимный.—Многіе изъ простыхъ мужиковъ, не будучи грамотны, знаютъ въ какой недѣльный день будутъ подвижные праздники чрезъ цѣлый годъ, когда настанетъ мѣсяцъ; но только грамотные изъ нихъ знаютъ щотъ времени по мѣсяцамъ; прочіе всегда щитаютъ по числу недѣль отъ свѣтлаго праздника или отъ рождества Христова. Если свѣтлый праздникъ бываетъ поздно, они говорятъ, что лѣто будетъ коротко"... г) *Нравы, обычаи и проч. Малороссіи.*—„Когда отецъ или мать приближаются къ кончинѣ, то окружающіе смертный одръ не спятъ ночи и стараются вывести изъ комнаты дѣтей умирающихъ, утверждая, что умирающіе гораздо тяжелѣе умираютъ, если въ одной комнатѣ съ ними находятся ихъ дѣти. Мысль прекрасная!"

„Въ лѣтнее время большія дороги въ Малороссіи покрыты пѣшешествующими молельщиками, которые идутъ къ св. Афанасію, въ Лубны, или въ Кіевъ. Часто нѣкоторые изъ нихъ, изнуренные путемъ и постомъ, находятъ на сихъ путяхъ свои могилы. Сопутствующіе погребаютъ ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ покойный скончался, и, иногда, посреди дороги вы увидите свѣжую могилу и огромную палку вмѣсто креста. Въ русскомъ народѣ ведется суевѣрное мнѣніе, что въ молодости содѣянные грѣхи можно очистить путешествіями ко святымъ въ старости..."

Приведенными замѣтками только и ограничилось начинаніе М—ча относительно описанія Малороссіи. Повидимому, у него не было ни плана, ни матеріала для такой большой работы.

Можетъ быть, въ это время М—чъ началъ другую работу, посвященную изученію бытовой стороны своей родины, озаглавленную „Малороссійская свадьба". Здѣсь, какъ видно, М—чъ хотѣлъ представить въ разсказной формѣ бытъ малороссійскихъ пановъ втор. полов. XVIII в. Работа эта также не окончена, но изъ написанныхъ 4-хъ главъ видно, что она есть результатъ внимательнаго чтенія дѣдовскаго дневника, причемъ авторъ пользовался и живымъ преданіемъ о томъ—какъ жили и чѣмъ интересовались его предки. „Малороссійская свадьба" хотя и не кончена, но по бытовымъ своимъ подробностямъ, нынѣ исчезнувшимъ, сохраняетъ значеніе историческаго мемуара и заслуживаетъ изданія, тѣмъ болѣе, что тутъ же М—чъ высказываетъ и личный взглядъ на исторію своей родины.

Рядомъ съ литературною дѣятельностью, съ 1820 г. началъ М—чъ и дѣятельность общественную, которая, при его деревенской жизни, выразилась службою по выборамъ. Въ октябрѣ 1820 г. М—чъ былъ выбранъ глуховскимъ повѣтовымъ (т. е. уѣзднымъ) судьею, но черезъ годъ и оставилъ эту службу. Затѣмъ, въ 1826 г., М—чъ былъ выбранъ глуховскимъ предводителемъ дворянства [1]), но на этой должности оставался всего

[1]) Вѣроятно, къ этому времени относятся двѣ рѣчи М—ча, найденныя въ его бумагахъ, одна—сказанная (?) въ повѣтовомъ судѣ, а другая - въ „нижнемъ", т. е. въ томъ учрежденіи, которое до 60-хъ годовъ представляло собою теперешнее полицейское управленіе. Приводимъ отрывки изъ обѣихъ рѣчей. Въ повѣтовомъ судѣ М—чъ говоритъ: „М.м. г.г.! Когда помыслю я, что вы, м.м. г.г., занявъ сіи мѣста, приняли на себя обязанность давать судъ, защищать обиженныхъ, вдовъ, сиротъ, сберегать ихъ имущества, быть посредниками въ различныхъ сдѣлкахъ между людьми всѣхъ состояній; когда помыслю, что многотрудное служеніе ваше не только не сопряжено съ выгодами, соотвѣтственными оному, но еще отвлекаетъ васъ отъ семействъ и домовъ вашихъ... то не могу не изъявить предъ вами искреннихъ моихъ привѣтствій и поздравленій съ избраніемъ васъ въ званіе столь великаго почтенія достойное" и проч. Въ рѣчи, обращенной къ исправнику, его помощнику („непремѣнному члену") и становымъ приставамъ, читаемъ слѣдующее: „М.м. г.г.! привѣтствую васъ съ началомъ служенія, на кое избрали вы довѣріемъ и уваженіемъ согражданъ своихъ. Свою и не только свою, но и другихъ состояній безопасность и охраненіе поручило вамъ благородное дворянство. Вы избраны быть защитниками угнетенныхъ, блюстителями порядка и добрыхъ нравовъ; вамъ поручено сохраненіе народнаго здравія, попеченіе о его (народа?) имуществѣ,

одинъ годъ, такъ какъ въ 1827 г. онъ былъ выбранъ генеральнымъ судьею. Извѣстно, что по указу императора Павла I, (30 ноября 1796 г.) открытыя въ 1782 г. намѣстничества были упразднены, а взамѣнъ ихъ образована была, сначала, одна—Малороссійская губернія, а позже (1802 г.) двѣ: Черниговская и Полтавская. Тогда же было возобновлено и „прежнее судопроизводство"; открытъ былъ и генеральный судъ съ двумя департаментами, въ которыхъ предсѣдательствовали генеральные судьи. Однимъ изъ такихъ судей былъ избранъ и М—чъ. Прослуживъ до конца трехлѣтія въ 1829 г., (М—чъ занялъ должность генер. судьи во второй годъ трехлѣтія, вѣроятно, изъ кандидатовъ), М—чъ былъ выбранъ генер. судьею и на слѣдующее трехлѣтіе, но черезъ полгода, весною 1830 г., подалъ прошеніе объ отставкѣ. Генералъ-губернаторомъ въ то время былъ князь Репнинъ. Получивъ просьбу М—ча объ отставкѣ, онъ отвѣчалъ: „желая сколько нибудь содѣйствовать вамъ къ увольненію васъ отъ должности генер. судьи, я отзывался къ Григорію Степановичу Тарновскому, состоящему по васъ кандидатомъ, о вступленіи въ оную, но получилъ отъ него прошеніе, коимъ онъ проситъ, по состоянію его почетн. смотрителемъ Борзенскаго повѣтоваго училища, увольненія отъ занятія упомянутой должности... (Посему) я обязанъ буду собрать дворянство для избранія кандидатовъ на генер. судью и потомъ о утвержденіи одного изъ нихъ представить государю императору. Но съ симъ вмѣстѣ обнаружится, что вы оставили занимаемую должность и уѣхали изъ губернскаго города, не получивъ на то отъ меня дозволенія,

---

поощреніе къ земледѣлію и трудолюбію, прекращеніе насилій, истребленіе нищеты и праздности. Въ васъ найдутъ защитниковъ *бѣдные поселяне*, въ васъ обрящутъ они примирителей въ своихъ распряхъ. Подъ человѣколюбивымъ покровительствомъ вашимъ поживетъ *сей полезный и почтенный классъ народа* въ мирѣ и тишинѣ. Скорымъ разборомъ ихъ дѣлъ и уваженіемъ къ ихъ правамъ и нуждамъ вы водворите въ жилищахъ ихъ спокойствіе" и проч. Рѣчи М—ча не были новостью въ тогдашней Малороссіи: такія рѣчи были произносимы гораздо раньше (въ 1808 1805, 1809 г. г.) „маршаломъ Роменскаго повѣта" Вас. Гр. Полетикою. Рѣчи Полетики тогда же были напечатаны въ Вѣстн. Европы. См. Указатель къ этому журналу, Полуденскаго, стр. 15, 82 и 65. Несомнѣнно, что М—чу рѣчи Полетики были извѣстны.

чего вы ни въ какомъ случаѣ сдѣлать были не въ правѣ... Все сіе побуждаетъ меня просить васъ покорнѣйше возвратиться къ должности вашей сколь можно поспѣшнѣе... Вы всегда видѣли, съ какимъ удовольствіемъ я служилъ съ вами и отдавалъ справедливость вашимъ трудамъ и правиламъ, почему я не могу и помыслить, чтобы *вражда сосѣдей вашихъ ко мнѣ отклоняла васъ отъ служенія*, а напротивъ надѣюсь немедленнаго исполненія приглашенія моего..." Намекъ въ этомъ письмѣ на причину отставки М—ча нѣсколько объясняется изъ отвѣта послѣдняго, гдѣ онъ писалъ: „относительно подозрѣнія в. с—ва на счетъ причины, побудившей меня отказаться отъ должности, я не опасаюсь объясниться со всею искренностью. Я и братъ мой обязаны сосѣдямъ нашимъ (?) за доброжелательное участіе и вспомоществованіе во время важныхъ тяжебъ, грозившихъ состоянію нашему разстройствомъ. Всякое благородное чувство найдетъ мѣсто въ сердцѣ вашемъ и вы бы конечно осудили бы меня, если бы я не остался имъ за это благодаренъ и не принялъ бы участія въ ихъ радости и огорченіи. Но не признательность моя, ни честь не предписывали мнѣ отказываться отъ должности по происшедшему неудовольствію между в. с—вомъ и ими. Я могу, напротивъ того, смѣло сказать, что я даже имъ не поставлялъ сего причиною моего удаленія отъ должности и что они весьма настоятельно уговаривали меня продолжать службу..." Затѣмъ М—чъ пишетъ, что главная причина его отставки—болѣзнь. На что намекалъ кн. Репнинъ въ своемъ письмѣ къ М—чу остается неизвѣстнымъ.—Оставивъ такимъ образомъ въ 1830 г. выборную службу, М—чъ черезъ два года снова согласился ее продолжать. На этотъ разъ онъ былъ выбранъ губернскимъ предводителемъ дворянства и оставался на этой должности два трехлѣтія.

Поставленный въ ближайшія отношенія къ оффиціальной жизни черниговскаго дворянства, какъ сословія, М—чъ по своей пытливой природѣ, началъ изучать его исторію и экономическій быть. Съ этою цѣлію онъ составилъ слѣдующую для себя программу. *Глава I.* О дворянствѣ малороссійскомъ до перваго разбора, вслѣдствіе высочайшаго проекта о дворянствѣ. Права ихъ.

NB. Здѣсь же и о образованіи сословія козаковъ и правахъ ихъ. *Гл. II.* О дворянскомъ сословіи со времени перваго разбора и въ послѣдующее до настоящаго времени. *Гл. III.* Объ имѣніяхъ дворянскихъ. Какимъ образомъ пріобрѣтались права на владѣніе имѣніями. Различные роды имѣній, владѣльческія, ранговыя, монастырскія и проч. Права имѣній дворянскихъ. Повинности. Наборы посполитыхъ. Причины черезъ повинности. *Гл. IV.* О винокуреніи и свободной продажѣ вина. *Гл. V.* О прежнемъ состояніи хозяйства, промышленности, торговли въ дворянскихъ имуществахъ. Цѣны. Мѣры. *Гл. VI.* О нынѣшнемъ состояніи хозяйства помѣщичьихъ имѣній.

По этому плану М—чъ началъ подбирать матеріалъ, какъ видно изъ его замѣтокъ, уже въ маѣ 1837 г. Прежде всего, онъ обратился къ дневнику дѣда и сдѣлалъ выписки изъ него, начиная съ 1728 г. и оканчивая 1767-мъ г. Слѣдовательно, М—чъ просмотрѣлъ для этого *весь* дневникъ. Затѣмъ, М—чъ обратился къ черниговскому дворянскому архиву и сдѣлалъ обширныя „выписки изъ дѣлъ черниговскаго дворянскаго депутатскаго собранія, касающіяся до дворянства". По времени, эти выписки обнимали собою періодъ съ 1783 г. до 1801 г. включительно, т. е. время, когда происходила регламентація всего русскаго дворянства, какъ сословія. Изъ печатныхъ источниковъ М—чъ пользовался Исторіей Мал. Россіи Б.—Каменскаго и „Историч. Извѣст. объ Уніи" Б.—Каменскаго-отца. Повидимому, еще раньше М—чъ познакомился съ литовскимъ статутомъ и много перечелъ тѣхъ „конституцій", на которыя Гр. А. Полетика впервые указалъ малорусскому шляхетству, какъ на источникъ де его правъ. Съ такою подготовкою М—чъ приступилъ къ написанію своей „Записки о дворянскомъ сословіи Черниговской губерніи". Началъ онъ эту „Записку" съ великокняжескаго періода.—„Извѣстно", говоритъ М—чъ, „что уже въ позднѣйшее время образовалось въ настоящемъ видѣ въ Россіи дворянское сословіе. Былъ въ самой древней Руси высшій классъ людей, который пользовался правами, которыя и теперь составляютъ права дворянства, т. е. правами, происходящими отъ владѣнія имѣніемъ, пріобрѣтеннымъ государственною службою; но никогда ни сія

владѣльцы имѣній, ни люди, находившіеся въ многоразличныхъ чинахъ и должностяхъ придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ не составляли сословія, какъ нынѣ, пользующагося общими правами дворянства... Съ царствованія (*кажется*) императора Петра (В.) снова дворянство вошло только въ употребленіе, какъ названіе сословія... Въ Малой Россіи гораздо прежде составилось сословіе дворянское подъ именемъ шляхетства. Конституціями королей польскихъ дарованы или подтверждены оному права одинаковыя съ шляхетствомъ польскимъ..." Въ такомъ видѣ началъ было изложеніе своей „записки" М—чъ, но въ печати она значительно сокращена. Повидимому, авторъ нашелъ нужнымъ обойти вопросы спорные и малоразработанные. Но, тѣмъ не менѣе, нужно же было опредѣлить исходную точку его взгляда на дворянство малорусское. Авторъ, повидимому, не сомнѣвался въ тѣсной связи того дворянства, о которомъ говорили польскіе короли въ „конституціяхъ", съ тѣмъ, которое явилось послѣ изданія дворянской грамоты 1785 г. Во всякомъ случаѣ, записка о малорусскомъ дворянствѣ М—ча для насъ очень любопытна, какъ историческое изслѣдованіе автора, повидимому, свободнаго отъ предвзятыхъ взглядовъ. Поэтому мы укажемъ главные исходные пункты записки по ея печатному тексту.

„Записка" начинается такъ: „Въ то время, какъ южная часть древней Руси, получившая впослѣдствіи названіе Малороссіи, присоединена была къ Литвѣ, оставались въ семъ краю люди именитые, потомки прежнихъ удѣльныхъ владѣтелей, князья и бояре. Безъ сомнѣнія, есть и теперь дворянскіе роды, принадлежавшіе къ высшему классу людей въ русскихъ княжествахъ; но зависимое положеніе края, разореніе отъ татаръ, войны, притѣсненія чужеземныхъ властителей, гоненія за вѣру—были виною многихъ превратностей въ судьбѣ частныхъ людей и причиною недостатка письменныхъ документовъ, которые бы свидѣтельствовали о состояніи предковъ еще въ періодѣ, предшествовавшемъ владѣльчеству Литвы и Польши. Почти всѣ дворянскіе роды Черниговской губерніи ведутъ свое начало или со времени присоединенія Малороссіи къ Польшѣ или со времени

возвращенія первой къ Россіи, а это еще не доказываетъ, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не были древнѣе. Самыя прозванія, по которымъ слѣдуетъ, кажется, заключать о ихъ польскомъ происхожденіи, могли замѣнить прозванія болѣе древнія: извѣстно, какъ произвольно они перемѣнялись вездѣ и какъ различны бывали иногда даже у дѣтей родныхъ братьевъ. Въ Малороссіи же такому измѣненію способствовало и продолжительное чужеземное господство. Доказательствомъ, что нѣкоторые дворянскіе роды, нынѣ существующіе, ведутъ свое начало отъ временъ, предшествовавшихъ завоеванію (Польшею?), служатъ находящіеся въ дѣлахъ (хотя и немногихъ) подтвердительные на имѣнія польскіе акты, въ которыхъ говорится, что при отдачѣ или размежеваніи тѣхъ имѣній, владѣльцы представляли польскимъ комисарамъ грамоты отъ великихъ князей русскихъ, предкамъ па ихъ дóбра наданныя [1]). При разборѣ правъ на дворянство были представляемы и другія свидѣтельства о древности происхождѣденія; но *строгая историческая критика не можетъ признать ихъ основательными*". Въ послѣднихъ словахъ мы видимъ, что М—чъ не вѣрилъ тѣмъ документамъ, по которымъ Нѣжинскіе мѣщане Тарасевичи происходили будто бы отъ Тараса Трясила, а Сосницкіе козаки Троцкіе выводили своихъ предковъ изъ троцкаго воеводства... [2]).

Затѣмъ М—чъ говоритъ, что во время принадлежности Малороссіи къ Польшѣ, высшее сословіе первой именовалось „шляхтою", причемъ права послѣдней назывались „вольностями шляхетскими". Представивъ послѣ этого, на основаніи статута, юридическій очеркъ правъ и обязанностей шляхты, М—чъ, желая слить исторію послѣдней съ дворянствомъ, явившимся въ к. XVIII в., разсказываетъ вкратцѣ исторію приднѣпровскаго козачества. „Когда въ полов. XV в. основалась крымская орда, въ Малороссіи возникло военное сословіе козаковъ Запорожскихъ. Долго это сословіе не имѣло ничего опредѣлительнаго и состояло изъ небольшого числа всякаго званія, шляхетскаго и

[1]) Сколько намъ извѣстно, только въ „дѣлѣ" о дворянствѣ Бороздиъ есть упоминаніе о такихъ грамотахъ, но и то—голословное.

[2]) См. Опис. Ст. Малор., II, 43 и 290.

духовнаго происхожденія, городскихъ и сельскихъ жителей, туземцевъ и чужеземцевъ. Короли польскіе, находя ихъ полезными *пограничными стражами*, дали имъ земли для заселенія и выше днѣпровскихъ пороговъ,—города Каневъ и Трахтемировъ. Тамъ только первоначально и жили они; но впослѣдствіи времени, особенно къ концу XV вѣка, размножилось число ихъ. Во многихъ мѣстахъ воеводства Кіевскаго записывались въ козачьи реестры или списки—люди свободные *всѣхъ состояній* и составляли уже не одну запорожскую стражу, а находились при войскахъ польскихъ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, подъ названіемъ реестровыхъ. Польское правительство не дозволяло имъ селится повсюду; опредѣлены были для жительства ихъ нѣкоторые города и селенія... Но когда возгорѣлась война за независимость Малороссіи и вся она обратилась въ военную республику, тогда жители всѣхъ городовъ и селеній, безъ различія, начали вписываться въ козачьи списки, оставляя за собою свои имѣнія. *Само собою разумњется, что для сверженія чужеземнаго ига, высшее сословіе преимущественно приняло* (подняло?) *оружіе*. Не только шляхта грекороссійской, но и римско-католической вѣры участвовала въ войнѣ. Хмельницкій, призывая всѣхъ шляхетныхъ и посполитыхъ людей къ оружію, обратился въ особенности съ воззваніемъ къ шляхетно-урожонымъ козакамъ. *Вњроятно*, шляхта занимала преимущественно и высшія должности въ войскѣ; однако же и простой реестровый козакъ могъ быть не только полковымъ, но и генеральнымъ старшиною, а, слѣдовательно, и правителемъ края [1]). Въ воинской республикѣ, какою сдѣлалась Малороссія, естественно, что военное званіе взяло верхъ надъ другими и что при производствѣ въ старшины не столько смотрѣли на происхожденіе, сколько на

---

[1]) Первоначально, какъ видно изъ рукописи, М—чъ нѣсколько иначе объяснялъ происхожденіе малорусскаго дворянства: „Права какъ шляхетства, такъ и козаковъ не были рѣзко обозначены и трудно положить между ими различіе. Козаки составлялись изъ разныхъ состояній, въ томъ числѣ и изъ дворянскаго, а потому безъ сомнѣнія пользовались они и правомъ сего званія. Впрочемъ тогда никто не думалъ ни о важности сихъ правъ и никто не полагалъ препятствія въ пользованіи ими. Воинское званіе взяло по положенію края преимущество предъ прочими..."

заслуги и способности къ военной службѣ. Такимъ образомъ, во время войны и въ продолженіе войсковаго правленія, многіе изъ реестровыхъ козаковъ, *получивъ званіе старшинъ, сдѣлались владѣльцами имѣній населенныхъ, а потомки ихъ вошли въ дворянское сословіе*... Хотя войсковые старшины пользовались тѣми же и еще большими правами, нежели шляхта (ибо одно военное сословіе избирало войску главнаго начальника, который впослѣдствіи былъ и правителемъ края), однако и при польскихъ короляхъ и еще долго по присоединеніи Малороссіи къ Россіи—шляхетское дворянское достоинство считалось для старшинъ особенною честью... Императоры и императрицы всероссійскіе жаловали малороссіянамъ русское дворянство до временъ Екатерины II; но какъ весь край носилъ названіе *войска козацкаго народа* (курсивъ въ подлинникѣ) и правленіе въ немъ было войсковое, а земскіе суды, избраніе коихъ законъ предоставлялъ шляхетству, не существовали дѣйствительно, то названіе шляхты или дворянства вышло изъ употребленія.... Первыя собранія *шляхетства* были по случаю избранія предводителя и депутата, вслѣдствіе проекта для составленія новаго уложенія. Со временъ жъ учрежденія въ Малороссіи намѣстничествъ, шляхетство малороссійское сравнялось, въ правахъ и въ порядкѣ дѣлъ своихъ, съ велико-россійскимъ и составило дворянское сословіе на общихъ государственныхъ установленіяхъ."

Изложивъ исторію образованія дворянскаго сословія въ Малороссіи, М—чъ, по составленному имъ плану, долженъ, былъ сказать о пріобрѣтеніи этимъ сословіемъ правъ на владѣніе имѣніями, а слѣдовательно долженъ былъ коснутся и исторіи крестьянства. По этому поводу М—чъ говоритъ: „Имѣнія, которыя теперь находятся во владѣніи дворянъ, частію пожалованны предкамъ ихъ великими князьями русскими, королями польскими, императорами всероссійскими и гетманами малороссійскими, частію населены ими самими на земляхъ свободныхъ или купленныхъ у людей другихъ сословій, преимущественно же у козаковъ... Независимо отъ воздѣлыванія земли и прочихъ хозяйственныхъ работъ на владѣльцевъ, посполитые платили такъ называемую осенщину, или деньгами или хлѣбомъ съ сохи.

Встрѣчались и другіе сборы, напр.. чиншъ или оброкъ, очковое, пчеловое и проч... Посполитые (т. е. свободные крестьяне (жившіе?) на владѣльческихъ земляхъ) имѣли право вольнаго перехода изъ одного владѣльческаго помѣстья въ другое. Но указомъ 1738 г. велѣно было имъ съ мѣста на мѣсто не переходить, пока войсковая канцелярія перепишетъ не только дворы, но и хаты, а въ хатахъ семьи [1]). По окончаніи переписи, это обстоятельство подало поводъ владѣльцамъ противиться обычному переходу посполитыхъ, считать перешедшихъ бѣглыми и возвращать ихъ себѣ, не смотря на указъ 18 августа 1742 г., гдѣ сказано, „чтобы имъ свободный переходъ съ мѣста на мѣсто имѣть". Впрочемъ, говоря вообще, до указа 1783 г. мая 3 дня, которымъ велѣно свободнымъ крестьянамъ оставаться тамъ, гдѣ внесли ихъ въ ревизію 1782 г., они жили у владѣльцевъ по уговору или по условію, произвольно оставляя одного для другого и только задолжавшихъ позволялось не отпускать до уплаты долга. Достаточные и усердные, напротивъ того, даже покупали грунты, т. е. земли, доселѣ остававшіеся собственностью ихъ въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ... Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Малороссіи скрывалось множество бѣглыхъ людей, хотя великороссійскихъ крестьянъ запрещено было принимать въ малороссійскихъ имѣніяхъ, а великорусскимъ помѣщикамъ—крѣпить малороссіянъ. Всѣ государи издавали объ этомъ строгіе указы, но самое повтореніе указовъ свидѣтельствуетъ уже о частомъ нарушеніи ихъ. И дѣйствительно, владѣльцы имѣли крѣпостныхъ людей, особливо дворовыхъ, пріобрѣтенныхъ ими отъ великороссійскихъ помѣщиковъ, а также взятыхъ въ плѣнъ или купленныхъ (обыкновенно малолѣтками) татаръ и калмыковъ, которые обращались господами своими въ христіанскую вѣру [2])"...

---

[1]) Въ дневникѣ Як. М—ча записано (29 іюня 1738 г.)—„Новымъ образомъ, по указу войск. канцеляріи, велѣно переписывать дворы, а въ хатахъ семьи и чтобъ обыватели съ мѣста на мѣсто не переходили, а наипаче за рубежъ не бѣжали".

[2]) Всѣ эти свѣдѣнія имѣются въ дневникѣ Якова М—ча.

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ выписокъ мы видимъ, что М—чъ прежде всего желалъ установить происхожденіе явившагося послѣ 1782 г. въ Малороссіи дворянства отъ той „шляхты", о которой говоритъ лит. статутъ. Но относясь съ свойственною ему добросовѣстностью къ работѣ, М—чъ тутъ же долженъ былъ признать два факта: 1) что при разборѣ правъ на дворянство были представляемы такія „свидѣтельства о древности происхожденія," которыхъ „строгая историческая критика не могла признать основательными" и 2) что потомки тѣхъ „реестровыхъ козаковъ", которые получили во владѣніе населенныя имѣнія, „вошли въ дворянское сословіе". Такимъ образомъ не смотря на то, что „записка" М—ча явилась около 60 ти лѣтъ назадъ, главные ея выводы относительно исторіи малорусскаго дворянства очень близки къ тѣмъ историческимъ знаніямъ по сему вопросу, которыми мы обладаемъ и въ настоящее время. Несомнѣнно, что изъ среды той православной шляхты, которую застало возстаніе Хмѣльницкаго на лѣвомъ берегу Днѣпра, нѣкоторые „приняли оружіе для сверженія польскаго ига", но это были лишь отдѣльныя личности (Борозды, Рубцы, Бакуринскіе...), а не все „сословіе", о численности котораго—на лѣвомъ берегу Днѣпра—у насъ имѣется и теперь весьма неопредѣленное представленіе... Но за то происхожденіе (хотя части) малорусскаго дворянства отъ козацкой старшины М—чемъ высказано было впервые, при чемъ это положеніе неохотно принимается нѣкоторыми и въ позднѣйшее время...

Относительно „владѣльческихъ" крестьянъ М—чъ, въ своихъ краткихъ замѣткахъ, сообщаетъ свѣдѣнія правильныя, основанныя главнымъ образомъ на внимательномъ чтеніи дѣдовскаго дневника. Если мы сравнимъ историческія свѣдѣнія М—ча о дворянствѣ и крестьянствѣ съ тѣми, напр., которыя появились у Б.—Каменскаго во 2-мъ изданіи (1830 г.) его Исторіи Малой Россіи, то должны признать, что въ послѣдней имѣются по этому предмету лишь взятыя изъ лит. статута свѣдѣнія безъ всякой ихъ связи съ тѣми сословными группами, которыя явились въ лѣвобережной Малороссіи при гетманахъ. Вторую часть „за-

писки" М—ча составляютъ свѣдѣнія о „разборѣ дворянства", т. е. краткая исторія составленія дворянскихъ списковъ въ Малороссіи. Вся эта часть „записки" основана на тщательномъ изученіи рукописнаго матеріала, хранящагося въ черниговскомъ дворянскомъ архивѣ, и представляетъ собою и до настоящаго времени единственную работу по этому предмету, необходимую при изученіи образованія въ Малороссіи дворянскаго сословія. Собранныя М—чемъ статистическія свѣдѣнія того времени о дворянскомъ сословіи, не смотря на ихъ краткость, сохраняютъ научную цѣну и теперь, будучи результатомъ ближайшаго знакомства со стороны М—ча съ экономическою жизнью своей родины.

Засимъ, мы, кажется, не преувеличимъ значенія „Записки" М—ча въ малорусской исторіографіи, если скажемъ, что она представляетъ собою *изслѣдованіе*, не потерявшее научнаго значенія и теперь [1]).

Предводительская служба дала возможность М—чу также близко познакомиться съ однимъ изъ архаическихъ судебныхъ учрежденій—*маршалковско-коммисарскимъ судомъ*, который по лит. статуту составлялъ апелляціонную инстанцію для подкоморскаго или межеваго суда. Маршалковско-коммисарскій судъ, по своему устройству, давалъ возможность тянуть межевые споры десятки лѣтъ... Изложивъ исторію происхожденія этихъ судовъ и крайнее неудобство ихъ процедуры, М—чъ, по должности губ. предводителя дворянства, представилъ, въ январѣ 1835 г., министру вн. дѣлъ объ уничтоженіи означеннаго учрежденія. Повидимому, представленіе это было уважено, такъ какъ затѣмъ рѣшенія марш.-комисарскихъ судовъ болѣе не встрѣчаются [2]).

---

[1]) „Записка" М—ча напечатана въ 1839 г., въ перв. т. „Матеріаловъ для статистики Россійск. импер.", а затѣмъ перепечатана въ 1894 г., въ Черниговѣ, гр. Г. А. Милорадовичемъ, при чемъ въ предисловіи ошибочно сказано, что „записка" въ первый разъ была напечатана въ 1852 г.

[2]) Представленіе М—ча напечат. въ одномъ изъ примѣч. къ Словарю мало русск. старины, Лошиковскаго, Кіевск. Стар. 1894 г., іюль.

III. Оставленіе должности губернскаго предводителя.—Литературныя работы Марковича по исторіи Малороссіи: историческіе очерки г. Глухова и Гамалѣевскаго монастыря.—Изданіе „Дневныхъ Записокъ" Якова Марковича.—Проектъ Марковича объ увольненіи своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.—Участіе его въ губернскомъ комитетѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.—Избраніе уѣзднымъ земскимъ гласнымъ.—Завѣщаніе и смерть. Перечень литературныхъ работъ Марковича по общимъ вопросамъ.

Почти одновременно съ окончаніемъ своей „Записки", М—чъ перестал быть губернскимъ предводителемъ. Оставленіе имъ этой должности произошло при обстоятельствахъ исключительныхъ. Осенью 1838 г. оканчивалось второе трехлѣтіе службы М—ча въ должности губернскаго предводителя; но еще въ началѣ іюня этого года онъ подалъ просьбу объ отставкѣ. Какія причины вызывали эту просьбу мы незнаемъ, и вообще по этому обстоятельству намъ извѣстно немного. Малороссійскимъ губернаторомъ въ 1838 г. былъ гр. А. С. Строгоновъ. Какъ видно, онъ настолько цѣнилъ служебную дѣятельность М—ча, что проѣзжая въ это время (т. е. послѣ подачи прошенія объ отставкѣ) чрезъ Глуховъ, нарочно видѣлся съ М—чемъ, съ цѣлію отклонить его отъ отставки, при чемъ и получилъ было обѣщаніе—продолжать предводительскую службу; но спустя нѣкоторое время М—чъ писалъ Строгонову уже другое: „чувствуя въ полной мѣрѣ вниманіе в. с—ва, съ которымъ вы изволили войти въ объясненіе со мною по сему предмету, (т. е. объ отставкѣ), при чемъ я сдѣлалъ извѣстными вамъ причины, заставляющія меня увольниться, мнѣ весьма прискорбно, что я не могу дослужить срока, на который избранъ дворянствомъ, и весьма бы пріятно было продолжать службу подъ начальствомъ вашимъ, и самыя непреоборимыя препятствія могли только меня заставить просить увольненія за четыре мѣсяца до срока. Главнѣйшая есть худое состояніе моего здоровья. Смѣю надѣятся, что в. с—во не усумнитесь въ справедливости словъ моихъ и окажете уваженіе къ моей просьбѣ". Послѣ этого письма прошеніе М—ча объ отставкѣ было отослано въ Петербургъ. Но прежде чѣмъ отставка была разрѣшена, начались, въ к. сентября, губернскіе выборы, на которые однакожъ М—чъ не поѣхалъ, пославъ заявленіе, что отъ дальнѣйшей службы онъ отказывается.—

Тѣмъ неменѣе, 8-го октября, прибылъ въ Сварковъ изъ Чернигова „нарочный чиновникъ“ и привезъ постановленное 7 октября опредѣленіе дворянскаго губ. собранія о томъ, что „дворянство Черниговской губерніи вмѣнитъ себѣ въ особенную честь, если А—ръ М—ловичъ дозволитъ балотировать себя на настоящихъ выборахъ и тѣмъ откроетъ случай доказать ему ту неизлагаемую, неизмѣнную признательность свою, которою дворянство Черниговской губерніи не престанетъ быть одушевляемо“. Въ отвѣтѣ своемъ, посланномъ въ Черниговъ 14 октября по эстафетѣ, М—чъ благодарилъ дворянство „за новый знакъ его благорасположенія“, при чемъ добавлялъ: „кратковременная отлучка замедлила отвѣтъ мой до сего времени; полагаю, что выборы кончились, въ противномъ случаѣ, исполненный чувствами глубочайшей признательности, готовый забыть на себя (*sic*), я предоставилъ бы почтенѣйшему дворянству располагать мною по его благоразсмотрѣнію“. Но дворянское собраніе въ ожиданіи отвѣта, повидимому, не закрывалось, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ М—чъ былъ выбранъ губернскимъ предводителемъ на третье трехлѣтіе. Согласно закону, выборъ этотъ былъ представленъ въ Петербургъ на утвержденіе. Между тѣмъ просьба М—ча объ отставкѣ, поданная лѣтомъ, была разрѣшена только 20 сентября, о чемъ гр. Строгоновъ увѣдомилъ Черниговскаго губернатора въ полов. октября. Это извѣщеніе не остановило однакожъ представленія о выборѣ М—ча губ. предводителемъ на третье трехлѣтіе. Представленіе было отослано министру вн. дѣлъ, но государь не утвердилъ этого выбора. Причины неутвержденія изъ бумагъ М—ча не объясняются; въ послѣднихъ сохранилось лишь письмо, которое М—чъ писалъ, въ октябрѣ 1839 г., гр. Строгонову, тогдашнему министру вн. дѣлъ, принося благодарность за пожалованіе полученнаго въ это время чина. Въ письмѣ этомъ читаемъ: „Ваше с—во! Мнѣ объявлено, что государю императору благоугодно было всемилостивѣйше пожаловать меня въ надворные совѣтники. Какъ я удостоенъ сей высочайшей милости по представленію в. с—ва, то позвольте мнѣ принести вамъ глубочайшую мою за то признательность. Въ этомъ случаѣ я обязанъ двойною благодарностью в. с—ву. Если я приз-

нанъ былъ государемъ императоромъ недостойнымъ занять должность, въ которую избрало меня дворянство, то по крайней мѣрѣ имѣю счастіе видѣть, что не вовсе лишенъ я милости его величества. Но кто понесъ на себѣ всенародное изъявленіе негодованія своего государя, тотъ не долженъ быть ничѣмъ утѣшенъ, пока не будетъ удостовѣренъ, что оправданъ въ глазахъ его величества. Я былъ удостоенъ три раза утвержденія государя императора къ должностяхъ по выбору дворянства, я считалъ это самою лестною наградою па службѣ и послѣ этого— быть признаннымъ недостойнымъ!... Ни то, что я по крайнимъ обстоятельствамъ увольнился прежде наступленія новаго трехлѣтія, ни то что, по лестному для меня убѣжденію дворянства, снова забылъ на свои затрудненія, не могло кажется навлечь на меня гнѣва моего государя. Во всякомъ случаѣ, безропотно покоряюсь волѣ его величества. Вѣрно, если не этимъ, такъ другимъ, я заслужилъ гнѣвъ его величества. Государь не можетъ напрасно оскорбить своего подданнаго. Да позволено будетъ только мнѣ сказать, что никогда гнѣвъ государя не падалъ на подданнаго болѣе вѣрнаго и болѣе преданнаго. Имѣя примѣръ въ предкѣ моемъ, оказавшемъ въ смутныя времена Малороссіи вѣрность и непоколебимую преданность достославному прародителю его величества [1]), я при всякомъ моемъ дѣйствіи не имѣю другой цѣли, ни другого желанія, кромѣ того, чтобы нелицемѣрно выполнить мою присягу его величеству не устами только, но и сердцемъ [2]). Какъ прежде, такъ и теперь жизнь мою и все мое счастье не оставилъ бы я принести въ жертву для пользы его величества".

Намъ неизвѣстны причины, по которымъ М—чъ не былъ утвержденъ въ предводительской должности и теперь, по давности событія, едва ли и можно разсчитывать на ихъ объясненіе,

---

[1]) М—чъ разумѣетъ своего прадѣда Андрея Марковича, который, услыхавъ объ измѣнѣ Мазепы, посиѣшилъ къ Меншикову, подъ Батуринъ, заявить свою „вѣрность", за что поставленъ былъ Глуховскимъ сотникомъ. Опис. Ст. Малор., II, 421.

[2]) За симъ слѣдуетъ зачеркнутая фраза: „тѣ, которые приписали дѣйствіямъ моимъ несвойственныя мнѣ побужденія, конечно не знаютъ, что для меня не только легкой, но и вождѣленной обязанностью было бы"...

если только этотъ случай не описанъ въ какихъ нибудь, еще неведомыхъ намъ, того времени мемуарахъ...

После предводительской службы М—чъ продолжалъ заниматься учено-литературными работами, но дальнейшее изученіе малорусской старины было отодвинуто въ сторону; подъ старость М—ча стали более интересовать вопросы публицистическаго характера и преимущественно тесно связанные съ бытомъ народа.

Изъ работъ М—ча, сороковыхъ годовъ, относившихся къ малорусской старине, могутъ быть названы две: историческій очеркъ г. Глухова и—„Исторія Гамалеевскаго монастыря". Въ очерке Глухова сохранено много любопытныхъ историческихъ сведеній, о которыхъ М—чъ разсказываетъ, какъ очевидецъ, напр., о зданіи Румянцовской коллегіи, объ уничтоженіи глуховскихъ архивовъ, заключавшихъ къ себе всю оффиціальную исторію Малороссіи XVIII в. [1]).—Другой очеркъ—Гамалеевскаго монастыря—написанъ М—чемъ, главнымъ образомъ, по бумагамъ семейнаго архива, такъ какъ основательницею м—ря была гетманша Скоропадская,—родная сестра прадеда автора Андрея Марковича. Исторія Гамалеевскаго м—ря напечатана архіеп. Филаретомъ Гумилевскимъ въ его „Описаніи Черниговской епархіи" (IV, 19—54), но безъ указанія на авторство М—ча.

Последнимъ трудомъ М—ча по исторіи Малороссіи было изданіе имъ „*Дневныхъ Записокъ генер. подск. Якова Марковича*" (Москва 1859. 8 д., 2 части, въ 1-й: XIV+520 и во 2-й: 414 стр.) Въ настоящее время мы знаемъ, что дневникъ своего деда М—чъ издалъ съ значительными сокращеніями и съ поновленнымъ языкомъ [2]), но это обстоятельство не особенно важно при оценке того значенія, которое имело изданіе этого памятника. Значеніе это было очень велико. Можно сказать, что изданіемъ „Дневныхъ Записокъ" М—чъ снялъ завесу съ бытовой исторіи Малороссіи XVIII в. и поставилъ насъ лицомъ къ лицу съ об-

---

[1]) Отрывки изъ очерка Глухова напечатаны нами въ Опис. Стар. Малор. II, 431 и след.

[2]) См. предисловіе къ первой части Дневника Якова Марковича въ изд. „Кіевск. Старины".

щественною и частною жизнью нашихъ предковъ того времени. Въ „Дневныхъ Запискахъ“ мы впервые увидѣли оживотворенными и гетмановъ (Апостола и Разумовскаго), и окружавшую ихъ старшину, увидѣли ихъ въ частной, закулисной жизни, о которой до тѣхъ поръ имѣли лишь смутныя свѣдѣнія[1]). Заслуга М—ча въ изданіи дѣдовскаго дневника на столько велика, что если бы онъ литературную свою дѣятельность ограничилъ только напечатаніемъ этого памятника, то уже и за это имя его не было бы забыто въ малорусской исторіографіи.

Въ настоящее время, хотя и начато полное изданіе Дневника Як. Марковича, но, въ виду обширности этого памятника, изданіе это если и будетъ приведено къ концу, то, конечно, очень нескоро, и мы еще долго будемъ пользоваться изданіемъ 1859 г. и помнить заслугу его издателя.

Остальныя литературныя работы М—ча не касались уже исторіи Малороссіи. Ниже (въ „Приложеніяхъ“) мы перечисляемъ всѣ остальныя статьи М—ча, съ коротенькимъ показаніемъ ихъ содержанія. Тутъ мы видимъ нѣсколько статей философскаго содержанія, но большинство ихъ касается быта народа, среди котораго М—чъ жилъ. Заботясь о нуждахъ этого народа и всячески стараясь прійти къ нему на помощь, М—чъ постоянно указывалъ на необходимость развитія въ народѣ грамотности, при чемъ прибавлялъ, впрочемъ, что „обученіе грамотѣ лишь тогда принесетъ народу надлежащую пользу, когда рядомъ съ обученіемъ будетъ идти и *воспитаніе*“. Но говоря о воспитаніи народа, М—чъ тутъ же встрѣчался съ фактомъ, что „воровство между крѣпостными крестьянами распространено болѣе, чѣмъ между свободными“ (т. е. козаками и казенными крестьянами) и тутъ же пояснялъ, что указанный фактъ есть слѣдствіе „самого установленія (т. е. крѣпостнаго состоянія), основаннаго на неправдѣ“... Слѣдуетъ думать, что мысль о *неправдѣ* крѣпостнаго

---

[1]) Годомъ раньше изданія „Дневн. Запис.“, былъ изданъ Бодянскимъ *Діаріушъ* Н. Ханенка, заключающій въ себѣ тоже цѣнныя свѣдѣнія по бытовой исторіи XVIII в., но этотъ памятникъ ограничивался лишь однимъ годомъ. Полностью *Дневникъ* Н. Ханенка былъ изданъ только черезъ 25-ть лѣтъ послѣ „Дневныхъ Записокъ“ Як. Марковича.

права родила у М—ча намѣреніе уничтожить эту неправду по отношенію къ своимъ крестьянамъ. По этому предмету въ бумагахъ М—ча сохранилась копія слѣдующаго „конфиденціальнаго“ отзыва министра вн. дѣлъ гр. Перовскаго къ черниговскому губ. предводителю дворянства, писаннаго 8 мая 1852 г.— „Помѣщикъ Черниговской и Полтавской губерній надв. сов. Марковичъ представилъ мнѣ проектъ положенія объ увольненіи крестьянъ его изъ крѣпостнаго состоянія, на особыхъ правилахъ, прося исходатайствовать у его императорскаго величества утвержденіе сему проекту.—По сему проекту помѣщикъ Марковичъ предполагаетъ уволить своихъ крестьянъ, въ числѣ 979 рев. душъ, не въ государственные крестьяне, водворенные на собственныхъ земляхъ и не въ обязанные, а въ особое сословіе—вольныхъ поселянъ, живущихъ на земляхъ владѣльческихъ, не испрашивая согласія кредитныхъ мѣстъ, въ коихъ заложено имѣніе въ суммѣ 49250 р. Земля, принадлежащая къ увольняемому имѣнію, остается во владѣніи помѣщика въ количествѣ 4856 дес.; крестьяне же, оставаясь на жительствѣ въ увольняемомъ имѣніи, пользуются данною имъ отъ помѣщика землею за условленныя повинности и работы. Они могутъ пріобрѣтать земли отъ помѣщика и отъ другихъ лицъ, но въ первомъ случаѣ имѣютъ право продать оную только помѣщику и его наслѣдникамъ, а въ послѣднемъ—должны брать отъ помѣщика въ пользованіе землю за особыя повинности. Нежелающій подвергнуться сему условію или ненуждающійся въ землѣ обязанъ искать себѣ другое званіе или другихъ способовъ существованія. Порядокъ исполненія рекрутской повинности остается прежній, съ тѣмъ, что владѣлецъ имѣетъ право освобождать одного въ каждый наборъ по каждому участку... Усматривая, что представленный г. Марковичемъ проектъ содержитъ въ себѣ существенныя отступленія отъ главныхъ началъ увольненія крестьянъ изъ крѣпостного владѣнія (ст. 760—795 и 903—913 св. зак. т. IX) я покорнѣйше прошу, в. пр—во, объявить г. Марковичу, что засимъ я не считаю себя въ правѣ представить проектъ его на высочайшее усмотрѣніе“. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ М—ча

не сохранилось самого проэкта, изъ котораго можно было бы увидѣть его частности.

На сколько М—чъ интересовался осуществленіемъ своего проэкта, это видно изъ слѣдующаго письма, тогда же писаннаго къ нему Д. В. Кочубеемъ (въ то время членомъ государств. совѣта).—„Продолжительное молчаніе мое на письмо ваше могло уже быть принятымъ вами за худое предзнаменованіе и внушить вамъ сомнѣніе на счетъ ожидаемаго рѣшенія дѣла для васъ интереснаго, ибо оно касается устройства будущей судьбы вашихъ крестьянъ. Къ сожалѣнію, ваши предчувствія сбылись, если вы ожидали неудачи.—Въ самомъ началѣ, но полученіи вашего прошенія, я замѣтилъ, что дѣло это встрѣтитъ препятствія и возраженія; не менѣе того, не терялъ надежды, что эти затрудненія будутъ устранены нѣкоторыми измѣненіями въ проектѣ, вами составленномъ, а главныя условія будуть утверждены, но впослѣдствіи, и то весьма недавно, я убѣдился, что подобнаго рода предположенія, при теперешнемъ духѣ и мысляхъ, не находятъ здѣсь сочувствія, что имъ не довѣряютъ и какъ будто страшатся отъ нихъ вредныхъ послѣдствій. *Нельзя не сознаться, что въ нѣкоторомъ отношеніи эти опасенія не безосновательны.* Поэтому-то, какъ кажется, принято теперь за правило строго держаться изданнымъ на этотъ случай узаконеніямъ и какъ скоро представленный проектъ не вполнѣ съ оными согласуется, то, не входя въ разборъ онаго, просто отказываютъ. Въ прошломъ году послѣдовало два подобныхъ отказа, а теперь и ваше предположеніе подверглось той же участи и по тѣмъ же причинамъ... Изъ сего легко вы можете заключить, что участіе мое въ ономъ не могло измѣнить общаго направленія, принятаго для дѣлъ сего рода, и что въ настоящее время невозможно было достигнуть желаемой вами цѣли. Я понимаю, что вы не равнодушно примите это извѣстіе, узнавъ, что благія намѣренія ваши не могутъ осуществиться... Впрочемъ, объ этомъ, какъ о многомъ другомъ, мы переговоримъ подробнѣе по прибытіи моемъ на родину".

Письмо Кочубея указываетъ также, что тѣ „опасенія", которыя возбуждали подобные проэкты у правительства, находили

себѣ мѣсто и у „высокопоставленныхъ" сосѣдей М—ча, на помощь которыхъ онъ разсчитывалъ при просьбѣ объ осуществленіи своего проекта... Обращаясь къ этому проэкту, изъ оффиціальнаго извѣщенія министра мы видимъ, что М—чъ предоставлялъ крестьянамъ только личную свободу, сохраняя за ними однакожъ право на пользованіе землею „за условленныя *повинности и работы*". Конечно, въ условіяхъ пользованія землею заключалась вся сущность вопроса... Мы не знаемъ, какія мѣры были проэктированы при этомъ на случай неисполненія крестьянами условій, но конечно мѣры такія были указаны, при чемъ примѣненіе ихъ на практикѣ могло приводить къ результатамъ противоположнымъ намѣренію М—ча... Впрочемъ, эти соображенія не уничтожаютъ того факта, что М—чъ готовъ былъ принести значительную матеріальную жертву для уничтоженія у себя „неправды" крѣпостнаго состоянія...

Черезъ шесть лѣтъ послѣ не осуществившейся мысли М—ча— дать своимъ крѣпостнымъ личную свободу, въ Черниговѣ былъ открытъ „губернскій комитетъ объ улучшеніи и объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ", въ который вошло по два члена отъ каждаго уѣзда; однимъ изъ членовъ отъ Глуховскаго уѣзда былъ выбранъ и М—чъ. Черниговскій комитетъ, наравнѣ съ другими, выработалъ свой „проектъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ", при чемъ, для представленія правительству нужныхъ свѣдѣній и объясненій при разсмотрѣніи этого губернскаго проэкта, должны были отправиться въ Петербургъ два члена комитета, по выбору послѣдняго. Въ Черниговѣ этими членами были выбраны М—чъ и В. О. Подвысоцкій. При этомъ слѣдуетъ добавить, что при образованіи губернскихъ комитетовъ, въ каждый изъ нихъ назначены были правительствомъ особо по два члена—для защиты интересовъ крестьянъ, при чемъ въ черниговскій комитетъ такими членами были назначены Г. П. Галаганъ и В. В. Тарновскій († 1866 г.). Засимъ, при составленіи губернскихъ проэктовъ предоставлено было комитетамъ таковые составить не только *большинству*, но и *меньшинству* комитета, если послѣднее того пожелаетъ. Въ черниговскомъ комитетѣ меньшинство особаго проекта не составляло, ограничившись лишь указаніемъ своихъ

возраженій противъ тѣхъ или другихъ параграфовъ общаго проэкта. Эти возраженія *меньшинства* подписалъ и М—чъ. Затѣмъ, когда въ Петербургѣ рѣшено было пригласить въ редакціонныя коммиссіи по два члена отъ губернскихъ комитетовъ („для представленія нужныхъ объясненій"), то одинъ изъ нихъ долженъ былъ представлять большинство, а другой—меньшинство. При вызовѣ этихъ членовъ въ Петербургъ, М—чъ получилъ отъ губернатора такое приглашеніе: „имѣя въ виду, что в. в—діе избраны въ комитетѣ членомъ для поѣздки въ Петербургъ и что хотя меньшинствомъ черниговскаго комитета не было составлено особаго проэкта положенія, но *вы изволили подписать возраженія, сдѣланныя меньшинствомъ* на нѣкоторыя главы общаго положенія, я имѣю честь увѣдомить васъ, м. г., о распоряженіи г. министра (о пріѣздѣ членовъ въ Петербургъ къ 15 августа 1859 года) и покорнѣйше прошу отправиться къ назначенному сроку въ Петербургъ, для представленія правительству нужныхъ свѣдѣній и объясненій *отъ меньшинства* черниговскаго дворянскаго комитета".

Такимъ образомъ, при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса М—чъ фактически выдѣлялся изъ „консерваторовъ..."

По мягкости своего характера, М—чъ не могъ быть въ крестьянскомъ вопросѣ тѣмъ энергическимъ противникомъ „большинства", какими являлись, напр., Галаганъ и Тарновскій, но тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству близкихъ къ М—чу людей, онъ *искренно радовался* освобожденію крестьянъ, а съ бывшими своими крѣпостными разошелся такъ, что добрыя съ ними отношенія у М—ча продолжались и послѣ 1861 года, чему примѣры, какъ лично намъ извѣстно, были очень рѣдки. *Искреннее человѣколюбіе* М—ча чувствовалось всѣми, въ томъ числѣ и бывшими его крѣпостными... Это же человѣколюбіе звучитъ и въ его завѣщаніи, (написанномъ въ 1857 г.), въ которомъ, между прочимъ, М—чъ говоритъ: „Завѣщаю наслѣдникамъ моимъ, извѣстнымъ мнѣ своими благородными качествами [1]), управлять имѣніемъ моимъ на

---

[1]) А. М. М—чъ не былъ женатъ и наслѣдниками его явились родные его племянники.

тѣхъ человѣколюбивыхъ правилахъ, которыми я старался руководствоваться, и сохранять тѣ установленія, какія при мнѣ существуютъ, какъ то: платить за всѣхъ крестьянъ моихъ, какъ доселѣ, всѣ подати, служителямъ моимъ выдавать не менѣе того содержанія деньгами и прочимъ, какое они получаютъ, награждать ихъ за хорошее поведеніе и похвальныя чувства, продолжать содержать въ Сварковѣ больницу для сифилистической и другихъ острыхъ болѣзней, принимать въ оную всѣхъ приходящихъ больныхъ безплатно, содержать въ Сварковѣ и Перервенцахъ сельскія школы[1]), пѣвчихъ для церковнаго пѣнія, фельдшеровъ, оказывать всякое возможное пособіе бѣднымъ болящимъ, и своимъ и чужимъ, и, между прочимъ, снабжать бандажами страждущихъ грыжами, давать положенныя годовыя платки священникамъ и причту, за молебствія и панахиды[2]). Надѣюсь—наслѣдники мои священною обязанностью и достойнымъ удовольствіемъ почтутъ все вышеписанное продолжать исполнять, особенно же содержать въ селѣ Сварковѣ находящуюся больницу для сифилитической болѣзни. Это простое заведеніе, учрежденное достойнымъ памяти дѣдомъ моимъ Яковомъ Марковичемъ, завѣщалъ онъ своимъ наслѣдникамъ содержать, и съ тѣхъ поръ около ста лѣтъ содержалась она бабкою моею, родителями и наконецъ мною. Оно такъ полезно и такъ немного стоитъ, что грѣшно его пренебречь или уничтожить. Всегда болѣе ста большихъ страдальцовъ и съ тяжкими язвами, въ продолженіе года въ немъ приняты бываютъ и, какъ изъ больничныхъ списковъ видно, почти всегда исцѣляются, по милости Божіей и помощію

---

[1]) Сельская школа въ Сварковѣ такъ заботливо содержалась при А. М—чѣ, что сюда помѣщали своихъ дѣтей и нѣкоторые мѣстные бѣдные дворяне. Эту школу мы видѣли лѣтомъ 1862 года, т. е. черезъ годъ послѣ освобожденія крестьянъ, и въ ней ученіе продолжалось *во всемъ на прежнемъ основаніи*: М—чъ продолжалъ платить жалованье учителю и продолжалъ содержать училищный домикъ въ прежнемъ порядкѣ... Это былъ исключительный примѣръ *продолженія прежнихъ добрыхъ отношеній помѣщика къ бывшимъ своимъ крестьянамъ*..

[2]) Въ 1834 году М—чъ установилъ было опредѣленную плату сварковскому причту за требоисправленіе, заключивъ съ причтомъ особый объ этомъ договоръ, при чемъ на эти договорныя отношенія согласились и сварковскіе козаки. См. „Кіев. Стар.“, 1896 г., апрѣль.

великаго угодника его, святителя Николая Мирликійскаго, нашего сельскаго покровителя[1]). Да низведутъ молитвы и благодаренія сихъ болящихъ на владѣльцевъ села Сваркова и на весь сію (т. е. на Сварковъ) благословеніе и милость Господа за пріютъ и исцѣленіе несчастливцевъ, которые безъ того могли бы заражать другихъ, или же сами были бы отвергаемы своими семействами. Мы должны благодарить Господа, что въ фамиліи нашей былъ достойный мужъ, которому пришла такая достойная мысль еще въ то время, когда филантропическія понятія мало были распространены...“

Умеръ А. М. М—чъ 15 декабря 1865 года, при чемъ мѣсяца за три до смерти онъ былъ избранъ уѣзднымъ гласнымъ только что нарождавшагося тогда земства... Несомнѣнно, что если бы М—чъ жилъ нѣсколько позже, то онъ сталъ бы виднымъ земскимъ дѣятелемъ... Земская дѣятельность наиболѣе подходила къ его заботамъ о благѣ ближняго[2]).

Приложенія[3]).

1) *Совѣты молодымъ дѣвицамъ.* Статья эта состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій: а) О благодати божіей, б) О обязанностяхъ нашихъ къ Богу и т. д.

2) *Правила къ руководству.* Рядъ мыслей по разнымъ вопросамъ обыденной жизни.—«Беречь деньги, но совсѣмъ не то, чтобы только прятать ихъ въ сундукъ. При издержкѣ смотрѣть нѣтъ ли полезнѣе или нужнѣе предмета, на который я бы могъ или долженъ

---

[1]) Одинъ изъ близкихъ родственниковъ М—ча разсказываетъ, что существовавшую въ Сварковѣ больницу для сифилитиковъ А. М. значительно увеличилъ, устроивъ въ ней 24 кровати, при чемъ при больницѣ имѣлся особый фельдшеръ, а докторъ больницу посѣщалъ изъ Глухова. Въ больницу принимались *всѣ приходящіе* больные, хотя бы и изъ чужихъ губерній, при чемъ содержаніе и одежду они получали отъ М—ча.

[2]) Бумаги, по которымъ составленъ настоящій очеркъ, предоставлены были въ наше пользованіе П. Я. Дорошенкомъ, за что и приносимъ ему сердечную нашу благодарность.

[3]) Указываемыя здѣсь статьи расположены, по возможности, хронологически.

былъ употребить деньги. Богатый человѣкъ не долженъ быть излишне бережливъ. Онъ долженъ часть своихъ денегъ издержать для общества, для людей, которые живутъ своею работою. Моты полезнѣе даже скупца».—«Старайся во всякомъ случаѣ побѣждать малодушіе, робость, боязливость. Не бойся несчастій, ни смерти. Не имѣй робости передъ начальникомъ или передъ высшими людьми и въ обществахъ, въ которыхъ не привыкъ быть».—«Стараться всегда возможное добро сдѣлать. Самое великое добро, кажется, состоитъ въ томъ, чтобы все то дѣлать, что послужить можетъ къ исправленію человѣка».—«Беречь время. Игра въ карты»...

3) *О ложности суждений и мнѣній.*—«Чрезвычайно много зла существуетъ въ семъ мірѣ, потому только, что мнѣнія наши ложны и превратны; весьма много люди сдѣлали и дѣлаютъ вредъ не потому единственно, что они сами имѣютъ ложныя заключенія, но и потому, что эти заключенія равно приняты, если не вообще, то значительнымъ большинствомъ...— Нѣтъ ничего для благосостоянія рода человѣческаго вреднѣе, какъ наше неразборчивое удивленіе дѣламъ людей ума необыкновеннаго. Это, вѣроятно, было одною изъ причинъ, породившихъ столько завоевателей, столько коварныхъ министровъ. Что сужденія наши не сдѣлались правильными, доказываютъ еще происшествія недавнихъ временъ. Что мы читаемъ и слышимъ о Наполеонѣ? Человѣкъ, который долженъ бы... (носить?) на себѣ тягость негодованія и презрѣнія народовъ, есть до сихъ поръ идолъ многихъ... Есть люди, которые будутъ утверждать, что появленіе и дѣйствія Наполеона произвели многія добродѣтельныя послѣдствія. Быть можетъ, несчастіе есть великій урокъ, но гораздо лучше, если бы эти послѣдствія пришли позже и сами собою или не отъ причинъ столь тяжкихъ»...

4) *Нѣкоторыя замѣчанія о положеніи малороссійскихъ козаковъ.*—Замѣчанія касаются экономическаго быта козаковъ, при чемъ М—чъ указываетъ тѣ мѣры, которыя могли бы помочь уменьшенію числа бѣдныхъ дворовъ и освободить ихъ отъ зависимости богатыхъ. Замѣчанія написаны послѣ изданія Устава 17 января 1838 года и заключаютъ въ себѣ указаніе на полезность нѣкоторыхъ въ немъ поправокъ.

5) *Разсказы сельскаго жителя.*—(1838). Рядъ мыслей на тему— въ чемъ заключается счастье людей и отъ чего оно зависитъ. «Всякаго мыслящаго человѣка поразитъ то, что люди, добиваясь такъ собственнаго благополучія и страшась его потерять, такъ мало чувствительны

къ несчастіямъ другихъ, такъ легкомыслены и недоброжелательны въ поступкахъ, в дѣйствіяхъ, и словахъ, могущихъ имѣть вліяніе на счастіе другого и такъ мало заботятся о счастіи тѣхъ, коихъ участь въ ихъ рукахъ. Одного, столь не труднаго, повидимому, правила достаточно было бы, чтобы родъ человѣческій наслаждался большимъ спокойствіемъ и счастіемъ: не дѣлай и не желай того другому, чего себѣ не желаешь...».

6) *Путешествіе за границу въ 1841 и 1842 г. г.*—Во время своей двухлѣтней поѣздки заграницу М—чъ велъ дневникъ, на основаніи котораго и составилъ полный о ней разсказъ, заглавленный—*Путешествіе въ нѣкоторыя европейскія государства въ 1841 и 1842 г.г.* [1]). Въ предисловіи читаемъ: «Въ послѣдніе годы издано, подъ разными названіями, столько путешествій по Европѣ, что приводя свои дорожныя замѣтки въ порядокъ, невольно подумываю—слѣдуетъ ли ихъ *издавать*? Не только для другихъ, но можетъ быть и для себя, не лучше ль было бы оставить ихъ въ рукописи. При томъ, скоро некому будетъ читать путешествій по Европѣ...» Изъ этого видно, что М—чъ свои записки имѣлъ въ виду напечатать; однакожъ и они остались въ рукописи.

Изъ этого «Путешествія» приводимъ небольшой отрывокъ касающійся правобережной Малороссіи.

«Мы выѣхали изъ Кіева 25 мая 1841 года. Дорога хорошая, почти исправная; обсажена красивыми деревьями и часто тополями. Мнѣ показались губерніи, черезъ которыя мы проѣзжали, по строеніямъ и по виду народа, въ хорошемъ положеніи. Лошади крестьянскія однако худы. Работаютъ землю плугами. Народъ въ кіевской и волынской губерніяхъ говоритъ помалороссійски [2]); въ послѣдней однако больше попольски. Есть по дорогѣ богатыя мѣстечка владѣльцевъ и старинные города, на которые можно взглянуть съ любопытствомъ, особенно на остатки и развалины старинныхъ зданій, замковъ, костеловъ, укрѣпленій...

Города Новградъ-Волынскій, Острогъ, Дубно, которые мы проѣзжали, наполнены жидами. Иногда подумаешь, что заѣхалъ въ Палестину. Эти жиды, мужчины, женщины, дѣти, всѣ вѣчно на улицахъ, всѣ въ вѣчномъ движеніи. Никого не увидишь, кромѣ жидовъ.

---

[1]) На 17 листахъ писчей бумаги мелкаго письма.

[2]) Какъ мало знали тогда правобережную *Малороссію* даже такіе образованные лѣвобережные малороссіяне, какимъ былъ М—чъ...

Я думаю, что имъ не совсѣмъ весело: некого обманывать, одуривать, обирать. Нѣтъ нашихъ мужичковъ. За то, надобно видѣть, какое важное происшествіе составляетъ проѣздъ или проходъ кого либо. Все приходитъ въ движеніе, въ суету—нельзя ли чѣмъ поживиться при этомъ случаѣ? Остановишся только наминуту; жиды и жидовки тотчасъ окружатъ васъ: «не нужно ли бритвъ, мыла, ваксы, мѣнять денегъ. Посмотрите то, посмотрите другое, не угодно ли кушать?—у насъ здѣсь все есть, что угодно; недавно гр. Виттенштейнъ у насъ обѣдалъ; всѣ знатные здѣсь останавливаются, если угодно я провожу...» Въ Бродахъ тоже биткомъ набито жидами и тоже все это на улицахъ. Но нигдѣ не представляются они въ такомъ жалкомъ видѣ, какъ въ таможнѣ. Они безпрестанно переходятъ изъ Россіи въ Австрію и изъ Австріи въ Россію, имѣя въ виду мелкіе выигрыши или выгоды; напр., пойдетъ въ старомъ платьѣ, тамъ его оставитъ и возвращается въ новомъ. Всякія поруганія не только мужчины, но и женщины готовы вытерпѣть, чтобъ только ихъ пропустили туда или оттуда»...

Какъ видно, евреи привлекли особенное вниманіе М—ча, несмотря на то, что онъ былъ постоянный житель Малороссіи, но дѣло въ томъ, что 55 лѣтъ назадъ въ лѣвобережной Малороссіи евреевъ *было еще мало*, даже и въ городахъ...

Переѣхавъ заграницу, М—чъ замѣчаетъ: «У поселянъ одежда родъ нашихъ степовыхъ кафтановъ, ушита тесмами и шнурками. Довольно красиво. Поселянки некрасиво одѣваются. *Видъ здѣшнихъ костюмовъ напоминаетъ мнѣ старинныя одежды у насъ въ Малороссіи*»...

7) *О нравственной жизни человѣка.* (1844 г.) «Это сочиненіе есть слѣдствіе разговоровъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго участь была близка сочинителю. Разсужденіе о томъ, что есть нѣкоторые предметы постоянныхъ заботъ человѣка, напр. здоровья, счастья, воспитанія, исправленія нравственности и проч. предметовъ первой важности для человѣка въ частности и для человѣчества вообще...» «Что между тѣмъ человѣчество, такъ много заботясь о себѣ, мало преуспѣваетъ». Затѣмъ авторъ излагаетъ свои мысли о томъ, какими способами можно подвинуть самоусовершенствованіе...

8) *Отвѣтъ на задачу, предложенную ученымъ комитетомъ м—ва госуд. имуществъ для конкурса на 1842—43 г.*— «Разсужденіе о настоящемъ состояніи хозяйства у крестьянъ земледѣльцевъ съ объясненіемъ причинъ экономическихъ и нравственныхъ, препятствующихъ развитію его и съ указаніемъ средствъ къ отвращенію оныхъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ—«Краткое, но ясное наставленіе, заключающее въ

себѣ основныя правила земледѣлія, доступныя понятіямъ и средствамъ крестьянъ и приноровленныя къ одной изъ трехъ полосъ Россіи: средней, сѣверной и южной или степной». Сочиненіе это удостоено золотой медали и, кажется, было тогда же напечатано. Для исторіи крестьянскаго быта и хозяйства въ южной Россіи оно не потеряло своего значенія и теперь.

9) *Наставленіе земледѣльцамъ.*—Рядъ указаній, которыя могутъ способствовать улучшенію экономической жизни крестьянъ.—Повидимому, составляетъ дополненіе къ предыдущему.

10) *Земледѣльческій календарь* (2 листа писчей бумаги)—составленъ въ 1849 г., по просьбѣ Гоголя, который писалъ М—чу:—«Подстрекаемый добротою вашей и расположеніемъ дѣлать пріятное пріятелямъ, безпокою васъ слѣдующею убѣдительною просьбою: составьте для меня маленькой сельской календарь годовыхъ работъ, какъ они производятся у васъ въ черниговской губерніи. По днямъ, т. е. съ какого святого какая начинается работа, какъ она и съ какими обрядами производится и какія существуютъ по этому поводу народныя поговорки и замѣчанія, обратившіяся въ правила и руководства...» Письмо это писано Гоголемъ въ к. іюня 1849 г., изъ Москвы, а 6 декабря онъ благодаритъ М—ча «за календарь[1])». Составленный по этому случаю календарь заключаетъ въ себѣ коротенькій дневникъ народныхъ праздничныхъ обычаевъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, гораздо подробнѣе нынѣ описанныхъ въ сборникахъ Чубинскаго и др.

11) *О распространеніи грамотности*, брошюра, напечатанная въ 1851 г. (М. 8°. 13 стр.) съ объясненіемъ, что эта записка была читана въ засѣданіи (московскаго) общества сельскаго хозяйства, въ

[1]) Древн. и Нов. Рос. 1879 г. № 1, 63—64. Письма Гоголя къ А. М. М—чу (числомъ 9), сообщенны Ѳ. М. Уманцомъ, который при этомъ приводитъ и коротенькія свѣдѣнія о М—чѣ, съ выдержками изъ его дневниковъ. Относительно этихъ свѣдѣній замѣтимъ, что М—чъ учиться въ С.-Петербургск. университетѣ не могъ уже и потому, что послѣдній былъ открытъ только въ 1819 году. Въ одномъ изъ примѣчаній, Ѳ. М. У—цъ, между прочимъ говоритъ, что А. М. М—чъ „находился въ близкомъ родствѣ съ историкомъ Малороссіи Н. А. Марковичемъ, и постоянно съ нимъ переписывался. Почти каждое письмо историка касается древностей Малороссіи". Родство А. М. М—ча съ авторомъ Исторіи Малороссіи было очень далекое; оба они были потомки двухъ разныхъ линій и были родичами не ближе какъ въ 6 степ. Письма Н. А. М—ча, о которыхъ говоритъ Ѳ. М. У—цъ напечатаны въ „Кіев. Стар." (1885 года, декабрь, 690), а „древности"—заключаются въ свѣдѣніяхъ о портретѣ предка Марковичей и въ перечнѣ документовъ о М—чахъ. Здѣсь же, между прочимъ, историкъ М—чъ называетъ прилуцкаго полковника Дм. Горленка—*зятемъ Мазепы*..

ноябрѣ 1850 г. Высказывая мысли свои о необходимости грамотности въ народѣ, М—чъ говоритъ, что однакожъ «первое при этомъ условіе состоитъ въ томъ, чтобы съ ученіемъ шло нераздѣльно воспитаніе». Возражая противъ тѣхъ, кто говоритъ, что «поселяне» по выходѣ изъ школы забываютъ выученное, М—чъ говоритъ: «если бы это и въ самомъ дѣлѣ было, то и то нельзя сказать, чтобы вовсе безполезно для дѣтей прошло время, въ которое они учились. Но несомнѣнно извѣстно, что развѣ очень немногіе изъ учившихся забываютъ грамоту, а всѣ рады случаю и возможности почитать...» Далѣе М—чъ говоритъ о необходимости обучать и дѣвочекъ, находя, что «онѣ еще большую надобность имѣютъ въ воспитаніи, чѣмъ мальчики», но «для успѣха въ воспитаніи дѣвочекъ, должно непремѣнно имѣть учительницъ...» Желая распространенія школъ по селамъ, М—чъ указываетъ, что заведеніе школъ «владѣльцами» не можетъ быть связываемо съ какою нибудь матеріальною выгодою. «Распространяя грамотность въ своихъ селахъ, владѣльцы имѣли въ виду (т. е. должны имѣть въ виду) только нравственное возвышеніе человѣка, уваженіе къ земледѣльцу, собственное свое удовольствіе...»

12) *О пользѣ ученія и о неохотѣ учиться.*—(Октябрь 1861 г.) Тетрадь въ 12-ть л., заключающая въ себѣ мысли о необходимости просвѣщенія вообще какъ для народа, такъ и для высшихъ классовъ, при чемъ авторъ приводитъ свои соображенія—какими путями удобнѣе всего распространять просвѣщеніе. Засимъ, излагается кодексъ нравственнаго воспитанія, основаннаго на религіи, подробное изложеніе истинъ христіанскаго ученія, обязанности гражданскія по отношенію къ обществу и государству, примѣры изъ русской исторіи о лицахъ, отличившихся исполненіемъ гражданскаго долга.—Особенно много распространяется авторъ о необходимости грамотности и воспитанія для народа. По поводу распространенія грамотности, М—чъ приводитъ примѣры—съ какою охотою народъ идетъ учиться и говоритъ: «когда въ недавнее время открылись воскресныя школы, то къ великому утѣшенію доброжелательныхъ людей, явились многія доказательства, какъ велико въ народѣ желаніе учиться. Напримѣръ, мальчики и дѣвочки, которые прежде съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали воскресенія или другого праздника, чтобы все время ничего не работать и ничѣмъ не заниматься, спѣшили въ воскресную школу даже гораздо прежде времени, назначеннаго для открытія училища; взрослые молодые люди, находившіеся въ ученіи у ремесленниковъ, къ несчастію обыкновенно провождающіе праздники непорядочно,

также приходили въ классъ. Самъ я видѣлъ солдатъ, сидящихъ рядомъ съ мальчиками за букваремъ; видѣлъ даже земледѣльца женатаго, поселянъ уже взрослыхъ, семейныхъ, неграмотныхъ, которые упрашивали или нанимали мальчиковъ грамотныхъ, чтобъ они учили ихъ азбукѣ. Видѣлъ семьянина приходившаго за 25 верстъ отъ города и нанявшаго въ городѣ квартиру для того, чтобы ходить въ воскресную школу...»

Относительно воспитанія народнаго авторъ указываетъ на значеніе при этомъ «картинъ и другихъ изображеній» и говоритъ: «каждый годъ въ Кіевъ приходитъ много странниковъ и странницъ, которые съ пребольшимъ любопытствомъ разсматриваютъ иконописныя работы, внутри и внѣ храмовъ, и желаютъ узнавать ихъ значеніе. Они обращаются къ незнакомымъ господамъ, прося ихъ разъясненія, или же складываются и договариваютъ монаха или причетника для истолкованія изображеній. Однажды мнѣ случилось видѣть, что на хорахъ нѣкоторое число женщинъ, осматривая мозаичную работу въ Софійскомъ кіевскомъ соборѣ, обратились къ одному господину [1]), спрашивая его объясненій. Господинъ, который самъ на это вѣжливо согласился, между прочимъ, указалъ имъ въ мозаикѣ изображеніе пресвятой Дѣвы Маріи, которая прядетъ. Эти женщины съ изумленіемъ услышали о томъ и съ большимъ напряженіемъ старались разсмотрѣть изображеніе и удостовѣрившись въ томъ, весьма были тѣмъ удивлены. Одна изъ нихъ сказала: «вотъ мы грѣшныя скучаемъ и жалуемся, когда намъ надо прясть, а сама Царица Небесная пряла». Господинъ имъ на это сказалъ: «конечно, любезная странница, можно иногда поскучать и пожаловаться, когда вамъ приходится прясть особенно много, но можетъ быть вамъ никогда не приходила мысль о томъ, какое доброе дѣло вы дѣлаете, когда занимаетесь этою работою. Вы трудами своими одѣваете и родителей своихъ, и мужей, и дѣтей...»

13) *Замѣтки по тюремному дѣлу.*—(1861г.). Говоря о преступленіяхъ и ихъ причинахъ, М—чъ пишетъ: «Между крестьянами крѣпостными воровство болѣе распространено было, чѣмъ между крестьянами свободными. Это произошло, конечно, не по винѣ владѣльцевъ, но по свойству самого установленія, основаннаго на неправдѣ. Народъ, конечно, чувствовалъ несправедливость и не считалъ за грѣхъ и стыдъ обкрадывать своихъ господъ...» Затѣмъ М—чъ указываетъ, какъ на одну изъ причинъ переполненія тюремъ, на медленность судопроизводства.

[1]) По всѣмъ вѣроятіямъ, этотъ „господинъ“ былъ самъ М—чъ,—такъ это на него похоже...

14) *Замѣчанія о народномъ здравіи*—были присланы М—чемъ, въ 1863 г., въ черниговскій губернскій статистическій комитетъ, въ отвѣтъ на извѣщеніе объ избраніи его въ члены комитета. «Удостоенный избраніемъ въ члены черниговскаго статическаго комитета и понимая всю важность науки, которая имѣетъ цѣлію уменьшить сумму бѣдствій человѣчества и прибавить, что возможно къ его благоустройству, я желалъ бы имѣть и болѣе познаній, и болѣе средствъ, чтобы быть въ возможности хотя милѣ содѣйствовать комитету въ полезныхъ его занятіяхъ...». Такъ М—чъ благодаритъ комитетъ за избраніе и на первый разъ представляетъ свои «замѣчанія о народномъ здравіи». Въ этихъ замѣчаніяхъ авторъ говоритъ, что «забота первой важности всякаго благоустроеннаго правительства есть охраненіе народнаго здоровья»—Затѣмъ, онъ высказываетъ свои мысли объ уменьшеніи пьянства. о предупрежденіи развитія въ народѣ сифилиса и о помощи больнымъ грыжею, при чемъ М—чъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ, по «которымъ народъ подвергается этому можно сказать, несчастью, (грыжамъ) указываетъ на «худое состояніе дорогъ...»

«Замѣчанія» М—ча прежде всего указываютъ на ближайшее его знакомство съ жизнью народа во всѣхъ ея мелочахъ: онъ, напр., разсказываетъ, какія причины чаще всего вызываютъ у крестьянъ воспаленіе легкихъ и т. д.

---

10. Какъ основалась „Кіевская Старина“.

Авторъ напечатанной въ январской книжкѣ «Трудовъ Кіевской духовной Академіи» статьи о П. Г. Лебединцевѣ, говоря объ участіи покойника въ основаніи «Кіевской Старины», въ концѣ добавляетъ: «мы, кажется, не ошибемся, если даже скажемъ, что именно онъ и былъ настоящимъ иниціаторомъ въ основаніи этого журнала».—Это замѣчаніе вызываетъ настоящее поясненіе—какъ это основаніе произошло на самомъ дѣлѣ.

Весною 1879 г., свидѣлись въ Кіевѣ два любителя малорусской старины (одинъ—кіевлянинъ, а другой—черниговецъ) и, разсуждая о необходимости основать здѣсь, въ Кіевѣ, историческій журналъ на манеръ *Русской Старины* или *Русскаго Архива*, затруднялись вопросомъ о лицѣ, которое могло бы взять на себя редакторство такого журнала. Перебравъ нѣсколько именъ, кіевлянинъ, наконецъ, оста-

новился на П. Г. Лебединцевѣ. По его мнѣнію, послѣдній могъ быть желаемымъ редакторомъ *Кіевской Старины* или *Кіевскаго Архива*, какъ по своей научной извѣстности, такъ и по своему общественному положенію, дававшему ему возможность легко получить и разрѣшеніе на изданіе предполагаемаго журнала.—Чтобы не откладывать дѣла,—сказалъ кіевлянинъ черниговцу,—поѣдемъ сейчасъ къ П. Г. Лебединцеву, я васъ познакомлю, а затѣмъ и поговоримъ... Сказано—сдѣлано, хотя былъ уже поздній вечеръ.—Поѣхали, любезно были приняты и, послѣ обычныхъ фразъ, кіевлянинъ изложилъ причину—нѣсколько страннаго по порѣ дня—визита.—Дѣло хорошее, отвѣчалъ Петръ Гаврилович, по обыкновенію, посмѣиваясь. Затѣмъ, поговоривъ еще о подробностяхъ изданія *Старины* или *Архива*, хозяинъ отвѣтилъ гостямъ, что взять на себя веденіе журнала онъ не можетъ, будучи очень занятъ, но, прибавилъ П. Г., пригодный для этого дѣла человѣкъ найтись можетъ, а кто онъ такой—объ этомъ де станетъ извѣстно тогда, когда сей человѣкъ согласится... На этомъ гости съ хозяиномъ и разстались.—Почти черезъ два года послѣ этого, въ нач. 1881 г., пишущаго эти строки посѣтилъ (въ Кіевѣ) Феофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ и, послѣ первыхъ фразъ знакомства, сказалъ, что онъ пришелъ къ нему, на-ряду съ другими, поговорить о планѣ и программѣ предполагаемой имъ къ изданію *Кіевской Старины*. При этомъ Ф. Г. пояснилъ, что когда онъ выслужилъ въ Холмѣ срокъ, дающій право на пенсію, то написалъ Петру Гавриловичу о своемъ раздумьи—что́ дѣлать послѣ отставки... Петръ Гавриловичъ отвѣчалъ брату, что можно заняться въ Кіевѣ какимъ нибудь дѣломъ и—при этомъ—какъ на одно изъ такихъ дѣлъ, указалъ на *изданіе Кіевской Старины*... Переселившись изъ Холма въ Кіевъ, Ф. Г. уже въ нач. 1881 г. сталъ хлопотать объ осуществленіи предложеннаго братомъ дѣла, а въ январѣ 1882 г. вышла первая книжка «Кіевской Старины».

---

11. Главнѣйшіе моменты изъ исторіи запорожскаго козачества. Д. И. Эварницкаго. (Русск. Мысль, янв. 1897 г., 99—115).

Статья съ приведеннымъ заглавіемъ составляетъ «пробную лекцію», читанную авторомъ въ московскомъ университетѣ въ октябрѣ 1896 г. Познакомившись съ этой лекціей, мы нашли въ ней отрывочный пересказъ главнымъ образомъ трехъ моментовъ: участія Запорожья въ войнѣ Б. Хмельницкаго съ поляками въ 1648 г., из-

мѣны запорожцевъ въ 1709 г. и уничтоженія Запорожской Сѣчи въ 1775 г. При этомъ въ лекціи встрѣчаются такія мѣста, которыхъ нельзя не отмѣтить. Напримѣръ. Начало *Запорожья* г. Э—ій относитъ въ XV в., но фактовъ для такого заключенія, какъ извѣстно, нѣтъ.— Противополагая запорожскимъ козакамъ, уже въ XVI в., козаковъ *городовыхъ*, г. Э—ій называетъ послѣднихъ *украинскими*, но извѣстно, что это терминъ позднѣйшій и притомъ очень неопредѣленный... Говоря объ устройствѣ «украинскихъ или городовыхъ козаковъ» Стефаномъ Баторіемъ, г. Э—ій сообщаетъ, что король далъ послѣднимъ «центральный городъ съ монастыремъ, шпиталемъ, смежной (?) землей, Терехтемировъ» и «разрѣшилъ имѣть собственный *въ городѣ Батуринѣ судебный трибуналъ*»... Добавленіе здѣсь свѣдѣнія о батуринскомъ судебномъ трибуналѣ въ к. XVI в.—не знаемъ, какъ и объяснить... Неужели же г. Э—ій въ своихъ изслѣдованіяхъ и до сихъ поръ пользуется «Исторіей Русовъ»? Вѣдь отсюда идетъ басня о батуринскомъ трибуналѣ въ то время, когда и о самомъ Батуринѣ еще помину не было.—Говоря о томъ, что запорожскіе козаки и послѣ отдѣленія отъ «украинскихъ», въ теченіе всего XVI и большей части XVII в., дѣйствовали вмѣстѣ и за одно съ ними, г. Э—ій добавляетъ, что «такъ они (вмѣстѣ) подвизались на островѣ Хортицѣ съ кн. Дмитріемъ Вишневецкимъ противъ татаръ, начиная съ 1556 г.» А между тѣмъ, немного выше, говорится, что «начало отдѣленія запорожскихъ отъ украинскихъ козаковъ положилъ Баторій не раньше 1576 г., т. е., значитъ, при Вишневецкомъ предполагаемаго раздѣленія еще не было... Вообще, г. Э—ій очень заботится о разрѣшеніи не разрѣшимаго вопроса—объ «отдѣленіи низовыхъ отъ городовыхъ козаковъ»... При этомъ г. Э—ій смотритъ на «украинскихъ или городовыхъ» козаковъ до Хмельницкаго, какъ на какое-то прочно регламентированное войско, при чемъ войско это лекторъ видитъ, напр., сражающимся во всѣхъ народныхъ возстаніяхъ противъ поляковъ отъ к. XVI и до Остряницы и Гуни включительно, говоритъ, что во всѣхъ этихъ возстаніяхъ запорожскіе и «украинскіе» козаки дѣйствовали совмѣстно... Но воевали въ это время съ поляками—не тѣ и не другіе, а воевалъ весь народъ, въ которомъ сливались и запорожцы, и «рестровые», выходившіе въ козачество изъ этого же народа. Послѣ подробнаго, преимущественно топографическаго, описанія желтоводскаго сраженія, г. Э—ій повторяетъ уже и прежде имъ сказанное (Ист. Запор. козак., II.), что «исходомъ желтоводской битвы Хмельницкій обязанъ былъ сколько татарамъ, столько же, если не больше того, и запорожцамъ, ихъ си-

лам, ихъ искусству строить укрѣпленія, ихъ арматам, вывезенным изъ Сѣчи, ихъ мужеству и стойкости»... Мы имѣли уже случай говорить, что эта тирада фактами не подтверждена и представляетъ одно измышленіе автора...

Очень странны тѣ страницы лекціи, гдѣ г. Э—ій, говоря о событіяхъ 1708—709 г., дѣлаетъ оцѣнку личности Мазепы, какъ политическаго дѣятеля, и затѣмъ старается доказать, что если бы не Мазепа и не Гордѣенко, то запорожцы не измѣнили бы царю. Вотъ что говорится о Мазепѣ: «онъ стремился ввести въ Малороссіи *панщину*; онъ хотѣлъ создать на Украйнѣ *мастное* (помѣстное?) *дворянское сословіе;* онъ *поощрялъ переходъ козаковъ въ крестьянское сословіе*, но запрещалъ переходъ посполитыхъ въ козаки. *Простой народъ скоро разгадалъ истинныя стремленія Мазепы и отвратился отъ него всей душой, такъ что въ концѣ концовъ имя Мазепы съ омерзѣніемъ стало произносить и каждымъ простолюдиномъ изъ запорожцевъ.»* Указывая на эти черты дѣятельности Мазепы и отношеніе къ нему народа, авторъ доказательствъ не приводитъ и не объясняетъ, когда именно народъ прозрѣлъ «истинныя стремленія» Мазепы, до 1708 года или—только уже послѣ?...

Желая хоть сколько-нибудь извинить запорожцевъ въ ихъ измѣнѣ царю въ 1709 г., г. Э—ій говоритъ далѣе, что *«запорожцы долго боролись сами съ собой»*, прежде чѣмъ рѣшиться на такой шагъ, какъ открытая война съ русскимъ царемъ... Къ сожалѣнію, при этомъ не говорится—въ какихъ фактахъ лекторъ усмотрѣлъ это «бореніе»...

Очень странно изложеніе причинъ уничтоженія Запорожья. Такъ, сначала, «ближайшею изъ причинъ уничтоженія Запорожья» г. Э—ій называетъ поселеніе, по рѣчкамъ Ингулу и Бахмуту, сербовъ, при императрицѣ Елизаветѣ, и возникновеніе враждебныхъ со стороны запорожцевъ отношеній къ этимъ поселенцамъ, но тутъ же добавляетъ, что «главнѣйшею причиною уничтоженія Запорожья было то обстоятельство, что *весь строй запорожскаго войска съ его широко-демократическими началами не подходилъ къ коренному строю Великой Россіи...»* Императрица видѣла, говоритъ лекторъ, что въ Россіи существуетъ община, которая, хотя и признаетъ себя зависимой отъ русскаго правительства, но самовольно выбираетъ себѣ старшину, самовольно казнитъ и милуетъ преступниковъ, самовольно старается входить въ сношенія съ державными лицами сосѣднихъ государствъ (это—во второй то половинѣ XVIII вѣка?), самовольно принимаетъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ порядками (?) центральной Россіи и, по

всему этому, *заводить у себя такіе порядки, которые служать уже началомъ настоящаго государства»* и т. д. Указавъ эти причины, г. Э—ій ни слова не говорить о томъ, что въ XVIII в. историческая роль Запорожья уже была сыграна и что въ это время члены этой «общины съ почти независимымъ народоправленіемъ»—занимались тѣмъ, что «шатаясь по степямъ, татарамъ и польскимъ обывателямъ обиды творили...» (Зап. Одесск. Общ. Истор., т. XIV, «Матеріалы» А. А. Андріевскаго).

Въ заключеніи лекціи находимъ не какой либо выводъ лектора объ историческомъ значеніи Запорожья, а свѣдѣніе о томъ, что въ 1887 году онъ посѣтилъ Соловецкій монастырь и нашелъ тамъ надгробную плиту послѣдняго кошеваго атамана Калнышевскаго съ длинною надписью, полнымъ текстомъ которой и заканчивается лекція...

Все сказанное можетъ служить указаніемъ на весьма неполное знакомство г. Эварницкаго съ исторіей Запорожья.

---

12. Поѣздка въ Полтаву.

(П. Г. В—ву).

Посѣтивъ лѣтомъ 1896 г. Полтаву, мы увидали тотъ же тихій, патріархальный „губернскій городъ", какимъ онъ былъ и 25-ть лѣтъ назадъ, когда мы въ послѣдній разъ тамъ были: ничего въ Полтавѣ, за этотъ промежутокъ, не прибавилось, ничего и не убавилось... Тѣ же живописные виды на Заворсклье, тѣ же заросшіе садами домà и домики, тѣ же плохіе пѣшеходы... Однѣ лишь обширныя лавки своимъ полуразрушеннымъ видомъ непріятно бросаются въ глаза, напоминая о нѣкогда бурлившей здѣсь Ильинской ярмаркѣ.

Пріютились мы на „Кобыщанахъ", среди садовъ, и послѣ первыхъ привѣтствій съ нашими амфитріонами, стали ихъ распрашивать о полтавскихъ новостяхъ. Отвѣтъ былъ тотъ, что полтавскіе обыватели живутъ „помаленьку", какъ жили и прежде... Впрочемъ, въ это время въ Полтавѣ еще не забылся „инцидентъ", имѣвшій мѣсто въ губернскомъ земскомъ собраніи 4 декабря 1895 г. Надолго памятный самъ по себѣ, этотъ инцидентъ увѣковѣченъ еще и мѣстными поэтами. „Произведеніе" одного изъ нихъ газеты разнесли по всѣмъ земскимъ и незем-

скимъ губерніямъ. Несомнѣнно, что внуки теперешнихъ полтавцевъ будутъ комментировать эти стихи, доискиваясь—

> Кто розгу отстоять съумѣлъ,
> Кто былъ и мудръ, и прямъ, и смѣлъ,
> Благословлять кого намъ надо—
> Учить и взрослыхъ, и дѣтей...

И будутъ при этомъ внуки дивиться суровости нравовъ своихъ дѣдовъ...

Другое произведеніе, воспѣвшее полтавское событіе, въ печати не появлялось и врядъ ли скоро и появится... Принадлежитъ оно другому мѣстному поэту и называется „*Розмова двохъ кумивъ про земськи дила*“. Поэтъ, нарисовавъ картину земскаго собранія и портреты главныхъ его дѣятелей (конечно, безъ именъ), приводитъ затѣмъ рѣчи гласныхъ по вопросу—чтобы „не шмагать ризками того, хто школу покинчитъ“ въ томъ соображеніи, что „якъ будуть знать про те селяне, то будутъ бильшъ дитей учить“... Одинъ изъ гласныхъ на вопросъ: „чи вартъ то ризгу скасувать“? доказывалъ, что „вона для темного народу—маты...“. Другой гласный, поддерживая перваго („и справди, мати имъ вона!“), распространился на тему, что если розга будетъ уничтожена, то взамѣнъ должна явиться тюрьма, но тюрьма погубитъ де „селянскую“ душу навѣки...

Послѣ рѣчей, вопросъ балотировали, и результатъ оказался въ пользу „розги“.

Такой результатъ вызываетъ у одного изъ кумовьевъ замѣчаніе, что „одна душа имъ (защитникамъ розги) наша мыла... Про шкуру жъ байдуже воны!“.

Ѣхали мы въ Полтаву, между прочимъ, и съ цѣлію поискать тамъ всяческихъ свѣдѣній о Котляревскомъ въ виду приближенія юбилейнаго 1898 года.—При разговорахъ на эту тему, намъ напомнили о полтавскомъ старожилѣ Степанѣ Павловичѣ Стеблинѣ-Каменскомъ, умершемъ лѣтъ десять назадъ и оставившемъ де послѣ себя многолѣтній дневникъ[1]). Отецъ Ст. П—ча

[1]) Ст. Павл. Ст.-К—кій былъ въ Полтавѣ очень популярнымъ человѣкомъ. Онъ былъ стародавній тамъ учитель, обучившій чуть не два поколѣнія полтавцевъ и, кромѣ того, постоянно писавшій стихи на разные „случаи“.

Ст.-К—аго служилъ, въ тридцатыхъ годахъ, непремѣннымъ членомъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія, въ то время, когда Котляревскій былъ надзирателемъ полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ и попечителемъ тамошняго богоугоднаго заведенія, — учрежденій подвѣдомственныхъ приказу. Быть можетъ, совмѣстная служба была причиною сближенія Ст.-К—аго съ Котляревскимъ, но во всякомъ случаѣ у Котляревскаго, въ его старости, не было болѣе близкаго человѣка, какъ Ст.-Каменскій. Въ виду этого пріятельства являлась надежда найти что нибудь о Котляревскомъ въ дневникѣ Ст.-Каменскаго-сына, начатомъ еще за жизни автора украинской Энеиды.

Добыть этотъ дневникъ казалось нелегко въ виду тяжкой въ то время болѣзни его владѣльца Ег. Ст. Стеблина-Каменскаго. Но нашъ амфитріонъ попытался и попытка удалась: нѣсколько тетрадокъ онъ успѣлъ получить отъ больного, который черезъ три дня послѣ того скончался...

Начинается дневникъ Ст. П—ча, въ добытыхъ тетрадкахъ, съ 1838 г., т. е. съ того года, въ который Котляревскій умеръ. Въ тетрадкѣ за этотъ годъ мы нашли и о немъ свѣдѣнія, но къ сожалѣнію, лишь за время, слѣдовавшее уже за его смертью. Всѣ эти свѣдѣнія не лишены интереса для біографіи Котляревскаго и мы ихъ приводимъ здѣсь въ буквальныхъ выпискахъ.

1838 г., 29 окт. Утромъ, возвратясь изъ классовъ, узналъ, что за папенькою присылали отъ Котляревскаго съ вѣстью, что онъ умираетъ. Послѣ обѣда, по возвращеніи моемъ, я узналъ, что и маменька туда уже поѣхала и что Ивана Петровича уже не стало. Вѣсть эта, хотя ожиданная, тронула меня сильно. Папенька въ Котляревскомъ лишился послѣдняго своего пріятеля и друга, да и вообще какъ то горько было помыслить, что у насъ нѣтъ уже Котляревскаго. Онъ прожилъ 69 лѣтъ, родился въ одинъ годъ съ Наполеономъ, 1769 г. Разсказываютъ, что не задолго до кончины, приказалъ подать себѣ колокольчикъ, а другой—слугѣ, и звонилъ, воображая вѣроятно звонъ, какой будетъ по его кончинѣ. Онъ умеръ въ памяти, но безъ словъ, ибо за три дня почти не могъ уже говорить.. И. Петр. скончался послѣ обѣда, въ 2 ч. 35 мин., послѣ четырехнедѣльной болѣзни. За недѣлю онъ пріобщился св. тайнъ.

30 окт. Зашелъ поклониться праху И. Петр., котораго вечеромъ вынесутъ въ соборъ, а завтра похоронятъ. Возвратясь домой, надумалъ и написалъ надгробную рѣчь Котляр., которую, кажется, не рѣшусь привести въ дѣйство, да и нельзя отлучиться изъ гимназіи завтра.

31 окт. Утромъ пошелъ къ Неводовскому просить за воспитанниковъ, чтобы они были при погребеніи Котляревскаго, на что Павелъ Титовичъ изъявилъ свое согласіе. Отпросился у директора не быть въ классахъ. Въ $9^1/_2$ час.. отправился въ соборъ, гдѣ произнесъ рѣчь надъ гробомъ И. П., многимъ понравившуюся. Шелъ пѣшкомъ за гробомъ до кладбища. Музыка военная играла всю дорогу. Я былъ тронутъ глубоко потерею Котл., незамѣнимою для Малороссіи. Обѣдалъ у хозяйки Котл., за поминальнымъ столомъ.

1 нояб. Получилъ двѣ записки отъ Буткова [1]) на счетъ некрологіи Котляревскаго, которую онъ меня проситъ написать. Однако не смотря на собственное желаніе, этого сдѣлать скоро нельзя по той причинѣ, что еще неизвѣстны разные нужные къ тому матеріалы. Впрочемъ, я просилъ папеньку, и онъ ѣздилъ нарочно, взялъ бумаги И. П. и завтра разберетъ, также самъ напишетъ что нужно. Между тѣмъ и я, оставивъ свои занятія, большую половину вечера просидѣлъ, бросая наскоро замѣтки и мысли, кои послѣ войдутъ, можетъ быть, въ составъ некрологіи.

2 ноябр. Сидѣлъ за некрологіей Котл., которой все еще не привелъ къ концу. Между тѣмъ прислалъ папенька свою записку и она такъ хорошо написана, что измѣнивъ и прибавивъ немногое, завтра можно будетъ кончить.

3 ноябр. Кончилъ и переписалъ, послѣ поправокъ Буткова, некрологію И. П. Котляревскаго, для отпечатанія въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ.*

5 ноябр. Прочиталъ вслухъ (въ семьѣ) малороссійскій водевиль покойнаго Котляревскаго «Солдатъ Чарывникъ» (sic.). Сюжетъ взятъ изъ извѣстной сказки народной, по разсказанъ хорошо, съ приложеніемъ приличныхъ пѣсень.

13 ноябр. Цѣлый день былъ занятъ составленіемъ подробнѣйшей некрологіи Котл. для *Сѣверной Пчелы*, для чего взялъ у папеньки нѣкоторыя бумаги покойнаго и письма къ нему литераторовъ.

---

[1]) Кажется, инспекторъ гимназіи. А. Л.

18 ноябр. По желанію Софьи (жены), прочелъ вслухъ у маменьки Энеиду Котл., 4 части печатныхъ и нѣсколько отрывковъ, писанныхъ рукою покойнаго.

11 дек. Софья ѣздила къ хозяйкѣ Котляревскаго и привезла французскую библію (стереотипное изданіе въ Лондонѣ), которую намѣренъ оставить въ память Котляревскаго.

Изъ записанныхъ здѣсь подробностей, между прочимъ, видимъ, что тотъ біографическій очеркъ Котляревскаго, который напечатанъ въ *Сѣверной Пчелѣ* 1839 г. (№ 146), составленъ С. П. Стеблинымъ-Каменскимъ *по бумагамъ умершаго и по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ біографу его отцемъ, ближайшимъ пріятелемъ Котляревскаго.* Свѣдѣніе это важно въ томъ отношеніи, что эта коротенькая біографія Котляревскаго и до сихъ поръ служитъ единственнымъ источникомъ достовѣрныхъ о немъ свѣдѣній. Пользуясь случаемъ, выписываемъ изъ статьи Стеблинъ-Каменскаго существенныя для знакомства съ личностью Котляревскаго мѣста. Эти выписки особенно могутъ пригодиться теперь, въ виду возбужденнаго интереса къ литературной дѣятельности автора украинской Энеиды.

„По окончаніи курса наукъ въ полтавской духовной семинаріи, Котляревскій нѣсколько времени занимался въ частныхъ помѣщичьихъ домахъ воспитаніемъ дѣтей. Въ этотъ періодъ жизни своей, по словамъ современниковъ, бывалъ онъ на сходбищахъ и играхъ простолюдиновъ и самъ переодѣтый участвовалъ въ нихъ, прилѣжно вслушивался и записывалъ слова малороссійскаго нарѣчія, изучая такимъ образомъ языкъ и наблюдая нравы, обычаи, повѣрья и преданія украинцевъ. Время показало, что это было слѣдствіе поэтической дѣятельности, для удовлетворенія которой на родномъ нарѣчіи Котляревскій избралъ поэму Виргилія... По долгомъ обдуманномъ приготовленіи, онъ рѣшился переложить Энеиду Виргилія на малороссійское нарѣчіе. Изъ собранныхъ свѣдѣній извѣстно, что первыя три части Энеиды написалъ онъ, едва вступивъ въ военную службу; эти три части были напечатаны безъ вѣдома автора[1]), съ боль-

[1]) Въ двухъ изданіяхъ, 1798 и 1808 г. г., описаніе которыхъ см. въ „Основѣ" 1861 г., февр., 173. Изданіе 1808 г. очень рѣдко и, повидимому, даже рѣже, чѣмъ первое изданіе. Въ Кіевѣ оно есть у В. П. Наумова.

шими ошибками и опущеніями. Исправивъ ихъ и написавъ 4-ю часть, Котляревскій посвятилъ (свою поэму) помѣщику полтавской губерніи Семену Михайловичу Кочубею, иждивеніемъ котораго напечатаны четыре части Энеиды въ 1809 году... [1]). Къ сожалѣнію, сочиненіе не было окончено; продолженіе обѣщано въ дальнѣйшемъ времени. Обязанности службы и другія обстоятельства препятствовали автору самому обновить поэму изданіемъ, но написавъ впослѣдствіи 5 и 6-ю части, онъ передалъ право изданія всѣхъ шести частей, въ 1838 г., надв. сов. Волохинову... Въ 1819 г., для существовавшаго въ Полтавѣ театра, которымъ управлялъ Котляревскій, написаны имъ двѣ небольшія піесы: *Полтавка*, народная опера, и *Москаль Чаривныкъ*... Передавъ обѣ піесы для напечатанія г. Срезневскому (Изм. Ив.), авторъ незадолго до смерти видѣлъ уже *Полтавку* напечатанною въ „Украинскомъ сборникѣ" г. Срезневскаго"...

„Кромѣ главныхъ сочиненій, Котляревскій занимаясь собраніемъ малороссійскихъ пѣсенъ, помѣщалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ повременныхъ изданіяхъ... Знанія его въ исторіи Малороссіи и вообще во всемъ, касающемся до народнаго быта Украины, были весьма обширны... Котляревскій любилъ бывать въ обществахъ... Былъ душою всякой компаніи... Обладалъ прекраснымъ даромъ разсказывать умно и весело, при чемъ употреблялъ аллегорически пословицы и разныя мѣста изъ книгъ, большею частію священнаго писанія. Разговоръ его оттѣнялся природнымъ нарѣчіемъ, но былъ живъ, увлекателенъ..." [2]).

Вотъ короткія, но, повидимому, вполнѣ вѣрныя свѣдѣнія о Котляревскомъ, какъ человѣкѣ и писателѣ, исходящія отъ

---

[1]) Сем. Мих. Кочубей, (внукъ генер. обозного, а потомъ члена малороссійской коллегіи), былъ извѣстный полтавскій богачъ, занимавшій одно время (1805—1808) должность полтавскаго губ. предводителя. Одинъ изъ его родичей разсказываетъ, что С. М. К—бей „пышно и роскошно жилъ въ Полтавѣ, пока не промоталъ 7000 душъ крестьянъ, послѣ чего умеръ въ бѣдности..." „Записки Арк. Вас. Кочубея (Спб., 1890), стр. 13—14.

[2]) Выписка сдѣлана по рукописи, найденной въ бумагахъ Ст. П. Стеблинъ-Каменскаго. Приведенныя здѣсь подробности служили основаніемъ и для біографическаго очерка, помѣщеннаго въ „Основѣ" 1861 г., февраль, хотя авторъ очерка говоритъ, что эти свѣдѣнія онъ получилъ де отъ А. В. Терещенка.

близкаго къ нему человѣка—Ст.-Каменскаго-отца. Послѣдній свидѣтельствуетъ, что Котляревскій хорошо былъ знакомъ съ исторіей Малороссіи и съ ея народнымъ бытомъ. Слѣдуетъ думать, что эти знанія обусловливались особою любовью поэта къ своей родинѣ, но какихъ либо болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній объ этомъ у насъ не имѣется. Нѣтъ у насъ ни мемуаровъ, въ которыхъ современникъ поэта знакомилъ бы насъ со степенью его родинолюбія, ни писемъ самого поэта, которыя сказали бы что нибудь о его субъективныхъ отношеніяхъ къ родинѣ. И, повидимому, трудно надѣяться, чтобы такого рода свѣдѣнія когда либо и явились уже... Имѣется, впрочемъ, одно такое свѣдѣніе о Котляревскомъ, исходящее будто бы отъ его современника, при чемъ современникомъ этимъ является извѣстный полякъ Падурра, сочинявшій малорусскія пѣсни. Въ его біографіи, написанной не извѣстно кѣмъ, но человѣкомъ, имѣвшимъ въ рукахъ бумаги Падурры [1]), имѣется извѣстіе, что послѣдній въ 1826 году странствовалъ по Полтавской губерніи, „w ubogim kozaczym stroju, jako wędrowny lirnyk", при чемъ онъ побывалъ и въ самой Полтавѣ. Объ этомъ его посѣщеніи сообщается, что „бродячій лирникъ", прибывъ въ этотъ городъ, прежде всего сталъ знакомиться съ народомъ; заходилъ для этого въ бѣдныя хаты (do ubogich domków), игралъ тамъ на своемъ инструментѣ, пѣлъ пѣсни, разсказывалъ сказки, и такимъ образомъ сблизился съ народомъ и заинтересовалъ его собою... Это было де лѣтомъ, когда шли въ школѣ (гимназіи?) экзамены. По окончаніи экзаменовъ, былъ назначенъ день для раздачи наградъ. Въ этотъ день Падурра явился де въ университетскомъ (?) зданіи (zbliżył się do uniwersyteckiego gmachu) и, выбравъ удобный моментъ, запѣлъ сначала своего „lirnika", а потомъ „zaporożca"... Молодежь заволновалась, поднялся шумъ—и пѣвецъ былъ вынесенъ изъ залы уже на рукахъ этой самой молодежи... Пробылъ Падурра въ Полтавѣ цѣлый мѣсяцъ и при этомъ будто бы познакомился съ Котляревскимъ, поэтомъ и тамошнимъ жителемъ,

[1]) Prawdziwy życiorys Tomasza Padurry, skreślony przez*** ****. Poznań 1875. 8 д. л., 93 стр. Повидимому, настоящій очеркъ не имѣетъ ничего общаго со статьею о Падуррѣ Пржиборовскаго. Bibliot. Warsz., 1872 г., IV).

(poetą i obywatelem swojego kraju). При одной изъ бесѣдъ съ Падуррою, Котляревскій сказалъ де ему: „Cheruwimy twij hłas! dii naszy w twoich piśniach zahomoniat ta ne woskresnut!.. Skazawszy twoim słowom: proszłyst, w slozach—z pamiatok, prach—a dii snom!... Anafima! bud proklat, chto ich hnojom prysypaje“!!! [1]). Прощаясь съ Падуррою, Котляревскій собственноручно написалъ ему, на память, вступленіе къ своей Энеидѣ, начинающееся такъ: „Buw sobi Enej kozak motorny“... (Стр. 46—47).

Весь ли этотъ разсказъ, цѣликомъ, представляетъ небылицу или тутъ есть капля и правды?... Повѣствованіе о посѣщеніи Падуррою полтавской гимназіи (полагаемъ, что о ней хотѣли говорить) и о пѣніи тамъ имъ своихъ пѣсенъ—разумѣется, есть чистая небылица... Нельзя допустить также, чтобы Падурра и могъ быть на лѣвомъ берегу Днѣпра въ той обстановкѣ, о какой говоритъ его біографъ... Повидимому, весь этотъ разсказъ есть *позднѣйшаго* сочиненія басня [2]).

---

[1]) Приводимъ эту тираду въ подлинникѣ, такъ какъ осмысленный ея переводъ едва ли возможенъ..

[2]) Есть и другая біографія Падурры, помѣщенная при посмертномъ изданіи его сочиненій (Pyśma Tymka Padurry. Wydanie posmertne z awtografiw. Lwiw. 1874. 8 д. л. LXVI+420 стр.). И здѣсь есть разсказъ о посѣщеніи Падуррою лѣвобережной Малороссіи. Но здѣсь уже прямо говорится, что Падурра отправился сюда въ 1828 г., въ виду готовившагося польскаго возстанія, послѣ совѣщанія съ твоимъ патрономъ гр. Вацл. Ржевусскимъ („Эмиръ“, „Золотая Борода“), съ цѣлью—„przygotować tych ukraińców do tego“, т. е. къ *совмѣстному возстанію*. При этомъ де Падурра не сомнѣвался, что „kozaczyzna musi powstać razem z lachami, a jéj atamanem i przewódcą w boju będzie Złota Broda“... Тутъ же говорится: „Zimę z r. 1828 po 1829 przebył Padurra w okolicach między Baturynem, Konotopem i Hadziaczem, i *gdy mu się zdało, że po całorocznych trudach śpiewaniem i opowiadaniem przygotował już dostatecznie wnuków wolnych niegdyś przodków do wspołnej sprawy z Polską*, puścił się z powrotem na Podole i Wołyń“. (Стр. XXXVIII). Трудно объяснить происхожденіе и этой небылицы... Остается допустить, что она основана на разсказахъ самого Падурры, который въ позднѣйшіе годы своей жизни († 1871 г.) могъ выдумывать подобныя басни, какъ извѣстный Чайковскій (Садыкъ-Паша), называвъ себя правнукомъ гетмана Брюховецкаго, выдумалъ и его *мемуары*, состоявшіе де „изъ семи огромныхъ книгъ, переплетенныхъ въ пергаментъ и исписанныхъ

После дневников Ст.-Каменскаго, нам указан был Полтавскій земскій музей, о котором мы знали и прежде из коротенькой о нем замѣтки, напечатанной когда-то в „Кіевской Старинѣ." Подробныя свѣдѣнія об этом музеѣ имѣются в отчетах полтавской губернской земской управы за 1891 и 1892 г. г. Были напечатаны и отдѣльныя брошюрки с указаніем на содержаніе музея. Музей полтавскаго земства пока заключает в себѣ предметы „трех царств природы" и частью издѣлія гончарной кустарной промышленности. Но, как слышно, земство не отказывается и от мысли—ввести в свой музей отдѣл историческій. Как бы для начала его, в музей прислана кѣм то из уѣздных обывателей козацкая пика (*спис*), на *ратищѣ* которой, вбитыми в дерево гвоздиками, *написано*: „1709 года." К сожалѣнію, никаких свѣдѣній о том, гдѣ и у кого нашелся этот спис—в музеѣ не имѣется.

Осмотрѣв музей при помощи предупредительнѣйшаго его хранителя Н. М. О—аго, мы остановились на гончарных издѣліях м. Опошни, и особенно на издѣліях одного из ея кустарей *Ивана Гладыревскаго*, обращающих на себя особое вниманіе своим разнообразіем. От Н. М. О—аго получили мы свѣдѣніе о давно уже изданном полтавскою губернскою земскою управою альбомѣ гончарных издѣлій, о котором не приходилось и слыхать. Изданіе это заслуживает подробнаго упоминанія. Заголовок его такой: *Мотивы малороссійскаго орнамента гончарных издѣлій. Изданіе полтавскаго губернскаго земства. 1883 г.* Рисункам предшествует коротенькое поясненіе: „Изслѣдованіе гончарнаго промысла в полтавской губерніи, произведенное профессором г. Зайкевичем [1]), имѣло результатом собраніе образцов этого производства с их оригинальными рисунками и украшеніями. Собрав из них наи-

---

ич (*Брюховецким*) *собственноручно, прозой и стихами, по польски, по русски и по латыни*"... „Кіев. Стар." 1890 г., январь, стр. 46.—О посѣщеніи Падурою Полтави—біографія 1874 года не упоминает.

[1]) Тут же, в примѣчаніи, добавлено: „К сожалѣнію многосложныя занятія автора не дали до сих пор ему возможности приготовить описаніе этого изслѣдованія". Послѣднее, сколько знаем, и до сих пор не появлялось в печати.

болѣе типичные, полтавская губернская управа, независимо значенія ихъ, какъ иллюстрацій къ имѣющему выйти изслѣдованію объ этомъ промыслѣ[1]), полагала, что изданіемъ рисунковъ гончарнаго орнамента она окажетъ несомнѣнную услугу какъ художественной промышленности, такъ и знатокамъ и любителямъ мѣстнаго народнаго творчества въ той или другой области".—Альбомъ заключаетъ въ себѣ 21 таблицу. Первыя 15-ть таблицъ представляютъ рисунки разнаго рода „мисокъ, мисочокъ и талѣрокъ". На слѣдующихъ трехъ таблицахъ помѣщены изображенія разнаго рода горшковъ, преимущественно „варяльниковъ," т. е. горшковъ, въ которыхъ варятъ „борщи," „юшки," „кулиши..." На 19-й таблицѣ помѣщены „глечики" (кушины) и „тыквы," т. е. сосуды для жидкостей (молока, воды...). На этой таблицѣ интересны не только рисунки, но и самая форма сосудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые напоминаютъ форму античныхъ сосудовъ... На 20-й таблицѣ видимъ сосуды фантастическихъ формъ, напр.—кушинъ въ формѣ *барана*. Сосуды эти выкрашены преимущественно красною краскою и затѣмъ разрисованы узорами зеленаго цвѣта. Два кушина—на этой таблицѣ—съ зелеными узорами сильно напоминаютъ востокъ... Послѣдняя таблица занята рисунками „кафель", т. е. изразцовъ, шесть видовъ которыхъ имѣютъ всѣ—различные узоры.

Очень жаль, что альбомъ не имѣетъ поясненій—изъ какихъ мѣстностей, по крайней мѣрѣ, взяты изданные орнаменты и какіе изъ нихъ принадлежатъ къ старымъ типамъ, а какіе представляютъ собою плодъ уже новѣйшаго сочиненія. Особенно интересны были бы этого рода свѣдѣнія относительно рисунковъ, помѣщенныхъ на таблицѣ 20-й. Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время гончарныя издѣлія м. Опошни положительно входятъ въ моду, особенно издѣлія гончара Гладыревскаго, причемъ мода эта вызываетъ *новѣйшія варіаціи* въ издѣліяхъ... Запросъ на опошнянскія издѣлія породилъ уже, напр., „талѣрки"

---

[1]) Разумѣется изслѣдованіе г. Зарѣцкаго. См. „Кіевск. Стар." 1894 года, декабрь, стр. 507.

съ рельефами полногрудыхъ нимфъ... Какъ-то странно видѣть на оборотѣ такихъ „талѣрокъ" клейно—„*Федоръ Чиреенко. м. Опош.*".

Почти одновременно съ альбомомъ полтавскаго земства явилось подобное изданіе и въ Львовѣ. Въ 80-хъ годахъ тамъ начата была печатаніемъ цѣлая серія такихъ альбомовъ подъ заглавіемъ—*Wzory przemysłu domowego na Rusi, wydane przez museum przemysłowe lwowskie. Zebrał i zestawił Ludwik Wierzbicki.*—Въ 5-й серіи этого изданія заключаются *Wyroby gliniane włościan na Rusi.* (*Kossow*). Въ рецензіи объ этихъ изданіяхъ, напечатанной во львовской газетѣ *Зоря* (1882 г., № 18, стр. 288) говорится, что изданные г. Вержбицкимъ орнаменты гончарныхъ издѣлій взяты преимущественно съ работъ умершаго коссовскаго гончара Бахминскаго, очень распространенныхъ, такъ какъ работы его, по словамъ газеты, находятся во многихъ музеяхъ, начиная съ вѣнскаго. Интересно было бы сравнить издѣлія полтавскихъ гончаровъ съ коссовскими... Какъ уже сказано, опошнянскіе гончары въ послѣднее время стали замѣнять старые орнаменты на своихъ издѣліяхъ—новыми, и поэтому теперь слѣдуетъ привести въ извѣстность, по возможности, всѣ старые здѣшніе орнаменты, которые когда то и откуда то принесены въ Полтавщину и которые рано или поздно дождутся своего изслѣдователя... А для облегченія работы послѣднему было бы къ мѣсту пріобрѣсти полтавскому музею и альбомъ Вержбицкаго—*глиняныхъ издѣлій*, тѣмъ болѣе, что этихъ альбомовъ, сколько знаемъ, нѣтъ, напр., даже и въ Кіевѣ.

Въ заключеніе пожелаемъ развитія историческому отдѣлу полтавскаго музея. А до какого развитія могутъ достигать такіе музеи и въ небольшихъ центрахъ—указываетъ тверской музей, созданный притомъ энергіей одного человѣка!

---

13. О малороссійскихъ переписныхъ книгахъ 1666 г. Вит. Эйнгорна. *М. 1895. 8 д. л. 9 стр.*[1]).

Когда въ 1665 г. Брюховецкій согласился на обложеніе малорусскаго посполъства денежными поборами въ казну государеву, то

[1]) Отдѣльный оттискъ изъ Чтеній въ общ. истор. и древн. россійск., 1895 г. кн., 4.

потребовалась подворная перепись этого посполитства; посланы были въ Малороссію переписчики, и въ 1666 г. произведена была перепись, которая должна была представить точныя свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи каждаго плательщика, чтобы «на основаніи этихъ свѣдѣній отнести его къ тому или другому разряду, по количеству слѣдовавшихъ съ него сборовъ». Переписаны были «всякіе чины жилецкихъ промышленныхъ и таглыхъ людей, а въ селахъ и деревняхъ рестьяне и бобыли по именамъ, кто именно какими угодьи владѣлкютъ и сколькими волами и коньми пашню кто пашетъ и своими ъ или чужими, опричь козаковъ и козацкихъ земель и угодій». Также переписаны были «належащія къ городамъ, селамъ и деревнямъ угодья: рѣки, озера, рыбныя ловли, бобровые гоны, звѣриныя стойла и бортвыи ухожаи и насеки, и мельницы, и руднu и иные заводы». Перепись 1666 г. нѣсколько извѣстна уже по тѣмъ отрывкамъ, которые приведены изъ нея Костомаровымъ въ «Руинѣ» относительно Переяславскаго и Нѣжинскаго полковъ. Костомаровъ заимствовалъ свои отрывки изъ найденныхъ имъ въ Моск. арх. мин. юстиціи неполныхъ переписныхъ книгъ, которыя послѣ окончанія переписи, привезены были въ Москву и сданы въ малороссійскій приказъ. Кромѣ напечатанныхъ Костомаровымъ отрывковъ, остальныя переписныя книги оставались въ неизвѣстности. Въ послѣднее время нашелъ значительную ихъ часть г. Эйнгорнъ, о чемъ и сообщаетъ въ названной брошюрѣ. Найдено описаніе Стародубскаго полка, оказавшееся въ моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, а въ архивѣ министерства юстиціи оказались: часть Нѣжинскаго полка (Батуринъ, Бахмачъ, Конотопъ, Нов. Млины), часть Черниговскаго, часть Полтавскаго и полныя описанія полковъ; Кіевскаго, Лубенскаго, Миргородскаго и Прилуцкаго. Какія именно заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія переписныя книги, это видно изъ приведенныхъ г. Эйнгорномъ отрывковъ, къ сожалѣнію очень коротенькихъ. Вотъ одинъ такой отрывокъ: «Города Батурина мѣщанинъ Климъ Лукьяновъ, у него два сына Левка и Лучка, пашенной человѣкъ, пашетъ четырьмя волами, у него жъ конь для промыслу, конемъ не пашетъ; положено на него денежного оброку 8 алтынъ 2 денги, а по малороссійски полкопы. Мѣщанинъ убогій человѣкъ Степанъ Григорьевъ, у него два сына Ивашка да Васка, живетъ въ чюжой избѣ; положено на него денежного оброку 3 алтына 2 денги, а по малороссійски полозолотого. Мѣщанинъ Василій Семеновъ, ремесленной чело-

вѣкъ, кушнеръ, цехмистръ, бездѣтенъ, положено на него денежного оброку 10 алтынъ, а по малороссійски полъталера...» [1]).

Къ этимъ свѣдѣніямъ г. Эйнгорнъ добавляетъ, что нѣкоторымъ восполненіемъ ненайденныхъ переписныхъ книгъ можетъ служить «компутъ, выраженый по росказаню ясневелможного его мил. п. гетмана на виконане присяги противко маестату его царского пресвѣтлого величества въ року 1676, въ мѣсяцѣ февралѣ». Этотъ «компутъ» заключаетъ въ себѣ списокъ малороссіянъ, присягавшихъ въ февралѣ 1676 г. новому царю Федору Алексѣевичу.

Несомнѣнно, что указываемыя г. Эйнгорномъ переписныя книги заключаютъ въ себѣ чрезвычайной важности матеріалъ для изученія экономической жизни лѣвобережной Малороссіи въ годъ очень близкій къ 1654 г. Правда, въ началѣ 60-хъ годовъ XVII вѣка гетманщина сильно пострадала отъ разоренія, которымъ сопровождалась междоусобица непосредственныхъ преемниковъ Богдана Хмельницкаго, при чемъ во многихъ изъ поселеній южныхъ полковъ сильно измѣнялась численность жителей сравнительно съ моментомъ переяславскаго договора, но въ полкахъ сѣверныхъ разореній почти не было и ихъ населеніе оставалось, слѣдовательно, въ томъ же почти положеніи, какъ было и въ 1654 г. Такимъ образомъ переписныя книги Стародубскаго, Черниговскаго и значительной части Нѣжинскаго полковъ даютъ матеріалъ, по которому можно представить экономическое положеніе посполитаго населенія сѣверной Малороссіи въ моментъ ея присоединенія къ Россіи. Знанія же наши по этому предмету въ настоящее время, какъ извѣстно, скудны до чрезмѣрности. Нельзя поэтому не желать скорѣйшаго обнародованія переписныхъ книгъ, и конечно удобнѣе всего было бы явиться имъ—продолженіемъ «Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи», замершихъ на XV-мъ томѣ. Приготовить къ печати переписныя книги, вѣроятно, не отказался бы г. Эйнгорнъ, заявившій на будущій кіевскій съѣздъ вопросъ о малорусскомъ посполъствѣ по даннымъ переписи 1666 г. Будемъ надѣяться, что «Археографическая коммиссія» обратитъ свое вниманіе на этотъ важный для южнорусской исторіи памятникъ.

---

[1]) „Талеръ“ имѣлъ два значенія: для обозначенія крупной заграничной серебряной монеты=*талеровъ* (при чемъ добавлялось: *битыхъ* талеровъ) и для означенія счета копѣекъ; въ послѣднемъ случаѣ талеръ означалъ 60 коп., какъ копа—50 коп. Такъ и здѣсь: 10 алтынъ—полталера, т. е. 30 коп.

14. Два поддѣльныхъ историческихъ документа.

Поддѣлка историческихъ документовъ существуетъ издавна и продолжается до нынѣ. Причины, вызывающія поддѣлки, различны; главною изъ нихъ конечно бываетъ *корысть*, но встрѣчается и другая,—такъ сказать, *патріотическая* любовь къ исторіи. По крайней мѣрѣ, эту послѣднюю причину встрѣчаемъ мы въ поддѣлкахъ малорусскихъ историческихъ документовъ. Старѣйшимъ изъ извѣстныхъ намъ этого рода поддѣльныхъ документовъ является извѣстный универсалъ «Стефана Криштофа зъ Острога и Остра Остранина», оказавшійся въ обоихъ извѣстныхъ спискахъ лѣтописи Величка и, кромѣ того, найденный въ одномъ изъ сборниковъ конца XVIII в. [1]). Впервые обнародовалъ этотъ универсалъ Кулишомъ въ 1857 г., во 2-мъ томѣ Запис. о Южной Руси, и сопровождался обширными комментаріями издателя и польскаго ученаго Мих. Грабовскаго, считавшагося знатокомъ исторіи днѣпровскаго козачества. Указывая на историческое значеніе этого документа, оба комментатора нисколько не сомнѣвались въ его дѣйствительности. Напротивъ, Грабовскій даже подчеркиваетъ, что «невозможно подозрѣвать здѣсь какой-нибудь позднѣйшей поддѣлки», потому что—какъ «языкъ де, такъ и подробности тиранства претерпѣннаго отцомъ и братомъ гетмана Остряницы, все въ нихъ показываетъ, что лица и происшествія списаны съ натуры»... Интересенъ и отзывъ Костомарова: «универсалъ гетмана Острянина—это большая драгоцѣнность—и какъ историческій матеріалъ, и какъ письменный памятникъ XVII вѣка. Складъ его плавенъ, тонъ благороденъ, рѣчь жива и одушевлена» [2])... Мы не видѣли подлинника Величковой лѣтописи и ничего не можемъ сказать о внѣшнемъ видѣ этого «универсала», но одно надписаніе послѣдняго (двухъименность и указаніе на Острогъ и Остеръ) могло возбудить у названныхъ трехъ историковъ, если не сомнѣніе, то большое недоразумѣніе... Правда, языкъ въ «универсалѣ» *очень искусенъ*... Кулишъ, признавшій поддѣльность «универсала» чрезъ шесть лѣтъ послѣ его напечатанія, справедливо говоритъ, что языкъ этого документа совершено сходенъ съ языкомъ лѣтописи Величка [3])... Очень возможно, что «универсалъ» и сочиненъ

---

[1]) См. предисловіе къ т. IV-му Лѣтоп. Величка, стр. VII.

[2]) Отеч. Зап. 1857 г., № 9, отд. 2-е, стр. 6.

[3]) Библіот. для Чтен., 1863 г, октябрь (?), стр. 25—27. Указавъ свои соображенія относительно поддѣльности, К—шъ въ заключеніи говоритъ: „Читатель вправѣ теперь спросить меня: почему же не пришли мнѣ въ голову всѣ эти сообра-

этимъ первымъ «украинофиломъ» изъ *патріотическаго* желанія—рельефно изобразить тѣ насилія поляковъ, которыя вызывали козацкія возстанія до пол. XVII в., но о сущности которыхъ у «истиннаго сына Малыя Россіи» не доставало свѣдѣній «небытности дѣля козацкихъ лѣтописцовъ»... Предположеніе это является тѣмъ вѣроятнѣе, что если поддѣлка универсала относится къ нач. XVIII в., то поводомъ къ ней могло быть Мазепино дѣло, будившее старую, уже улегшуюся было народную непріязнь къ полякамъ [1])... Непріязнь Величка къ личности Мазепы очевидна изъ его лѣтописи, хотя тутъ главную роль играютъ личныя отношенія лѣтописца къ своему патрону Кочубею.

Какъ бы то ни было, но мотивъ поддѣлки «универсала» Остряницы несомнѣнно *патріотическій*, при чемъ составителемъ его былъ человѣкъ близко знакомый съ разными хрониками, лѣтописями и универсалами.

женія, когда я печаталъ универсалъ Остряницы въ *Зап. о Южн. Руси*? На это я отвѣчу: потому, почему не пришли они въ голову ни польскому писателю Мих. Грабовскому, который сообщилъ мнѣ для помѣщенія тамъ же замѣчанія свои на этотъ универсалъ, ни автору *Богд. Хмельницкаго*, который подробно разобралъ оба тома моего сборника въ *Отеч Запискахъ*". Отвѣтъ уклончивый... Прямой отвѣтъ заключался би въ признаніи недостатка, въ 1857 г, у К—ма той *начитанности* въ историческихъ актахъ, которою онъ обладалъ шесть лѣтъ спустя... Таже причина ввела въ заблужденіе и Костомарова... Грабовскій же—былъ вообще малосвѣдущъ въ мѣстной исторіи.—Костомаровъ, въ своей исторіи Остряницы (Богд. Хмельн., изд. 1884 г., I, 178) вовсе не упоминаетъ о его „универсалѣ", а разсказавъ о бѣгствѣ его въ Чугуевъ, задается вопросомъ—тотъ ли это Остряница, который сражался съ поляками, такъ какъ послѣдній въ малорусскихъ лѣтописяхъ именуется де Стефаномъ, а бѣжавшій въ Чугуевъ зовется Яковомъ. Но дѣло въ томъ, что ни Самовидецъ, ни Грабянка Остряницу по имени вовсе не называютъ. „Межигорская лѣтопись (Сборн. лѣтоп., изд. Ком. для разб. др. акт.), изданная послѣ смерти Костомарова, Остряницу называетъ *Яцкомъ*. (стр. 96) А „Стефаномъ"—Остряница называется лишь въ *Исторіи Русовъ*, авторъ которой нарисовалъ такую страшную картину его казни (стр. 56), передъ которой описанныя въ „универсалѣ" истязанія отца и брата Остряницы—совсѣмъ блѣднѣютъ... Но быть можетъ авторъ *Исторіи Русовъ* лишь продолжилъ фантазію сочинителя универсала и нашелъ нужнымъ разсказать то, чего Остряница самъ уже не могъ разсказывать... Если *Исторія Русовъ* написана Гр. А. Полетикою, то послѣднему „универсалъ Остраница" долженъ былъ быть извѣстенъ, такъ какъ онъ имѣется и въ спискѣ лѣтописи Величка, принадлежавшемъ Полетик[?] причемъ въ этомъ только спискѣ и сохранилось начало универсала...

[1]) Очень можетъ быть, что та же патріотическая тенденція создала въ лѣтописи Величка и другіе сомнительные ея акты, хотя послѣдніе требуютъ еще тщательнаго пересмотра. См. предисл. Костомарова къ его монографіи о Мазепѣ, стр. V,

Съ тѣмъ же мотивомъ подделки мы знаемъ еще два документа, которые хотя и напечатаны, но въ такихъ изданіяхъ, что документы эти остаются, можно сказать, вполнѣ неизвѣстными.

Первый документъ представляетъ собою духовное завѣщаніе Басанскаго сотника Клима Шаповаленка, которое и приводимъ здѣсь [1]).

«1748 року, мая 17 дня. Нераздѣльней Тройцѣ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Рабъ божій Климъ Григоровичъ Шаповаленко, Переяславского полку, сотникъ Басанскій, всему війску и Запорижью, всій старшинѣ и козатству и всій чернѣ, мешкуючей и жиучей коло Басани и въ Басани, о Бози радоватися желае.

Я, щирый слуга ея пресвѣтлому царскому величеству, а ясновельможнихъ паннвъ гетьманнвъ нелукавый рабъ, и всему війску и козатству—кривный товаришъ, промѣшкавши многіе лѣта и доживши до ста четвертаго року, не чаю вже живота: жизнь моя гасне и може завтра рано, але и ближе, могила—дружина, а жовтый песокъ—родина моя! Близкіе и далекіе пріятели и друзи скоро стекутся ко мнѣ, но не привитатися, а на викъ прощатися. Прощайте друзи, родичи и пріятели, близкіе и далекіе, прощайте и вы, которые близко мене сидѣли та лукавымъ окомъ на мене глядѣли. Прощайте и тіи, що мени нагайбу давали та зло замышляли! Се отхожу на онь свитъ! Всимъ вамъ миръ, любовь и благодать отъ Вседержителя Бога Отца оставляю. Но понеже я маю багацько добра и оставляю по соби, якъ то: пахаиину въ поляхъ, лѣсахъ, грунтахъ и сѣножатяхъ, наданныхъ по универсаламъ отъ ясневельможнихъ паннвъ гетманивъ, за щирую мою и панотца моего Григорія, сотника Басанскаго, и дѣда, ихъ пресвѣтлымъ царскимъ величествамъ, то все сіе, вся пожитки, маетности и всяку рухлядь, скотъ, волы, кони и вывцн, вѣтряныя и гребельныя мельницы и всю, яка по мнѣ есть одежа, заповѣдаю сыну моему единородному, превелебному отцу Григорію Климовичу Шаповаленку, по матери Степановскому, ничеговскому [2]), навотцю, кой тамъ отъ мене поселенъ на дидовскимъ грунти и живе, въ тымъ, жебы онъ вично за многогрѣшную мою душу молитвовався. А якіе въ-мали остались отъ поморщинъ (?) подданные, наданные по грамотамъ и универсаламъ, то мають быть вси на воли, а якіе перебигли за Кубань, та знову вернутся, то вси сіи остаются на вичные часы реченному сыну Григорію въ его послушенстви. Тилько,

[1]) Напечатано въ Черниг. Губ. Вѣд. 1850 г., № 19

[2]) Село Ничеговка, Козелецк. уѣзда.

якъ вернется Вильченко и Науменко въ Овдіевъ, то отшмаровать ихъ барбарами и отдать ихъ вични на пекарню брату жены моей, кіевскому полковому судьи пану Степановскому [1]). Адомашковскіе жъ и нарчевые кунтуши—матери его Степаниды и ребровы, а также золотъ-атласъ, каптаны, жалованные мнѣ и панотцю моему отъ ясневельможныхъ панивъ гетманивъ, отдать на ризы по церквамъ; а саетовые бекеши, славянки, киреи и черкески, персидскіе и мостровые (люстровые?) поясы продать на алтыны, або сестрицямъ отдаты, або де хоче диты реченный сынъ Григорій, соби на поживанье. Сребло же, якъ то: чарки, мисы, кухлики, кубки, корци и михалки, зморднованные разными походами дидомъ моимъ, отцемъ и мною, на сичахъ у клятыхъ шведивъ, ляхивъ и татаръ, для помноженья хвалы Божой и молитствія за многогрѣшную мою душу, и ихъ, по обѣщанію умершаго панотця моего, отдать маетъ сынъ Григорій въ Выдубицкій монастырь. По смерти же моей по росписи, гдѣ въ прологѣ начертанной, разобрать и роздать все реченное въ оной. А змійку-татарку положить зо мною въ могилу; тамъ вона за мене скаже и на лизи (на зализи?) своемъ праву и кривду покаже: якъ за виру и отчизну стояла и бусурмарскою кривью уппивалась, а якъ вона мини попалась, про те шведъ и клятый Мазепа знае. Суди Боже его и мене на тымъ свити! Якіе жъ отъ пожежъ остались у мене депеши (?), исхованы въ церквахъ Яриловской [2]) и Басанской, то сынъ мой Григорій по смерти моей взявши, у себе заховуе. Равно и сю, другу вже духовныцю замисто сгорившей, получить долженъ, а копировку въ неи послать въ Выдубицкій монастырь. А якъ може найдется перша духовныця, то по ней чинить все; а якъ не найдется, то по сей другой. А буди по указанному мною сынъ Григорій не учинитъ, а коли на лихву (?) не такъ зробить, то да караетъ его Господь Богъ и да падетъ на него вичное мое неблагословеніе. Аминь. (На подлинномъ тако:) Сію духовную въ тяжкой недузи, рукою своею, крестами утвердивъ, самъ панъ сотникъ Климъ Григорьевичъ Шаповаленко; и сію духовную писавъ и рукоприложеніе зробивъ родычъ его полковой асаулъ Астафій Мироненко. Свиткомъ бувъ и рукоприкладство зробывъ войсковый товаришъ Ананій Рубецъ».

Свиткою бувъ хорунжій Сава Почека».

---

[1]) Иванъ Стопановскій былъ дѣйствительно кіевскимъ полков. судьею въ пол. XVIII в.

[2]) Сочинитель, вѣроятно, написалъ Ярославской (с. Ярославка около м. Басани), а переписчикъ ошибся.

Приведенный документъ напечатанъ въ губернской газетѣ, безъ всякаго объясненія — кѣмъ и откуда онъ доставленъ, при чемъ редакція газеты, видимо, не сомнѣвалась въ подлинности документа и, вѣроятно, видѣла въ послѣднемъ «интересный» памятникъ по находящимся въ немъ подробностямъ. Не смотря на все стараніе поддѣлывателя, работа вышла грубая. У этого *автора*, какъ видно, *начитанность* въ старыхъ «шпаргалахъ» была весьма незначительная... Такія слова, кака: *мешкуючій*, *желае*, *кривный товарищъ*, *нагайба*, *пахавина*, *гребельная мельница*, *кухлики* — указываютъ на полное невѣжество автора въ актовомъ языкѣ пол. XVIII в. — Трудно сказать — какой патріотическій мотивъ руководилъ сочинителемъ этого завѣщанія. Вѣроятнѣе всего, что ему пожелалось воспроизвести на бумагѣ тотъ козацкій духъ, которымъ полны были, въ началѣ этого столѣтія, уста *дѣтей о своихъ отцахъ*. Мы не сомнѣваемся, что завѣщаніе сочинено въ началѣ настоящаго столѣтія по упоминанію въ немъ *славянокъ*, въ которыхъ именно въ это время стали щеголять «судовые панычи»[1]). Указаннаго въ документѣ «завѣщателя» Клима Григорьевича Шаповаленка въ актахъ мы не встрѣчали, а былъ, при гетманѣ Апостолѣ, басанскимъ сотникомъ *Семенъ Климовичъ* (1728—734). Были затѣмъ въ Ст. Басани и маленькіе «панки» Климовичи [2]), конечно потомки сотниковъ. Очень можетъ быть, что кто нибудь изъ этихъ панковъ, любившій чтеніе старыхъ «шпаргаловъ», желая воскресить память своего предка, живое преданіе о которомъ еще не умирало, и написалъ это завѣщаніе... Во всякомъ случаѣ, корыстнаго мотива въ сочиненіи этого документа быть не могло, такъ какъ тутъ на первомъ планѣ желалось указать на пролитіе бусурманской крови въ сраженіяхъ со «шведомъ и клятымъ Мазепою»...

Засимъ, приводимъ еще одинъ поддѣльный документъ, который напечатанъ въ 1872 г., въ Полтавск. епарх. вѣд., (№ 19), священникомъ с. Богушковой Слободы о. Василіемъ Знайковымъ, съ примѣчаніемъ, что документъ найденъ будто-бы «въ коллекціи разныхъ документовъ одного изъ прихожанъ».

«Тысяча триста сорокъ первого (1341) года, мая 13 дня. Мы нижеподписавшіеся, старіе и младіе, вси вадоймомъ, жители Богушко-

[1]) См. книжку „*Pro Domo Sua*", стр. 74. „Судовыми панычами" назывались въ Малороссіи, въ прежнее время, канцеляристи разныхъ тогдашнихъ „судовъ".

[2]) По вѣдомости 1861 г., въ числѣ старобасанскихъ дворянъ, владѣвшихъ крѣпостными крестьянами, значится одинъ: А. Климовичъ, а у него — одинъ крестьянинъ...

вой Слободки, вѣдаючи въ томъ вишезначащонся году, за нашого тогдашнего житія в знанія, бившую руину отъ нахожденія татарской орди, немалого числа войска, при которомъ и самъ султанъ предводителемъ находился, въ якомъ нахожденіи повелѣніемъ султанскимъ навменовано было, по тогдашнимъ обычаямъ татарскимъ, всѣхъ жителей Богушковой Слободки, зъ женами и дѣтьми, въ неволю забрать и въ свои мѣста гнать. Но въ то время состоящій находящійся отецъ нашъ духовный, презвитеръ церкви Богушковой Слободки, честный отецъ Іоаннъ, прозиваемий Мошко, по прошенію нашему всѣхъ общему, принявъ дерзость, оказалъ благодѣяніе и явилъ надъ всѣмъ Богушковой Слободки народомъ милосердіе, умоливши султана и все его воинство, далъ въ презентъ своихъ собственнихъ, золотою монетою самихъ червоннихъ, большое блюдо до пятнадцати тысячъ денегъ, и тими деньгами всѣхъ жителей Богушковой Слободки своею властною суммою отъ неволѣ татарской свободилъ. Которой сумми не взыскуя на насъ, намъ оную подарилъ; что отци наши и мы вси вѣдаючи таковое его отца Іоанна Мошки благодѣяніе и показанное милосердіе о скупленіи насъ всѣхъ, зъ женами и дѣтьми, отъ татарского нападенія, впредь даемо мощъ, владность и силу, чтобъ такъ, якъ онъ, отецъ Іоаннъ, владѣетъ порохіею, такъ бы по немъ, за таковое его благодѣяніе, все потомство его отъ рода въ родъ въ Богушковой Слободки, зъ усмотренія рукоположеніемъ архипастырскимъ, владность имѣли, а больше никто бъ зъ сторони не его рода, никакимъ обрьзомъ, въ ту Богушковой Слободки парохію утрачаться не моглъ и препони не чинилъ. О томъ варуемъ и симъ нашимъ собственнимъ писмомъ впредь, хто бъ того хотѣлъ знать и вѣдать, утверждаемъ и нашимъ потомкамъ всѣмъ по насъ укрѣпляемъ и сіе народѣ нашей сельской Слободки Богушковой, яко ми вси суще есми той церкви пароxіане, фундатори и ктитори, сіе писмо ему, честному отцу Іоанну Мошки, даемо и во увѣреніе именами своими подписуемся, року и дня вышеписанних. Къ сему писменному утвержденію мы вси ниже по именамъ и прозваніямъ значащіеся, жители Богушковой Слободки, яко не умѣетніи (не умѣющіе) божественнаго писанія, святыми крестами подписуемся.

Фесько (Θеодосій) Иллященко, атаманъ Богушковой Слободки † Овдій Красіонъ † Савва Романенко † Степанъ Чумаченко † Фесько Яковенко † Іванъ Ярмошенко † Федоръ Чорній † Гаврило Гнѣдій † Варенникъ † Максимъ Приступа †.

Какой мотивъ руководилъ сочинителя этого документа—угадать затруднительно... Могло случиться, что наслѣдники священника Мошки (если таковой дѣйствительно существовалъ и конечно не въ XIV, а, напр., въ XVIII вѣкѣ), думали съ помощью этого документа закрѣпить за собою «приходъ». Но такъ какъ священникъ о. Знайковъ ничего не говоритъ о существованіи этого своего предшественника, то вѣроятнѣе предположить, что и документъ о великодушіи Богушковскаго священника въ XIV в.—сочиненъ какимъ нибудь любителемъ мѣстной старины и сочиненъ по тому самому мотиву, по которому недавно сочинено на Волыни нѣсколько историческихъ документовъ[1])... Поддѣлокъ историческихъ документовъ ради корысти—въ Малороссіи было *множество*. Сочинялись они главнымъ образомъ въ к. XVIII в. для доказательства дворянства. Поддѣлки этого рода были до того грубы, что уже въ тридцатыхъ годахъ историкъ малорусскаго дворянства выразился объ этихъ документахъ, что «строгая историческая критика не можетъ признать ихъ основательными»...

13. Гетманскіе домà въ Глуховѣ.

(къ рисунку).

Свѣдѣній о зданіяхъ въ старой Малороссіи лѣваго берега Днѣпра, кромѣ церковныхъ, почти совсѣмъ не имѣется. Главная причина тому заключается, конечно, въ томъ, что зданія были почти исключительно деревянныя, которыя если не горѣли, то разрушались отъ времени. Изъ старыхъ построекъ въ Малороссіи извѣстно лишь сохранившееся въ Черниговѣ каменное зданіе (на берегу Десны), которое зовутъ тамъ обыкновенно „домикомъ Мазепы". Не говоримъ о томъ, что нѣтъ никакихъ основаній связывать этотъ „домикъ" съ именемъ Мазепы, но прямое названіе этого зданія *домикомъ* является неточнымъ; судя по его виду и отсутствію въ немъ внутреннихъ капитальныхъ стѣнъ, слѣдуетъ думать, что этотъ *домикъ* не былъ жилымъ зданіемъ, а устроенъ былъ скорѣе для какой нибудь особой надобности, напр., для храненія пороха или какого нибудь „скарба".—Есть впрочемъ указаніе, что города старой Малороссіи обстроены были не бѣдно; такъ, напр., путешественникъ нач. XVIII в.,

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., окт., 93 и слѣд., гдѣ говорится *объ открытіи* подлинной лѣтописи почаевскаго монастыря протоіер. Н. Трипольскимъ.

Лукьяновъ, проѣзжая черезъ Глуховъ въ 1703 г., записалъ, что въ немъ „строеніе преузорочное, свѣтлицы хорошія; палаты въ немъ полковника стародубскаго Миклашевскаго—вѣло хороши." Глуховскія зданія показались Лукьянову на столько „преузорочными", что онъ не удержался отъ общаго замѣчанія, что „очень вѣло лихоманы хохлы затѣйливы къ хоромному строенію..." [1]) Въ другомъ мѣстѣ мы выразили сомнѣніе—не превознесъ ли Лукьяновъ свыше мѣры *затѣйливость хохловъ къ хоромному строенію*, наглядѣвшись по великорусскимъ городамъ на непобѣленные домики [2])... Сохранилось описаніе дома, въ которомъ жилъ гетманъ Апостолъ, уже напечатанное [3]). Сохранилось также описаніе двора съ постройками, въ которомъ „пребываніе имѣлъ" гетманъ Скоропадскій. Описаніе это, сдѣланное въ 1727 г., представляетъ собою контуръ гетманскаго жилища. Несмотря на нѣкоторую неясность въ изображеніи общаго расположенія построекъ, описаніе это не можетъ не быть интереснымъ, и мы его приводимъ здѣсь полностью [4]).

„Въ городѣ Глуховѣ, въ дворѣ гетманскомъ, на которомъ гетманъ Скоропадскій пребываніе имѣлъ, близъ церкви Николая Чудотворца, огороженъ въ столбъ тертицами, отъ двора полкового обозного Михаила Кондратьева до задворковыхъ воротъ, а отъ церкви Николая Чудотворца тертицами (жъ?); ворота въездные—толко одни вереи брусовые, сосновые, болшие съ форткою.

Вшедъ въ дворъ, по правую сторону погребъ дубовый съ выходомъ, двери сосновые растворчетые, на крюкахъ желѣзныхъ; въ немъ въ потолокѣ (въ потолкѣ?) шендалъ на цепи желѣзной, четырѣ тертицы сосновые.

Подле погреба свѣтлица, съ комнатою безъ полу, лѣсу сосноваго брусового, въ ней одинъ столъ липовой, четырѣ лавки сосновые, печь кафлевая бѣлая; семь окошекъ въ комнатѣ, двѣ съ окончинами стеклянными въ деревѣ; двое двери на крюкахъ желѣзныхъ. Противъ—той свѣтлица жъ съ комнатою сосноваго лѣсу; въ ней столъ круглой, липовой, скамья, печь кафлевая бѣ-

[1]) Черн. Листокъ 1862 г. № 4.

[2]) Опис. Ст. Малор., II, 431.

[3]) Матер. для Отеч. Исторіи, I, от. 3-е, стр. 3-е, стр. 4—12.

[4]) Оно находится въ рукописи Кіевск. Археогр. Коммисіи, № 400.

лая, три лавки липовыхъ, три окна красныхъ, въ нихъ окончены стекляные въ деревѣ съ затворами, на крючкахъ желѣзныхъ, дверь сосноваго лѣсу, на крюкахъ желѣзныхъ; въ комнатѣ одно окно красное, дверь на крюкахъ желѣзныхъ; между ними сени рубленые сосноваго лѣсу. Вышеписанное строеніе покрыто дранью. Позади тѣхъ свѣтлицъ нужникъ, огороженъ досками, крытъ дранью.

Близъ тѣхъ свѣтлицъ свѣтлица поваренная; въ ней столъ болшой липовой; печь кафлевая бѣлая, семь окошекъ красныхъ съ окончины стеклянными въ деревѣ; двѣ лавки; двери на крючкахъ желѣзныхъ; при той свѣтлицѣ сѣни рубленые сосноваго лѣсу; въ нихъ очагъ кирпичной, два окна красныхъ съ окончины стеклянными, двери на крюкахъ желѣзныхъ; оное строеніе крыто дранью.

Близъ той кухни изба черная, старая пустая, лѣсу сосноваго. Подле ея изба жъ черная съ сенми лѣсу сосноваго; и оное строеніе крыто дранью.

Близъ тѣхъ черныхъ избъ, свѣтлица сосноваго лѣсу, въ ней печь зеленая кафлевая, столъ липовой, три окошка красные съ окончины стеклянными, съ затворками на крючкахъ желѣзныхъ; въ ней чуланъ дощатой; въ немъ одно красное окно съ окончиною стекляною; въ свѣтлицѣ и комнатѣ полъ дощатой. Оное строеніе крыто тертицами.

Колодезь, въ немъ струбъ дубоваго лѣсу, въ глубину пятнадцать саженъ; подле его колесо, чемъ воду вытягаютъ; оковано желѣзомъ; тотъ погребъ съ колесомъ, огороженъ достками сосновими встолбъ, покрытъ тертицами.

Оборотъ по левую сторону, свѣтлица сосноваго лѣсу, въ ней печь кафлевая голая, столъ круглой съ лавками, три окошка красныхъ, въ нихъ окончины стеклянные въ деревѣ, съ затворами, дверъ на крюкахъ желѣзныхъ; противъ той свѣтлицы свѣтлица жъ сосноваго лѣсу, съ двемя комнатами; въ ней печь зеленая, столъ круглой липовой, три окна красныхъ съ окончины стеклянными, съ затворами, на крюкахъ желѣзныхъ; въ другой комнатѣ два окошка красные съ окончины стеклянными въ деревѣ, полъ дощатой. Исъ той комнаты проходъ до пекарни и въ нужникъ, и въ комору; подле той комнаты комора рубле-

ная сосповою лѣсу, съ лавками. Воономъ строеніи, съ проходомъ, шестеро дверей на крюкахъ желѣзныхъ, между светлицъ сѣни рубленые сосновою лѣсу, въ нихъ двое двери на крюкахъ желѣзныхъ, передъ сѣнми лавки. Оное строеніе крыто тертицами. Подле той светлицы пригороженъ цветникъ.

Позади тѣхъ хоромъ пекарня сосновою лѣсу, въ ней два окна красныхъ, одно волоковое съ окончины стекляными въ деревѣ, въ ней столъ, печь глиняная съ лавками, полъ дощатой; при той пекарнѣ сѣни сосновою лѣсу, въ пекарни и въ сѣняхъ двоя двери на крюкахъ желѣзныхъ. Оное строеніе крыто драныо. Отъ пекарни проходъ до воротъ, двери сосновые на крюкахъ желѣзныхъ.

Близъ тѣхъ свѣтлицъ ледовня дубовая, на ледовни анбаръ сосновою лѣсу, въ ганками; въ той ледовнѣ сходная лесница дубовая, двери сосновою лѣсу, на крюкахъ желѣзныхъ.

Подле ледовнѣ чуланъ дощатой, двери сосновые, на крюкахъ желѣзныхъ, надъ двермн окно небол̃шое съ окончиною стекляною въ деревѣ, съ мостомъ дощатымъ. Оной ледникъ и чуланъ крытъ драныо.

Свѣтлица, въ которой жителство имѣла госпожа гетманша Скоропадская; въ ней печь поливаная, цвѣтная, шесть окошокъ красныхъ бол̃шихъ, съ окончины скла бол̃шого врамловского (?) въ затворами, столярной работы, на завѣсахъ желѣзныхъ; шкапъ бол̃шой липовой, съ выпускнымъ столомъ, полъ кирпичпой, двоя двери дубовые, столярной работы, на завѣсахъ желѣзныхъ, въ замками нутренными желѣзными съ ключами.

Противъ свѣтлицы свѣтлица жъ сосновою лѣсу, съ комнатою, въ свѣтлицѣ четырѣ окна стекляные, скла врамловского, въ затворами, столярной работы, на завѣсахъ желѣзныхъ; въ томъ числѣ у одного окошка одно скло разбито, полъ кирпичной, двери столярной работы дубовые, на завѣсахъ желѣзныхъ, въ замкомъ нутренымъ, съ ключемъ; въ комнатѣ печь поливаная цвѣтная, три окошка скла врамловского, съ затворами, на завѣсахъ желѣзныхъ съ шурупами, дверь столярной работы, дубовая, на завѣсахъ желѣзныхъ, полъ кирпичной. Между ими сѣни рубленые, одна стена сосновою лѣсу, двери столярной работы на завѣсахъ липовые, въ замкомъ нутренымъ, съ клю-

чемъ; въ сенях полъ кирпичной. Передъ сѣнми крыльцо непокрыто. Оное строение покрыто тертицами. Вкругъ светлицъ и комнатъ огородъ на цвѣтки, въ томъ числѣ и яблоки, огороженъ тертицами красными.

Того двора явилось по мѣрѣ—земли въ длину: трехъ аршинныхъ дватцать девять саженъ сполу, поперегъ: тритцать пять саженъ. Въ томъ гетманскомъ дворѣ вышепоказанное хоромное строение все новое."

Сколько можно понять изъ этого описанія, въ гетманскомъ дворѣ были слѣдующія постройки:

1. Погребъ.

2. Домикъ, состоявшій изъ двухъ большихъ комнатъ (*свѣтлицъ*), раздѣленныхъ сѣнями, причемъ въ одной изъ свѣтлицъ была отдѣлена (конечно, переборкою, т. е. стѣною не капитальною) *комната*.

3. Кухня, („свѣтлица поваренная"), съ сѣнями.

4. „Изба черная", назначенная, конечно, для прислуги.

5. Домикъ, состоявшій изъ *свѣтлицы* съ *комнатою* и изъ чулана.

6. *Хоромы*, состоявшіе изъ двухъ свѣтлицъ, изъ которыхъ въ одной устроена была *комната*.

7. *Пекарня*, служившая, вѣроятно, черною кухнею.

8. Ледникъ, съ амбаромъ надъ нимъ.

9. Домикъ, состоявшій изъ двухъ *свѣтлицъ*, изъ которыхъ въ одной устроена была и *комната*. Свѣтлицы были раздѣлены сѣнями. Въ этомъ домикѣ, какъ говорится въ описаніи, жила гетманша Скоропадская.

Такимъ образомъ гетманское жилище состояло изъ трехъ особыхъ строеній, изъ которыхъ каждое заключало въ себѣ двѣ большія комнаты, раздѣленныя сѣнями. По своему устройству это были тѣ же *хаты*, которыя мы и теперь встрѣчаемъ въ Малороссіи у богатыхъ селянъ: отдѣльно срубленныя двѣ избы соединяются между собою сѣнями, при чемъ въ этихъ избахъ иногда отгораживаются особыя отдѣленія, называемыя *комнатами*. Различіе гетманскихъ *свѣтлицъ* отъ селянскихъ—состояло лишь въ ихъ размѣрѣ и отдѣлкѣ.

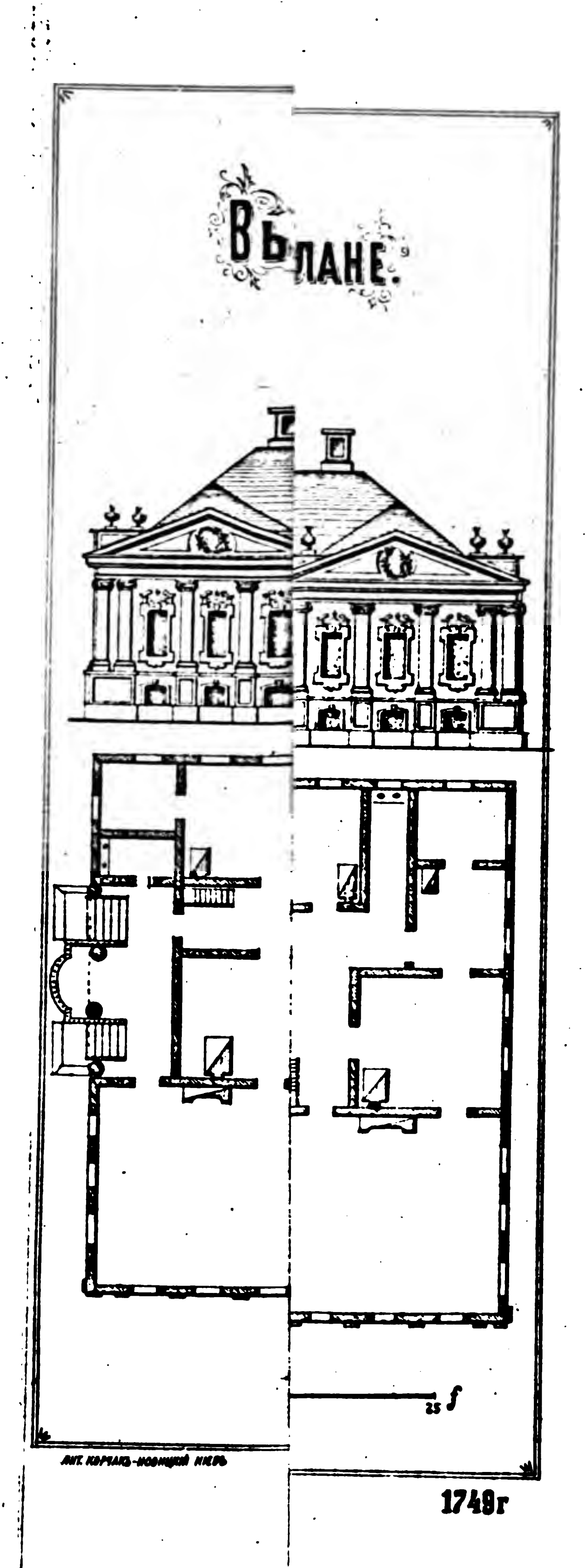
Если мы сравним жилище Скоропадскаго съ жилищемъ Апостола, то увидимъ, что послѣднее состояло изъ бо̀льшаго количества „свѣтлицъ", при чемъ тутъ же находились: *свѣтлица съ комнатою*, гдѣ помѣщалась генеральная канцелярія, *свѣтлица столовая* („стѣны обиты блакитнымъ сукномъ"), *свѣтлица крестовая* и другія *свѣтлицы*, назначенныя уже для самого жилья гетманской семьи и прислуги. Тутъ же, у Апостола, на ряду съ этими свѣтлицами, встрѣчаемъ особую комнату, сложенную изъ кирпича (*каменицу*), а подъ нею—*склепъ каменный*.

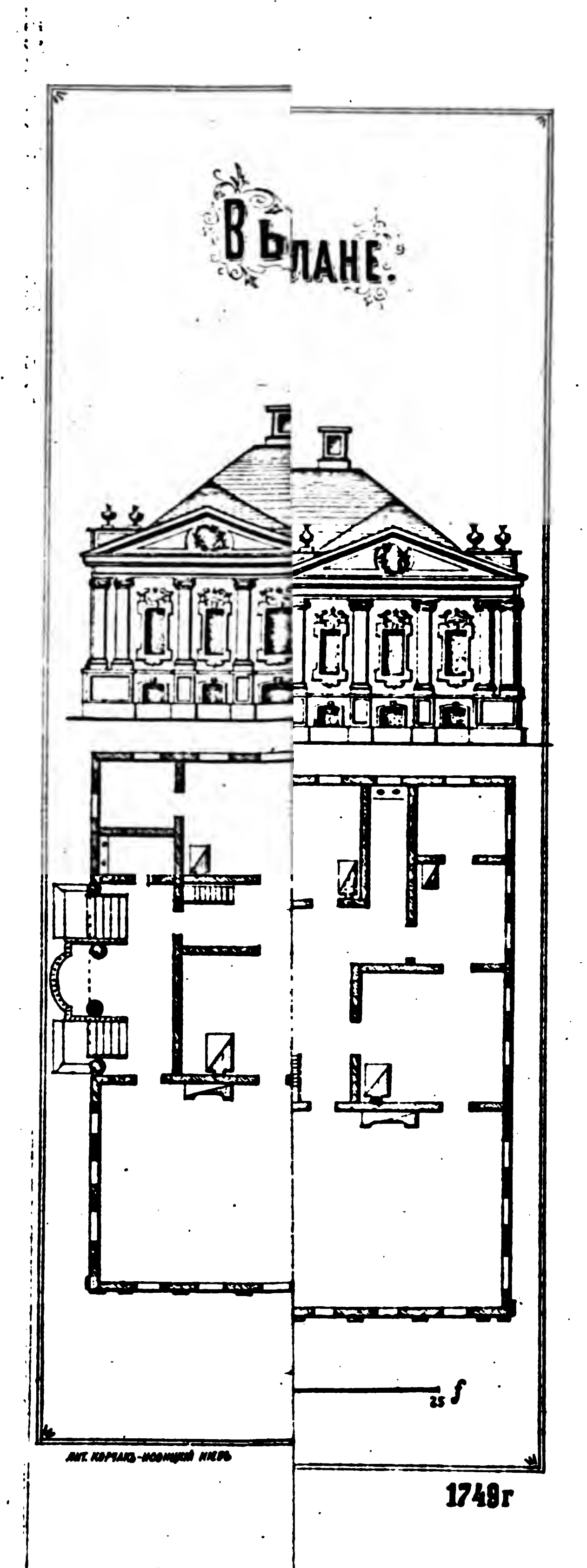
Эти контуры гетманскихъ домовъ перв. пол. XVIII в.—указываетъ на крайнюю простоту ихъ расположеній, когда большой домъ представлялъ собою соединеніе только бо̀льшаго количества тѣхъ свѣтлицъ, которыя, будучи взяты отдѣльно, составляютъ обыденныя *хаты*...

Въ маѣ 1748 г. Глуховъ выгорѣлъ настолько, что, по замѣчанію современника, обратился въ „прямую пустыню; а между тѣмъ въ Малороссіи ожидалось поставленіе новаго гетмана. Въ октябрѣ 1749 г. изданъ былъ указъ о присылкѣ въ Глуховъ гр. Гендрикова „для выбора въ Малую Россію гетмана." Въ это время, повидимому, и возникъ вопросъ о постройкѣ въ Глуховѣ новаго дома для гетмана. Въ собраніи В. В. Тарновскаго находится прилагаемый здѣсь планъ [1]), сверху котораго имѣется слѣдующая надпись: „*Выдъ какъ будутъ гетманскіе покои подъ номеромъ 1 и 2 значитъ на плане*". Внизу плана значится—„*1749 года*". Когда разрѣшено было въ 1747 г. „опредѣленіе" въ Малороссіи гетмана [2]), то было извѣстно, что въ гетманы предназначается Кириллъ Разумовскій. Послѣдній отличался отъ прежнихъ гетмановъ между прочимъ и тѣмъ, что хорошо былъ знакомъ съ удобствами не только тогдашней русской столичной жизни, но и заграничной европейской. Прежней конструкціи гетманскіе дома, если бы они остались и цѣлы, не могли уже удовлетворить *графа* Разумовскаго. Вотъ для него то и проектировался прилагаемый планъ „гетманскихъ покоевъ". Мы не знаемъ,

[1]) Планъ найденъ былъ межъ бумагами Черн. губ. правленія, составлявшими часть архива генеральной канцеляріи, при чемъ никакой объяснительной бумаги при немъ не было.

[2]) Записки Як. Марковича II, 249

Въ лане.
25 f
Лит. Корчакъ-Новицкий Киевъ
1749 г

ВЪ ЛАНЕ.
25 f
ЛИТ. КОРЧАКЪ-НОВИЦКІЙ КІЕВЪ
1749 г

былъ ли осуществленъ этотъ планъ, но въ 1757 г. Разумовскій писалъ къ гр. М. Воронцову слѣдующее: „гнусное мѣсто Глуховское, на которомъ я построился уже было и не мало, и при томъ по сырости, низости и болотной землѣ почти уже деревянное строеніе, *не въ пору строенное* и *скороспѣшно* худыми плотниками и изъ мелкаго лѣсу, до того меня напослѣдокъ привели, что единственно для здоровія, которое домъ мой Глуховскій весьма повреждаетъ, принужденъ нынѣшняго лѣта зачать каменный домъ въ Батуринѣ“ [1])... Очень можетъ быть, что построенный по прилагаемому плану домъ и былъ тотъ самый, о которомъ здѣсь говорится; такъ плохо строить „гетманскіе покои“, какъ жалуется Разумовскій, могла строить Глуховская администрація только до прибытія въ Глуховъ гетмана, когда некому было за этимъ смотрѣть, а строить нужно было скоро. Поэтому и можно думать, что Разумовскій засталъ домъ въ Глуховѣ уже готовымъ и построеннымъ именно по плану 1749 года.

Какъ бы то ни было, для насъ важно, что прежнія *свѣтлицы* съ *комнатами* для Разумовскаго сразу замѣнились палацомъ итальянской архитектуры. Такъ должна была быстро измѣняться и вся внѣшняя обстановка тогдашняго малорусскаго панства, конечно, старавшагося подражать своему гетману...

---

14. Универсалъ гетмана Гаврила Крутневича, 1603 года.

Гетманъ Крутневичъ уже извѣстенъ изъ письма его къ Яну Замойскому, писанному въ мартѣ 1602 г. (Listy St. Żólk., 117). На основаніи указаннаго сборника писемъ, а также Буркулабовск. лѣтописи, В. Б. Антоновичъ, когда то, (Кіевск. Стар. 1883, V, 140) установилъ въ такомъ видѣ рядъ козацкихъ гетмановъ нач. XVII в.

1. *Самоилъ Кошка*, 1600—1602, убитый въ этомъ году въ шведской войнѣ.

2. *Гаврило Крутневичъ*, преемникъ Кошки, 1602.

3. *Иванъ Куцковичъ*, 1602—1603, «сдавшій» въ этомъ году гетманство въ г. Могилевѣ, при возвращеніи козаковъ изъ шведской войны.

4. *Иванъ Косый*. О немъ Буркул. лѣтоп. говоритъ глухо: «потомъ, по Иване Куцку, былъ гетманомъ Иванъ Косый» и—только.

---

[1]) Семейство Разумовскихъ, I, 212.

Къ свѣдѣніямъ о Крутневичѣ въ замѣткѣ В. Б. Антоновича прибавлено, что онъ въ 1600 г. былъ кошевымъ(?) въ Запорожьи; свѣдѣніе это основывается, повидимому, на подписи, найденной Максимовичемъ въ одномъ изъ евангелій Переяславскихъ церквей (Соч., I, 319), датированной 14 сентября 1600 г., гдѣ значится, что надпись сдѣлана «за гетмана на тотъ часъ будучого надъ войскомъ Запорожскимъ Гаврила Кортневича у земли Мултиянской». Здѣсь Крутневичъ (называемъ его такъ, какъ онъ самъ писался) значится тѣмъ же *гетманомъ*... Можно сомнѣваться—правильно ли прочтено Максимовичемъ слово *мултиянской* и не значится ли въ надписи—*инфлянтской*? Тогда, можетъ быть, 1600-й годъ написанъ ошибочно вмѣсто 1602 или 1603 г., когда Крутневичъ въ званіи *гетмана* ходилъ въ землю Инфлянтскую... Впрочемъ, это одна лишь наша догадка [1]).

Затѣмъ, настоящій универсалъ точно устанавливаетъ время гетманства Косого, причемъ видно, что послѣдній пробылъ на гетманствѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ чего сталъ гетманомъ снова Крутневичъ, уже гетмановавшій за годъ передъ тѣмъ.

Печатаемый универсалъ даетъ интересныя указанія на тотъ моментъ изъ исторіи Днѣпровскаго козачества, когда оно составляло еще повидимому одну группу, не раздѣляясь на Запорожскихъ и городовыхъ. Изъ универсала видно, что гетманы Кошка, Косый, Крутневичъ—даютъ оборонные универсалы поднѣпровскимъ владѣльцамъ на ихъ тамошніе «уходы», защищая послѣдніе отъ своеволій «такъ Запорожскихъ козаковъ, яко и рѣчечныхъ» [2]). Отсюда можно заключить, что козаки эти составляли въ это время одно *войско*, имѣвшее свои особые отъ мѣстнаго населенія интересы... Во всякомъ случаѣ универсалъ Крутневича даетъ матеріалъ для новыхъ догадокъ въ уясненіи темныхъ сторонъ исторіи Днѣпровскаго козачества. Печатаемъ самый универсалъ съ буквальною точностью противъ подлинника.

«Гаврило Крутневичъ, гетманъ и все рыцерство его кр. млти войска Запорозкого.

---

[1]) Крутневичъ жилъ еще и въ 1610 г.—См. „Кіевск. Стар.", 1882 г., № 5, стр. 202, гдѣ Крутневичъ упоминается какъ „мешкаючій въ Каневѣ козакъ Запорозкій", собственникъ социніанскаго евангелія.

[2]) Какъ извѣстно, объ этихъ *рѣчныхъ* козакахъ упоминаетъ уже и Папроцкій, разсказывая авантюру Заборовскаго („obrócił do drugiej rżeki Samary; tam znalazł 200 kozaków *rzecznych*, którzy tylko zwierza, ryby łowią drugim na żywność..." „*Herby*", изд. Туровск., 157). См. также Źródła Dziejowe, t. XX, стр. 154, 1581 года, „Regestr kozaków nizowych Zaporoskich i *rzeczecznych*, który chodzili na służbę króla jmci do Moskwy".

Ознаймуемо тымъ нашимъ войсковым листомъ теперъ и напотом будучим товарышомъ нашимъ, кому бы того ведат потреба належало, иж кгды есмо с послуги его кр. м. з Ифлянт до Киева прибыли, били нам войску всему чоломъ в Бове велебный его млсть отец Игнатей, игуменъ зо всею еже о Христе братею своею манастира светого Николы Пустынского Киевского, о томъ, иж продокъ нашъ небожчикъ Самоел Кошка, гетманъ войска Запорозского, з нами всими товарышми своими, за дозволенемъ и радою нашею, далъ имъ лист под печатю войсковою и с подписомъ руки писарское, капитуле манастыра Николского, который лист перед нами тепер покладали, в которомъ пишет до всихъ товарышов нашихъ, такъ Запорозких козаков, яко и рѣчечныхъ, абы кривды на входахъ ихъ, меновите пон(и)же Черкасъ, Бѣлоберезких и Пивскихъ, также из-езовъ их на Днепре, кривды и шкоды не чинили, але еще указуючи прихилност и ласку нашу (вой)сковую ку церкви божой и къ тым богомолцомъ нашимъ монастыра светого Николы, што одно приходит на войско Запорозкое от ухо...ковъ (уходниковъ?) на Днепре нижей Черкасъ и вышей Черкасъ, ведлугъ звычаю, б(оро)шна, для которого высылаемъ посланцовъ нашихъ для... (отби?)рания з них Николских уходов жадное речы, тоест Бѣлоберезских и Пивскихъ, еды, питей, чолна и никоторого борошна, а ни подводъ не брати и ни в чомъ имъ кривды не чинити, вечными часы, войско все в коле одностайне згодне даровали манастыръ Николский, о чомъ теперъ мы, будучы свѣдоми того листу так Кошчиного, яко и теперешнего часу пана Ивана Косого, имъ, капитуле, за гетманства его даного, -на тые ж входы менованые, также за ведомостю и росказанемъ, призволенемъ всего войска, мы и овшемъ стверждаемъ и водлуг тых листов, яко се помени(л)о, вже вѣчными часы есмо даровали и теперъ даруемъ имъ и всим товарышомъ нашимъ войска Запорозского козакомъ, яко и рѣчечнымъ, ознаймуемъ и росказуемъ, абы водлугъ тыхъ листовъ справовали, ни в чомъ кривды и шкоды церкви божой не чинили под ласкою и срокгостю войсковою, не важечи собе тых листов, от всего войска капитуле Николской даного легце, кгды жъ великие кривды и шкоды относят от жолнинцовъ и чигиринцовъ 1); еще есмо повинни ихъ, яко богомолцовъ нашихъ, от кривдъ боронити и не братъ, але еще надават, на што есмо его милости отцу игумену и всей еже о Христе брати монастыра светого Николы Пустынского Киевского дали сесь нашъ листъ, под пе-

1) Т. е. жителей Жовнина и Чигриндуброви.

чатю войсковою и с подписомъ руки моее власное. Писан в Киеве, року тысяча шест сот третего, мца мая двадцат второго дня.

М. П.

Грицко Сеневич, писар войска Запорозкого».

Универсалъ написанъ на листѣ сѣрой бумаги, при чемъ изъ второго полулиста вырѣзана полоса для закрытія краснаго воскового кружка, на которомъ оттиснута печать. Послѣдняя величиною въ серебр. полтинникъ, съ изображеніемъ козака и круговою надписью: *печать войска Запорозкого.*

Подлинникъ универсала находится въ собраніи В. В. Тарновскаго, которымъ пріобрѣтенъ отъ одного кіевскаго старьевщика вмѣстѣ съ нѣсколькими другими документами, исходящими изъ того же Пустынно-Никольскаго монастыря и того же содержанія,—о монастырскихъ имѣніяхъ. Слѣдуетъ думать, что документы эти взяты уже изъ Кіевской казенной палаты, куда они должны были быть переданы при секуляризаціи монастырскихъ имѣній.

---

15. Сборникъ историческихъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго козачьяго войска. 3 тома. Собраны и изданы И. И. Дмитренко. *Спб. 1896. 8 д. л. Томъ I. 1. Кубанскій Край. 2. Кавказская Линія. 3. Черноморское войско козачье. 4. Хоперскіе козаки. 1737—1801 г.г. XVI+897 стр. Томъ II. Бумаги императрицы Екатерины II, Потемкина-Таврическаго, Суворова-Рымникскаго и друг. 1787—1795 г.г. XXVII+475 стр. Томъ III. Войско вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ. 1787—1795 г.г. XL+799 стр.*

Осенью 1896 г. Кубанское козачье войско праздновало свой двухсотлѣтній юбилей. Въ составъ Кубанскаго войска вошло съ 1861 г. и Черноморское войско, возникшее изъ переселившихся въ к. XVIII в. на берега Кубани бывшихъ запорожцевъ. Кубанскій юбилей подалъ поводъ къ нѣсколькимъ изданіямъ *матеріаловъ для* исторіи Кубанскаго козачьяго войска вообще и для исторіи «войска вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ» въ частности [1]). Къ числу этихъ изданій принадлежатъ и настоящіе три тома «матеріаловъ», изданныхъ И. И. Дмитренкомъ. Въ предисловіи къ этому изданію читаемъ: «Занятія по исторіи бывшаго Черноморскаго козачьяго войска, прямого и не-

1) См. „Кіевск. Стар. 1897 г., № 7—8, II, 42.

посредственнаго наслѣдника столь славнаго и знаменитаго Запорожскаго войска, дали мнѣ возможность собрать въ архивахъ Петербурга Москвы и Екатеринодара довольно большое количество интересныхъ документовъ. Примѣръ изданія военно-ученымъ комитетомъ сборниковъ однихъ лишь военно-историческихъ документовъ... побудили и меня къ изданію возможно большаго числа собранныхъ мною документовъ, какъ пособія вообще къ исторіи козачества, такъ и въ частности къ исторіи Кубанскаго козачьяго войска. Осуществить это мнѣ представилось возможнымъ лишь благодаря просвѣщенному содѣйствію наказнаго атамана Кубанскаго козачьяго войска Як. Дм. Маламы съ матеріальною помощью большого любителя и глубоваго знатока козачьей старины П. П. Бурсака». Далѣе г. Дмитренко говоритъ, что, «не останавливаясь на издаваемыхъ теперь трехъ томахъ, въ недалекомъ будущемъ, имѣя уже готовый въ рукахъ матеріалъ, онъ приступитъ къ изданію послѣдующихъ томовъ, захватывая въ каждый томъ или выпускъ періодъ времени отъ 5 до 10 лѣтъ жизни Кубанскаго козачьяго войска, чередуя отдѣльно выпускъ документовъ по исторіи Черноморскаго и Линейнаго войскъ».

Матеріалы для исторіи Черноморцевъ помѣщены почти исключительно въ послѣднихъ двухъ томахъ.

Послѣ разоренія въ 1775 г. Сѣчи, запорожцы разбрелись по южнорусскимъ степямъ и «блукали» тамъ, пока Потемкинъ не организовалъ изъ нихъ въ 1787 г. «войска вѣрныхъ козаковъ», подъ командою «войскового атамана и подполковника» Сидора Бѣлаго. Въ январѣ 1788 г. Потемкинъ извѣстилъ «войско», что императрица «изволила снизойти на пожалованіе войску земли для поселенія въ *Керченскомъ кутѣ* или на Таманѣ. Съ этого времени бывшіе запорожцы получаютъ названіе *Черноморскихъ* козаковъ. Заботясь о дальнѣйшемъ устройствѣ послѣднихъ, Потемкинъ въ августѣ 1788 г. «утвердилъ премьеръ-майора Антона Головатаго полковникомъ при войскѣ вѣрныхъ козаковъ, имѣющихъ кошъ свой на Збуреевской сторонѣ, подъ командою войск. атамана Сидора Бѣлаго», причемъ «велѣно ему принимая въ селеніяхъ бывшихъ козаковъ Запорожскихъ всѣхъ таковыхъ, прежде въ кошѣ служившихъ козаковъ, записывать въ число помянутыхъ вѣрныхъ»... (II, 10). Затѣмъ, въ январѣ 1789 г., «войско вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ» получаетъ прежнюю организацію запорожцевъ: Чепѣга получаетъ званіе *кошевого* атамана, Ант. Головатый—войскового судьи и т. д. Вслѣдъ затѣмъ Потемкинъ точнѣе указалъ Черноморскому войску и тѣ земли, на которыхъ оно полу-

чило право расселяться: «на Кинбургской сторонѣ земли, непринадлежащія помѣщикамъ, а отъ Буга по морю до Днѣстра... присовокупляется къ тому жъ округъ Еникольскій съ Таманомъ, на которомъ отданныя мнѣ мѣста съ рыбными ловлями самыми изобильными, *любя войско, навсегда оному дарую*». (I, 45). Съ этого времени Черноморское войско служило военную службу въ составѣ русской арміи до лѣта 1792 г., когда ему было пожалованъ «въ вѣчное владѣніе состоящій въ области Таврической островъ Фанагорія со всею землею, лежащею на правой сторонѣ рѣки Кубани отъ устья ея до Усть-Лабинскаго редута»... (II, 2).

Вмѣстѣ съ тѣмъ на эти пожалованныя земли козаки должны были и переселиться. Напечатанные г. Дмитренкомъ «матеріалы» для исторіи Черноморскихъ козаковъ дѣлятся на двѣ части: одна, обнимающая собою службу козаковъ до переселенія на Кубань, а другая — относящаяся уже къ жизни козаковъ на Кубани. Первая часть заключаетъ въ себѣ акты 1787—1791 г.г., а вторая 1792—1795 г.г. Всѣ эти «матеріалы» взяты, какъ сказано на заголовкѣ, изъ «Кубанскаго войскового архива». Въ архивѣ этомъ занимался уже г. Короленко, авторъ обстоятельной монографіи, изданной подъ заглавіемъ «Черноморцы»[1]). состоящей тоже изъ двухъ частей: 1) «Черноморцы за Бугомъ» и 2) «Черноморцы на Кубани». Въ книгѣ г. Короленка напечатано значительное количество и сырого матеріала («Приложенія», 76 стр.), извлеченнаго изъ того же кубанскаго войск. архива Теперь изданные г. Дмитренкомъ *матеріалы* представляютъ собою новыя подробности для исторіи Черноморскихъ козаковъ, дающихъ возможность будущему изслѣдователю пополнить и значительно распространить монографію г. Короленка[2]). Несомнѣнно, что трудъ г. Дмитренка по собранію и изданію столь значительнаго по количеству историческаго матеріала для «Черноморіи» заслуживаетъ большой благодарности всѣхъ интересующихся судьбами Днѣировскаго коза-

---

1) Черноморцы. Соч. Короленко. Спб. 1874. 8 д. л. 212+76 стр. Послѣ изданія этой книги явился еще, въ 1880 г., очеркъ Вентковскаго—*Заселеніе Черноморіи съ 1792 по 1825 годъ*. (Памятн. книжка Кубанск. области 1881 г.) 125 стр. Разсказъ Вентковскаго о первыхъ годахъ жизни Черноморцевъ на Кубани основанъ на книгѣ г. Короленка.

2) Въ „матеріалахъ" г. Дмитренка мы замѣтили повтореніе лишь одного документа, уже напечатаннаго г. Короленкомъ; это—церемоніалъ встрѣчи Головатаго послѣ его возвращенія изъ Петербурга, въ августѣ 1792 г., напечатанный у г. Короленка на стр. 29—31, а у г. Дмитренка—III, 499—501.

чества. При этомъ, однако жъ, нельзя не замѣтить, что планъ размѣщенія документовъ въ «Сборникѣ» г. Дмитренка имѣетъ нѣкоторые недостатки. Прежде всего, редакторъ расположилъ документы, помѣщенные во второмъ томѣ, не въ хронологическомъ порядкѣ, а по группамъ лицъ, отъ которыхъ исходили тѣ или другія оффиціальныя бумаги; такимъ образомъ мы видимъ здѣсь такіе отдѣлы: «бумаги императрицы Екатерины II», «бумаги кн. Потемкина-Таврическаго», «бумаги Голенищева-Кутузова, «бумаги Нассау Зигенъ» и т. д. При такомъ планѣ свѣдѣніе о томъ или другомъ фактѣ, случившемся въ опредѣленное время, можетъ находиться въ разныхъ мѣстахъ книги, смотря потому, въ бумагѣ какого *начальника* оно изложено. Затѣмъ, документы, напечатанные въ третьемъ томѣ и составляющіе матеріалъ во всемъ однородный съ тѣмъ, который помѣщенъ во второмъ томѣ, расположены однако жъ уже хронологически, потому что здѣсь оффиціальныя бумаги исходятъ отъ весьма значительнаго количества лицъ и притомъ рангов не важныхъ... Но въ третьемъ томѣ замѣчается существенный недостатокъ въ томъ, что редакторъ почему то нашелъ нужнымъ опустить не только *надписи* и *подписи* въ бумагахъ, но и обозначеніе мѣстъ, откуда бумаги писались. При этомъ заголовки бумагъ, сдѣланныя редакторомъ черезчуръ кратки и неопредѣленны. Напр. «Ордеръ Головатого полковнику Курлянскому, 28 ноября 1789 г.» (№ 224). Кто такой былъ этотъ полковникъ Курлянскій и откуда писанъ ордеръ—остается неизвѣстнымъ. «Ордеръ Головатого Лубяному», (№ 227); ни званія Лубяного, ни мѣста написанія ордера—нѣтъ. «Письмо Іосифа Трубникова Головатому», (№ 232);—кто такой Трубниковъ и откуда писано письмо—свѣдѣній нѣтъ». «Секретный ордеръ войск. есаула Зах. Сутыки» (№ 245);—кому писанъ ордеръ и откуда—не видно. «Прошеніе куреней Тимошевскаго и Деличковскаго судьѣ Головатому» (№ 312). Кѣмъ подписано прошеніе и откуда—неизвѣстно; «приказъ коша старшинѣ Каракаю» (№ 368),—кѣмъ подписанъ «приказъ» и откуда—не видно. «Сообщеніе турецкихъ запорожцевъ старшинамъ» (№ 565),—какимъ старшинамъ писано «сообщеніе», кѣмъ и откуда—не указывается. «Регистръ, сколько забрано вещей въ землянкѣ судьи Головатого» (№ 617).—Въ какой землянкѣ забирались вещи, по какому случаю и кѣмъ—не видно. «Письмо судьи Головатого Павлу Фроловичу, 21 апрѣля 1792 г., устье Березани» (№ 657).—Кто такой Павелъ Фроловичъ—не видно, а письмо хотя и надписано—«устье Березани», но писано оно изъ Петербурга (стр. 456), потому что тамъ находился въ этотъ моментъ Головатый

(стр. 455—457); а что собственно обозначаетъ указаніе на «устье Березани»—понять нельзя. «Письмо Скаржинскаго кошовому Чепѣгѣ, 20 мая 1793 г. Астрахань» (№ 861).—Кто такой Скаржинскій—не видно, при чемъ это свѣдѣніе можетъ быть объяснилось бы изъ подписи Скаржинскаго, въ печати опущенной. «Письмо Федора Квитки Ант. Андр. Головатому» (№ 982),—кто такой Ф. Квитка и откуда письмо писано—не указывается. И. т. д., и т. д.

Указанные редакторскіе дефекты тѣмъ большее возбуждаютъ сожалѣніе, что собранные г. Дмитренкомъ матеріалы по содержанію своему, за рѣдкими исключеніями, очень интересны, значительно дополняя и поясняя наши свѣдѣнія о перерожденіи Запорожья въ «Черноморіи».

По малоизвѣстности книги г. Дмитренка [1]), приводимъ изъ нея нѣсколько документовъ для лучшаго ознакомленія съ этимъ изданіемъ.

а. «*Письмо Антона Головатого Павлу Фроловичу, 21 апр. 1792 г.* Вамъ не безизвѣстно о турецкой войнѣ, какая уже окончилась, и мы, изъ бывшихъ запорожцевъ, по повелѣнію покойнаго свѣтлѣйшаго князя и великаго гетмана и монаршаго благоволенія, собравшись до двѣнадцати тысячъ, служили во оной: на водѣ—лодками, сухомъ пути—пѣшо и конно, и названы вѣрными Черноморскими козаками; а за службу теперь назначиваютъ къ поселенію землю на Кубани и Тамани, для полученія которой пріѣхалъ я съ старшинами въ Петербургъ и обнадеживае(ю)тъ отсель скорою отправкою. Въ войскѣ нашелъ больше женатыхъ, нежели холостыхъ. Знакомыхъ вашихъ изъ Шкуринскихъ (изъ Шкуринскаго куреня?) стариковъ на службѣ есть: Василь Иваша и Есько, что въ байракахъ жилъ, Лукьянъ Невдига и Останъ Спичакъ. Полковникъ Колпчикъ померъ. Кошовымъ прежде былъ Сидоръ Бѣлый, коего подъ Очаковомъ, въ сраженіи на судахъ, убили, а нынѣ Захарій Чепѣга Кисляковскій (Кисляковскаго куреня?), судьею я, писаремъ Леушковскій (кур.) Котляревскій, есауломъ Крилевскій (кур.) Сутыка. Когда Петръ Ивановичъ и Иванъ Яковлевичъ въ живыхъ, то свидѣтелствуйте отъ меня нижайшій имъ уклонъ, а притомъ покорно прошу, батьку, не оставляйте, ежели случай позволитъ, о тамошнемъ поведеніи своей жизни, и кто изъ нашихъ запорожцевъ живъ, письменными увѣдомленіями».

---

[1]) Книга эта, повидимому, на рынкѣ не появлялась, такъ какъ въ объявленіяхъ не называлась. Узнать о ней намъ пришлось случайно и получили мы книгу непосредственно изъ Екатеринодара, благодаря любезности И. И. Дмитренка.

Павелъ Фроловичъ, къ которому написано письмо, это несомнѣнно бывшій запорожскій войск. судья Головатый, арестованный при уничтоженіи Сѣчи, въ 1775 г., вмѣстѣ съ кошевымъ атаманомъ Калнишевскимъ (Петромъ Ивановичемъ) и войск. писаремъ Глобою (Иваномъ Яковлевичемъ). Объ этихъ двухъ лицахъ Антонъ Головатый и спрашиваетъ Петра Головатаго (м. б. своего родственника) и кланяется имъ. Но куда же это письмо писано?—Извѣстно, что главные представители уничтоженной Сѣчи были сосланы, въ 1776 г., въ разныя отдаленныя окраины: Калнишевскій—въ Соловецкій монастырь, Петръ Головатый—въ Тобольскъ и Глоба—въ Кондинскій монастырь (850 верстъ къ сѣв. отъ Тобольска) [1]). Петръ Головатый въ Тобольскѣ и умеръ; слѣд. Антонъ Головатый писалъ свое письмо еще туда же, въ Тобольскъ, но было ли оно отправлено по адрессу—знать того нельзя, такъ какъ въ книгѣ г. Дмитренка не значится—откуда взято имъ это письмо; едва ли можно полагать, чтобы и оно взято было изъ Кубанск. войск. архива. Въ приведенномъ письмѣ Ант. Головатаго особенно интересенъ тотъ фактъ, что и чрезъ 16-ть лѣтъ послѣ ссылки Калнишевскаго, еще не зналъ о мѣстѣ этой ссылки даже и такой свѣдущій въ запорожскихъ дѣлахъ человѣкъ, какимъ былъ Ант. Головатый...

6. «*Довѣренность Ант. Головатого поручику Латѣ на продажу его имѣнія, 10 окт., 1792 г.* «Состоящую Екатеринославскаго намѣстничества, въ Новомосковскомъ уѣздѣ, при рѣчкѣ Кильчакѣ, собственную мою дачу о 3500 дес. удобной, а неудобной 450 дес. земли, со всѣми находящимися на ней господскимъ и подданническимъ строеніемъ, хлѣбомъ, пчелами и другими домовыми вещами (кромѣ воды) (?) равно въ мѣстечкѣ Новоселицахъ жилой домъ, ежели кто пожелаетъ купить, прошу васъ за объявленныя отъ меня цѣны продать, гдѣ надлежитъ въ судебномъ мѣстѣ законнымъ порядкомъ крѣпость совершить, и покупщику на оную дачу планъ и книгу межевые, при семъ прилагаемые, поручите»...

Приведенный документъ показываетъ, какъ устраивалась запорожская старшина послѣ разоренія Сѣчи.

---

[1]) См. Русск. Стар. 1875 г., ноябрь, статья П. С. Ефименка, „Донъ", ежемѣс. журналъ, 1897 г., ноябрь, статья Д. И. Эварницкаго и „Календарь Тобольск. губ. на 1890 г." (Тобольскъ), въ которомъ помѣщены свѣдѣнія о „колодникахъ" Кондинскаго монастыря XVIII в., при чемъ въ числѣ колодниковъ называется и Глоба. Въ Кондинскомъ м—рѣ Глоба и умеръ, оставивъ послѣ себя въ г. Кондинскѣ потомство, существующее и нынѣ. Календ., стр. 268.

е. *«Письмо Скаржинскаго кошовому Чепѣгѣ, 20 мая 1793 г. Астрахань.»*—Батьку, знаменитый атаманъ кошевый, старшій брате Захаръ Алексѣевичъ! Ей що то колись буіо въ Сѣчи видати, то теперъ слухомъ слыхати, атамана кошового, поря(а?)дника войскового, батька Захара Алексѣевича и судью Антона Андреевича съ старшинами и славнымъ вѣрнымъ войскомъ на здѣшнемъ берегу Черноморскомъ и по рѣкѣ Кубани. Послухайте жъ—чего хочется мнѣ?—Чтобъ вамъ Богъ далъ счастливо жити, вороговъ бити, старыхъ женити, дѣтей плодити, рыбу ловити, скотъ розводити да и новую еще славу заслужити. Все сіе вамъ Богъ дасть и буде, бо вы добрые люди. Ой колибъ то я могъ васъ теперь видати и якъ батьковъ и братей обняти, тобъ то серцу утѣха, но коли въ томъ помѣха, то письмо пишу и васъ прошу, батьку, атамане кошовый, и ты, пане судья войсковый, поклонъ отъ меня приняти, старшинамъ и войску сказати, что я всѣмъ вамъ пріятель вѣрный и доброжелатель нелицемѣрный, да що и сынъ мой вашъ козакъ куренній. Прощайте да и насъ не забувайте».

Кто такой былъ авторъ этого лирическаго посланія—не видно; даже неизвѣстно и имя этого Скаржинскаго, вѣроятно значившееся въ его подписи.—Можетъ быть это былъ сынъ лубенскаго сотника—Петръ Михайловичъ Ск—ій, который за участіе во взятіи Очакова получилъ Георгія, а въ 1793 г. былъ «кавказскимъ намѣстникомъ»[1]). Если это былъ дѣйствительно П. М. Скаржинскій, то письмо его не можетъ не указывать на сочувствіе «городовыхъ» къ судьбѣ Запорожья—послѣ уничтоженія Сѣчи... Откуда взято это письмо! видимо принадлежавшее къ семейному архиву кошеваго Чепѣги,—не указано.

ѳ. *Письмо къ отцу сыновей Антона Головатаго, Александра и Афанасія, 13 февр., 1794 г.* «Свидѣтельствуемъ вамъ наше всенижайшее почтеніе и увѣдомляемъ васъ, что мы еще слава Богу здоровы. При семъ просимъ васъ всепокорнѣйше не оставить насъ вашимъ родительскимъ увѣдомленіемъ о своемъ здоровьи и благополучіи.—Я[2]) же сего лѣта былъ въ морѣ и продолжали путь свою до Даніи; въ Копенгагенѣ были. Я служилъ на адмиралтейскомъ кораблѣ у Александра Ивановича фонъ-Крюва «Іоанъ Креститель», стопушечномъ. Но въ бытность мою въ морской практикѣ отъ морской погоды былъ всегда въ болѣзни. И такъ прошу вашего роди-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1893 г., іюнь, 426.

[2]) Это говоритъ о себѣ старшій Александръ, какъ видно изъ другихъ бумагъ.

тельскаго позволенія чрезъ годъ выйдти изъ корпуса въ полкъ, въ какой вамъ угодно будетъ. Я съ моей стороны желалъ бы вашимъ черноморскимъ офицеромъ быть, ежели вашей родительской милости разсудится, по окончаніи геометріи, фортификаціи и артиллеріи [1]). Я же, когда былъ въ морѣ, то братцу ни сахару, ни чаю не отпущали, кромѣ полтора рубля въ пять мѣсяцевъ, и то приказывалъ ему нашъ господинъ полковникъ пять (?) по одной копѣйкѣ въ день.—Въ корпусѣ же хорошо учатъ, но впрочемъ содержаніе очень худо. Намъ, какъ вамъ извѣстно, 952 рубля въ годъ (?); платья же, въ которомъ въ классы ходимъ, кромѣ мундировъ и бѣлья, все кадетское, также—кушанье, чаю (?); тѣмъ мы и отличны отъ кадетъ. Прежде, какъ вамъ извѣстно, насъ ея императорское величество изволила опредѣлять въ корпусъ, то намъ отведено было два покоя, кушанье и денщикъ было особливо. Въ бытность мою въ морѣ, (?) при окончаніи компаніи (когда?) возвратился, то братецъ стоялъ вмѣстѣ съ кадетами и кушалъ кадетское кушанье. Я просилъ господина полковника нашего, чтобъ онъ отпустилъ кушанье къ намъ, но онъ отказалъ. Кромѣ чая, мнѣ къ зимѣ купили шубу, а братцу нѣтъ. Я много разъ сказывалъ, но онъ сказалъ: она ему не нужна, потому что онъ будетъ въ корпусѣ. И такъ, чѣмъ больше я ему говорю, тѣмъ больше онъ на меня сердится. И такъ просимъ васъ, милостивѣйшіе родители, кланяться любезной бабушкѣ нашей, также и любезнымъ братцамъ и всѣмъ сродникамъ всенижайшее наше почтеніе просимъ засвидѣтельствовать и остаемся навсегда ваши доброжелательные дѣти. С.-Петербургъ». Изъ приведеннаго письма видимъ—какъ черезъ 20-ть лѣтъ послѣ уничтоженія Запорожья сыновья разогнанныхъ запорожцевъ—уже учились въ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ, и, какъ видно, не отставали отъ товарищей, изучая геометрію, фортификацію, артиллерію... Кромѣ этихъ двухъ сыновей, у Головатаго было еще три: Матвѣй, Андрей и Константинъ. Послѣдніе три въ 1796 г. были еще «малолѣтними» [2]). Одного изъ нихъ, впослѣдствіи, Головатый помѣстилъ въ какое то харьковское училище [3]).

д. Письмо Федора Квитки къ Антону Головатому, 17 марта, 1794 г. «Во первыхъ поздравляю васъ со всѣмъ домомъ св. четыре-

[1]) Желаніе юнаго черноморца было исполнено: въ 1796 г. онъ уже ходилъ съ отцомъ въ походъ на „Персидскіе берега“. „Сборн.“, I, 67.

[2]) См. т. I, стр. 67 и т. III, стр. 764.

[3]) Статья Основьяненка о Головатомъ, Отеч. Зап. 1839 г., № 11, стр. 11.

десятницею, которую желаю отъ всего сердца въ ненарушимомъ здравіи и благополучіи препроводить и страстямъ Христовымъ поклоняться... Матушка—что въ письмѣ пишетъ, тому есть такъ точно. Меня польстило на то то самое, что она хотя богатого отца, но все то богатство принебрегала, а приняла христіанскую вѣру съ тѣмъ, чтобы быть мнѣ женою. Я вижу, что сіе сдѣлала она чрезъ меня, боясь Всевышняго, чтобъ меня за сіе не наказалъ, если ее оставлю, вознамѣрился на ей сочетаться бракомъ, пришло мнѣ на мысль то, что може за сіе меня Богъ не оставитъ»...

е. «Письмо Ульяны Порохниной къ зятю Ант. Головатому, «17 марта, 1794 г. Самара». «Наступившимъ нынѣ святымъ постомъ поздравляю васъ съ любезнѣйшею вашею сожительницею и дѣтками... О себѣ же доношу, что по милости Всевышнего жива и здорова нахожусь. Федоръ Григорьевичъ свидѣтельствуетъ свое нижайшее почтеніе. Пріѣхалъ съ полка въ домъ, привезъ себѣ невѣсту изъ знатной фамиліи, но только изъ иностранныхъ, а уже выкрещенку. Проситъ дозволенія о вступленіи съ ею въ бракъ. Я хотя по разсужденіи своему, что она иностранка, несвѣдующая совсѣмъ, мнѣ и не желала (?) сего сдѣлать, но видя ея добродѣтельство, хорошія качества и къ хозяйству охоту имѣющую, усердно желаю и благословлю ихъ; и васъ покорно прошу желать имъ добра и не оставить ихъ»...

ж. Письмо Ант. Головатою къ З. А. Чепѣгѣ, 30 мая 1794 г., Тамань. «Моя Ульяна Григорьевна по полудни въ 5-мъ часу, въ самую зелену недѣлю, ради праздника, царство ей небесное, покинула меня и осталась въ крайней багѣ (?), вчерашній день, залогомъ моей вѣрности и преданности Богу, государю, войску и товариству [1]).

Больше нечѣмъ хвалиться, а увидѣвшись говорить буду».

Изъ приведенныхъ трехъ писемъ многого понять нельзя. Федоръ Квитка (какой неизвѣстно) [2]) называетъ Ульяну «Порохнину» —матерью; въ то же время эта Ульяна Порохнина по свидѣтельству редактора есть теща Ант. Головатого, но она ли есть и та Ульяна Григорьевна, которую называетъ Головатый *своею*, извѣщая Чепѣгу о ея смерти—

[1]) Письмо приводится буквально. Смыслъ заключительныхъ словъ непонятенъ...

[2]) Разумѣется не отецъ писателя Григорія Федоровича, родившагося въ 1778 г. Объ отношеніяхъ отца писателя къ Ант. Головатому см. выше указанную статью Гр. Ф. Квитки въ Отеч. Зап. 1839 г.

разобрать нельзя... Несомнѣнно, что опущенныя редакторомъ *надписи* и *подписи* писемъ во многомъ затемнили содержаніе и этихъ писемъ.

При нѣкоторыхъ недостаткахъ «Сборника», редакторъ его тѣмъ не менѣе, повторяемъ, заслуживаетъ большой благодарности за ту массу интереснаго матеріала, которую онъ въ немъ обнародовалъ. Эти матеріалы даютъ намъ возможность близко познакомиться съ представителями *послѣднихъ запорожцевъ*—Чепѣгой, Головатымъ и друг.—и оцѣнить ихъ практическій умъ, съ помощью котораго они такъ умѣло и прочно устроили судьбу разогнаннаго было запорожскаго «товариства». Будемъ ожидать, что обѣщаемые И. И. Дмитренкомъ «послѣдующіе томы» его «Сборника» представятъ такой же интересный матеріалъ для исторіи переорожденнаго Запорожья.